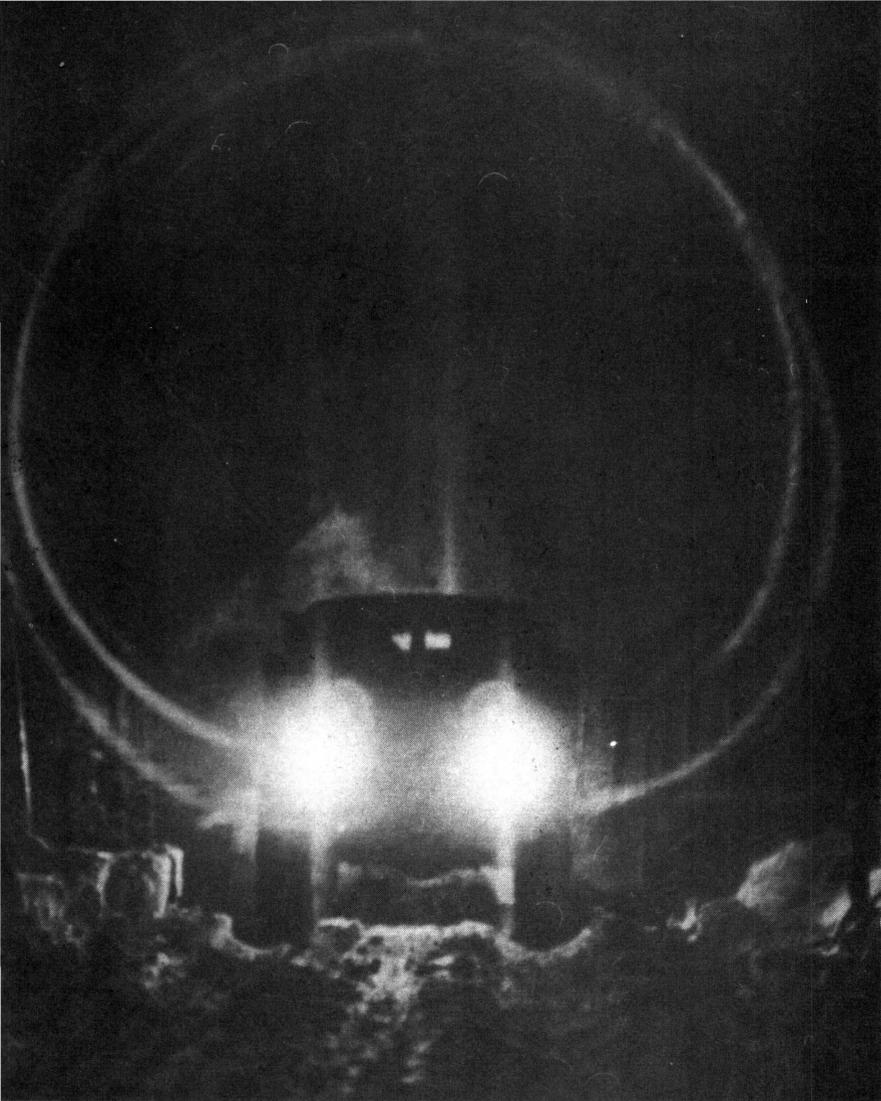




**ВОКРУГ  СВЕТА**

**6** 1968  
ИЮНЬ



## **ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!**

Поздравляем тебя с праздником — Днем советской молодежи!

Исканиям и делам молодых энтузиастов посвящаются репортажи:

— О ПОКОРИТЕЛЯХ  
ЛЕДОВЫХ ТРАСС;

*(стр. 12)*

— О ГЕОЛОГАХ,  
ИДУЩИХ ПО РЕКАМ;

*(стр. 28)*

— О ХРАНИТЕЛЯХ  
МОРСКИХ ДОРОГ.

*(стр. 70)*



# 1968 ВОКРУГ ГЛОБУСА СВЕТА

№ 6  
ИЮНЬ

*Журнал основан в 1861 году*

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ  
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ  
ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ

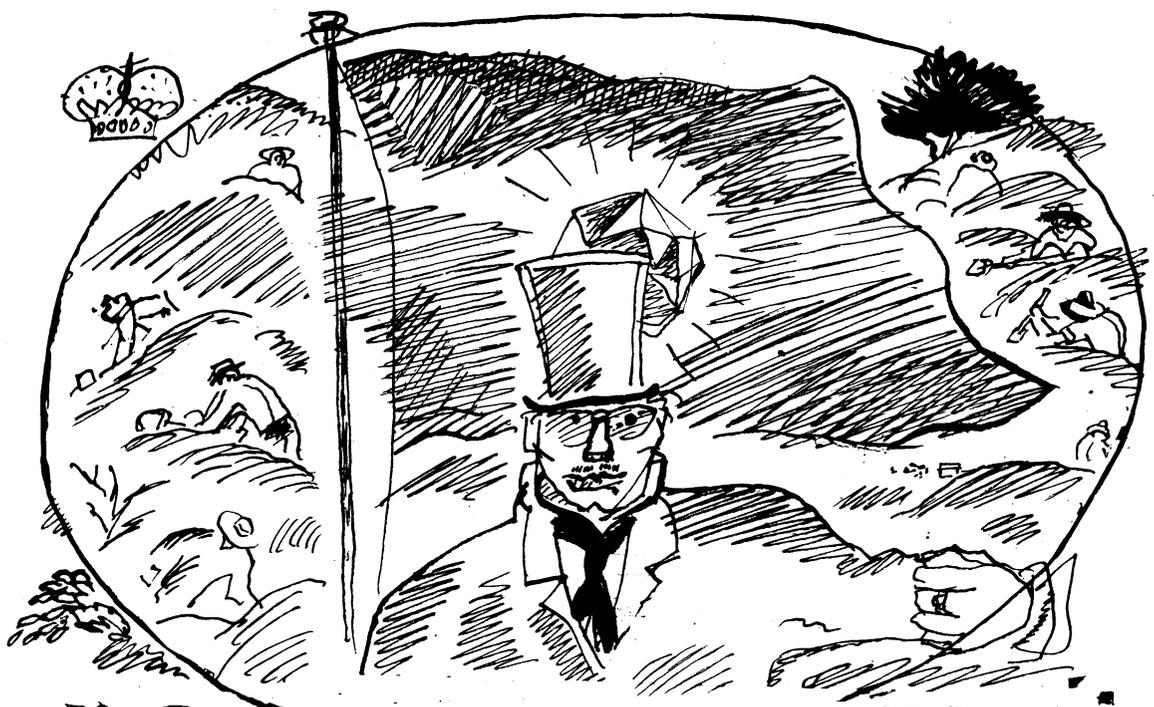
О легендах Мадагаскара, о поисках карликов ангалампи и о людях вазимба, живущих на реке Манамболо, рассказывает австрийская путешественница Лотта Гернбек.

*(стр. 16)*

О героях, возвращающихся с далекой звезды. Фантастический рассказ молодого советского писателя В. Михайлова.

*(стр. 32)*





## КОРОЛЬ АЛМАЗНЫХ ПОЛЕЙ

Рассказ

ДЭН ДЖЕКОБСОН,  
южноафриканский писатель

**Д**жереми Могэн был американец. Подобно тысячам людей всех национальностей, Могэн, едва до него дошло известие о первой алмазной лихорадке в Южной Африке, немедленно отправился туда и присоединился к толпам старателей, наворотившим холмы из перекопанной земли, похожие на могильные курганы, которые и сегодня можно увидеть к западу от Линдгурста среди вельда.

В те времена территория, где были найдены алмазы, не принадлежала никому, или, можно сказать, принадлежала всем. На нее претендовали буры Трансваальской Республики, буры Оранжевой Республики, вожди трех или четырех скотоводческих племен смешанных рас также претендовали на нее, и только правительство либералов в Великобритании не имело никаких претензий на эти земли, полагая, что алмазные россыпи скоро иссякнут, а Британии и без того уже принадлежало немало бесполезных пустынь в Южной Африке. И вот тогда Джереми Могэн, не добившись успеха на старательском поприще, тоже заявил свои права на эту территорию: от имени государства Алмазная Республика, первым президентом которой он сам назначил себя.

Поначалу Могэн добился значительных политических успехов. Старатели не имели никакого желания платить ренту и другие налоги ни одной из бурских республик, и еще менее они желали подчиняться племенным вождям.

Поэтому они буйно ликовали, когда Могэн с группой своих сторонников бросил в реку Плат бурского судью, поджег крааль, принадлежавший племени баглапин и торжественно поднял флаг Алмазной Республики (серебристый алмаз на голубом поле) над одним из самых больших лагерей старателей. Могэн сформировал кабинет министров и назначил полицейских, направил решительные, хотя и дружественные, послания королеве Виктории, пре-

зидентам обеих бурских республик и даже кайзеру, произносил речи и выпускал воззвания.

Его «правительство» протянуло не долго и, пока существовало, было жалким и ничтожным. Полиция Могэна являла собой банду громил, вымогавших у старателей деньги за охрану («налоги»), а сам Могэн продавал оружие племенным вождям, использовавшим его против буров, которых он в то же время пытался задабривать взятками («государственные расходы»). Он носил медали своего изобретения, серый цилиндр и очки с зелеными стеклами, жестоко пил и пытался запретить пить другим. Он выпустил денежные знаки «могэны» и объявил их действительными в обращении на территории, которой управлял. Вскоре старатели уже раскаивались в том энтузиазме, с каким они провозгласили Могэна президентом. Когда алмазные россыпи были обнаружены и в сотнях миль к востоку, где позднее вырос Линдгурст, Могэн попытался распространить свою власть и на новые разработки. Но к тому времени старателей стало слишком много, чтобы банды Могэна могли терроризировать всех; к тому же имперское правительство, наконец, осознало значение этих россыпей и предъявило на них права, несмотря на энергичные протесты буров, племенных вождей и Джереми Могэна. Немедленно были выпущены пробританские воззвания, и огромная толпа старателей с бочкой дегтя и мешком перьев выступила в поход на «Белый дом» — побеленную железную будку на берегу реки Плат. Но когда они пришли туда, оказалось, что Могэн успел улизнуть. Больше о нем никогда не слышали.

Через восемьдесят с лишним лет после крушения Алмазной Республики осталось совсем мало таких людей в Линдгурсте или где-либо еще в Южной Африке, кто слышал о Джереми Могэне, — до тех

пор, пока не появилось сообщение, что кинокомпания «Панангло-фильм» приедет в Линдгурст снимать художественный фильм о Джереми Могэне. Вполне понятно, что жители Линдгурста были взволнованы этой новостью, но, когда было объявлено, что звездой фильма будет не кто иной, как Бленд Джиффард из Голливуда, ураган волнения пронесся над всей страной.

На экранах Йоганнесбурга и Кейптауна немедленно начался фестиваль фильмов с участием Бленда Джиффарда; официальные власти в этих и других городах выразили готовность организовать для него банкеты в мэриях, уличные шествия, празднества, чемпионаты по гольфу, мотогонки и даже промышленные и сельскохозяйственные выставки; специализированные магазины продавали флажки с отпечатанными на них надписями «Добро пожаловать, Бленд Джиффард!»; несколько газет объявили конкурс среди членов клуба «Поклонники Бленда Джиффарда», который вдруг возник во всех уголках страны по инициативе девочек-подростков. Каждый участник конкурса должен был написать сочинение «Почему я считаю Бленда Джиффарда величайшим актером», а главным призом был «Вечер с Блендом Джиффардом».

Нам, жителям Линдгурста, предстояло наслаждаться присутствием Бленда Джиффарда целый месяц, а то и больше, и вдобавок выступить в роли хозяев для других, менее известных звезд. В тот день, когда стало известно, что в Линдгурсте будет нанято несколько сот статистов для участия в съемках, огромная толпа собралась перед одним из кинотеатров и разошлась лишь после того, как перепуганный директор кинотеатра заверил, что контора по найму статистов будет учреждена должным образом, и распространил в толпе копии фотографии самого Бленда Джиффарда.

Сборище перед кинотеатром следовало воспринять как предупреждение об эффекте, который будет вызван приездом в Линдгурст Бленда Джиффарда и компании «Панангло-фильм». Но никто не мог предвидеть последствий их приезда для молодого Бенни де Джейгера и одного старика, ставшего известным как «претендент». Потом, когда Бенни де Джейгер ужасным и неожиданным способом положил конец визиту кинокомпания, многие действительно считали, что вообще возбуждение, возможно, чем-то способствовало этой катастрофе. Поэтому они обвиняли газеты в инспирации ажиотажа; они обвиняли всем известную аморальность деятелей кино и политическое положение в стране (у всех нервы были на пределе); говорящие на английском обвиняли тех, кто говорит на африкаанс, а те, в свою очередь, обвиняли говорящих по-английски; обе эти группы белого населения обвиняли цветных и африканцев, которые, хотя и были исключены из участия во всех торжествах, тем не менее несли ответственность за все драматические последствия, а некоторые во всем винили жару. Во время пребывания компании в Линдгурсте вечеринки и приемы устраивались чаще, чем когда бы то ни было, и люди на этих встречах пили больше, смеялись громче, спорили неистовей, хвастали непомерней и флиртовали разнузданней, чем можно было вообразить. Пока компания находилась в городе, внезапно расторгались браки и столь же внезапно объявлялись новые, а девицы спокойно расставались с невинностью. Примерные дети кричали на своих родителей и, поссорившись, ближайшим поездом уезжали в Кейптаун или Йоганнесбург. И все это, как мы знаем, было не самым худшим. Ни в коем случае.

В то утро, когда, наконец, открылась контора по найму статистов, на улице появился Бенни де Джейгер, одетый в черные джинсы, высокие черные сапоги и черную рубашку с белой кожаной каймой по краям нагрудных и боковых карманов. В талии он был перехвачен ремнем, обитым маленькими серебряными кружочками вроде чертежных кнопок, а на его голове красовалась большая черная шляпа с широкими, лихо заломленными полями. За спиной у него висела гитара.

Кое-кто из нас и раньше видел эту гитару: ярко раскрашенный инструмент с двумя танцующими испанцами на тыльной стороне. Бенни де Джейгер играл на ней в одном из джаз-бандов и пел под нее несильным, но приятным тенором на частных и общественных вечерах. Но этот черный ковбойский наряд был сюрпризом. Де Джейгер напыщенно и развязно прохаживался вдоль очереди будущих статистов, снисходительно приветствуя друзей, игнорируя язвительные насмешки незнакомых, и высказывал, не обращаясь ни к кому в отдельности, свое мнение о людях в очереди.

— С ума сойти, — говорил он. — И ты, стало быть, собираешься податься в статисты? Славно, славно!

— А ты? Кем ты собираешься быть? Одиноким коббоем?

Бенни де Джейгер пожимал плечами.

— Не знаю, — отвечал он. — Я еще не знаю, что они предложат.

Таковы были дела. Бенни де Джейгер не сомневался, что станет кинозвездой. Раньше он никогда не проявлял подобных амбиций, но теперь он говорил об этом без тени сомнения. Это был стройный симпатичный парень с синими глазами, аккуратно причесанными волосами и с бесхитростным выражением лица — сын одного местного аукционера. Днем он принимал участие в бизнесе отца, пару вечеров в неделю играл в своем джаз-банде и часто ходил в кино. Потом говорили, что еще за несколько лет до этого он собрал гигантскую коллекцию киножурналов и ежегодников, которую хранил в своей комнате и никогда никому не показывал, и что он на дому прошел заочные курсы драматического искусства. Но в то время мы ничего этого не знали. Впрочем, я сомневаюсь, чтобы это могло иметь какое-нибудь значение для людей в очереди, даже если бы они и знали.

Но более всего толпа была взбуждена тем, что де Джейгер, не поленившись так нарочито вырядиться и прийти к конторе, отказался занять место в очереди. Ему было вовсе не интересно стать каким-то статистом. Бесперспективная работа вроде этой была не для него. И он громко повторял это, заложив за обитый серебром пояс большие пальцы и презрительно поглядывая вокруг себя.

Смущенные, его друзья — именно потому, что они его друзья, — были первыми, кто посоветовал ему пойти помочиться. Несмотря на спокойствие и уверенность де Джейгера, никто всерьез не верил, что он когда-нибудь станет звездой экрана, — факт несколько удивительный, принимая во внимание, какими доверчивыми показали себя люди Линдгурста в последующие недели. Но в данном случае скептицизм еще раз свидетельствовал об их природной скромности: они знали свое место в этом мире, даже если де Джейгер — нет.

За те недели, пока мы ожидали приезда Бленда Джиффарда, город постепенно наводнился членами кинокомпания, в большинстве своем — англичана-



ми и англичанками, поскольку «Панангло-фильм» — британская кинокомпания, с которой Бленд Джиффард вступил в партнерство только ради этого единственного фильма.

Де Джейгер осаждал их всех без разбору. Он пытался добиться аудиенции у режиссера и его ассистентов, он отпечатал карточки с приглашениями для членов компании на серии неофициальных приемов у себя дома. В холлах отелей и даже на улицах он по собственному желанию пел им песни или просто пытался заговорить с ними о своих целях. Никто не ответил на его приглашения. Большинство из них, едва завидев его, вскоре стали сворачивать в сторону. Однажды вечером группа техников целый час заставляла его петь, и, пока они говорили, что у него несомненный талант и что они непременно обратят на него внимание режиссера, спрятали его гитару в мусорную урну в аллее за отелем. Де Джейгеру удалось найти ее только после неистовых поисков, а тем временем техники ревели от смеха над своими же неприличными предложениями, где ему следует искать.

В синих глазах недоумевающего Бенни де Джейгера под аккуратными темными бровями вспыхнул гнев, но он не стал жаловаться. Они насмеялись над ним — он был в этом убежден, — потому что завидовали: такова судьба всех, кому предначертано величие. Он решил, что должен завоевать славу и богатство и что у него хватит сил повернуть жизнь и добиться в этой новой жизни мирового признания. В своем молчаливом одиночестве он не мог не прийти к выводу, что из всех, кто приехал или еще приедет в Линдгурст, был только один человек, который не станет завидовать ему. Разумеется, де Джейгер каждому, кто только был готов его слушать, говорил, что лишь великому актеру дано открыть талант в другом человеке и что только великий человек в состоянии распознать потенциальное величие в другом. В своем воображении, подогретом слишком большим количеством фильмов, Бенни де Джейгер заранее предвкушал взгляд Бленда Джиффарда, которым тот окинет его, и как в этом взгляде равнодушие вдруг сменится надеждой и удивлением; он уже слышал, как Бленд Джиффард обратится к окружающим его людям: «Кто этот человек? Я хочу поговорить с ним»; он чувствовал пожатие руки Бленда Джиффарда и ее тяжесть на своем плече. Де Джейгер представлял себе, как он танцует для Бленда Джиффарда, как он поет для него, исполняет короткие сценки; он видел, как они вдвоем возвращаются в отель, в котором остановился Бленд Джиффард, как они сидят за стойкой бара, потягивая виски, и как Джиффард рассказывает ему истории из своей ранней молодости, а тем временем собравшаяся снаружи толпа будет скандировать: «Блен-да! Блен-да! Бен-ни! Бен-ни!» И тогда Бленд Джиффард и Бенни де Джейгер вместе выйдут на балкон и будут махать палками своим поклонникам.

Сценарий фильма имел весьма слабое отношение к чему-либо, что известно о жизни Джереми Могэна. Фильм никоим образом не должен был кого-либо обидеть: буры там и не появлялись, если не считать нескольких кротких фермеров, не было там ни туземных племен, ни даже английских властей — во всяком случае, до самого конца. Злодею в фильме было далеко до настоящего Джереми Могэна. А в фильме Джереми Могэн был человеком, каких не сыскать в целом свете: странствующий рыцарь

справедливости, старатель, равнодушный к богатству, свирепый, но великодушный борец, страстный, но честный любовник. Злодей пытался подкупить его, потом запугать, соблазнить одной из своих многочисленных женщин; терроризированные старатели отказывались слушать его. Его палатку сожгли дотла, его участок затопили водой, его животных отравили, снаряжение попортили. Но он продолжал борьбу в одиночку, и женщина, которая должна была соблазнить Могэна, сама влюбилась в него, а старатели понемногу стали переходить на его сторону, и он изгнал их вокруг злодея с его головорезами. И вот тогда подавляющим большинством голосов Джереми Могэн был избран президентом, и он учредил госпиталь, создал суд для арбитража дел старателей и официально открыл президентский бал под открытым небом. Но когда прибыли англичане и по просьбе королевы просили его остаться и продолжить свою деятельность, он отказался.

— Неужели даже ради меня? — хныкала женщина, которая любила его, а Могэн задумчиво, но решительно ответил:

— Нет, даже ради тебя. Мне пора двигаться дальше. Ведь я скиталец.

В последнем эпизоде было показано, что даже старатели с их заскорузлыми сердцами плакали, когда он уезжал, и, по мере того как он удалялся от лагеря, его фигура вырастала в размерах все больше и больше и становилась расплывчатой, точно он был скорее духом, нежели человеком, видением, застилавшим глаза зрителей.

— Он еще вернется, — говорит в толпе один из старателей. — Когда он нам понадобится, я думаю, он будет поблизости. Или другой, вроде него!

Снимать этот сценарий начали на натуре в пятнадцати милях от Линдгурста, на берегу реки Плат, еще за две недели до того, как в город приехал Бленд Джиффард. Эпизоды снимались и переснимались, как казалось, без всякой последовательности. Статисты погружались в воду и помогали перетаскивать через реку фургоны; они расселись в вельде, когда показывался злодей со своими приверженцами, и собирались шумными и яростно жестикулирующими группами, когда злодей терялся из виду. А большей частью они вообще ничего не делали, пока перед камерами разыгрывались эпизоды, в которых были заняты только профессиональные актеры, или пока режиссер совещался с оператором и его ассистентами. Статисты рассаживались в тени колючих деревьев и жевали сандвичи или бродили вокруг площадки и болтали со своими друзьями и родственниками, которые приезжали из Линдгурста и внимательно следили за тем, что происходило на участке, обнесенном проволокой.

Бенни де Джейгер неизменно торчал среди отдыхающей и перекусывающей публики из Линдгурста. Теперь, когда многие статисты были наряжены в одеяния, чем-то сходные с его, ковбойский костюм не казался странным, и несколько раз де Джейгер вместе с другими статистами проскальзывал за проволоку и, никем не замеченный, бродил по всему лагерю, разглядывая все вокруг и ни с кем не заговаривая, разве что иногда с самим собой.

Де Джейгер ждал Бленда Джиффарда, и все ждали Бленда Джиффарда. И Бленд Джиффард нас не подвел. Прямо из аэропорта он приехал в город в огромном светло-голубом автомобиле с откинутым верхом; он сидел на черном сиденье, улыбаясь во всю ширь своего лица, и одной рукой ма-

хал людям, толпившимся группами на перекрестках. У входа в отель полиции пришлось силой расчистить для него путь через напивавшую толпу, и он небрежно профланировал между двумя шеренгами полицейских, пожимая то ту, то эту протянутую руку и повторяя снова и снова: «Привет!» и «Рад всех вас видеть!». У дверей отеля он повернулся, чтобы показать свое лицо толпе, и сказал несколько слов профессионально резонирующим и захватывающе американским голосом:

— Прекрасный момент в моей жизни... так много людям здесь, в Линдгурсте... взволнован этой встречей... работать с вами... история... удивительный город... еще раз благодарю... всей душой...

Он выглядел гротескно, как никто другой, кого людям из толпы когда-либо приходилось видеть в своей жизни, и они приветствовали его с чувством удовлетворения. Он был очень высокого роста; его волосы были густыми и ослепительно желтыми, плечи — широкими, пиджак — коротким, брюки — узкими. Так вот каков Бленд Джиффард! Тот самый, которого все так часто видели раньше, берущим верх над окружными злодеями-прокурорами, подкупленными шерифами, сладкоречивыми коммунистическими шпионами и целыми бандами мрачных гангстеров. Каждый видел это лицо увеличенным во сто крат: гигантски крупные планы задерживались на потупленном взоре этих глаз, огромные афиши растягивали его улыбку по всему полю щитов. И однако, лицо человека, стоявшего в дверях отеля, было больше, чем они могли ожидать. Его глаза были величиной с детские кулачки, желтые бачки, отращенные специально для роли Джереми Могэна, походили на полоски звериной шкуры, а каждый зуб был размером с ноготь большого пальца. Он не казался ни молодым и ни старым, ни красивым и ни безобразным, ни слабым и ни сильным. Он походил на человека в маске, и все же, если бы вам удалось сорвать ее, вы были уверены, под нею была такая же упругая маска, а под этой — снова такая же и того же размера, что и первая, и так без конца.

Состав толпы менялся, но она не расходилась весь день, и с каждым часом рассказы о внешности Бленда Джиффарда, как хвалебные, так и злопыхательские, становились все разнуданнее. Люди говорили, что он носил парик, красился помадой и румянами, что зубы у него вставные, плечи накладные, каблучки наставленные, что он похож на пропойцу, на наркомана, что он совсем старик, несмотря на широко освещавшиеся в печати его браки и разводы; люди также говорили, что в его глазах есть что-то такое, что вызывает у вас дрожь. Но другие рассказывали, что он моложе и гораздо красивее, чем на экране, что он такой скромный и искренний, что до слез растрогался приемом, оказанным ему в Линдгурсте; что даже если бы вы не знали, кто он такой, и прошли мимо него на улице, вы бы сразу увидели в нем великого человека; что он уже научился говорить на африкаанс и раздавал на счастье серебряные доллары в руки тех, кому уда-



Рисунки И. ГОЛИЦЫНА



лось до него дотронуться. Однако самым любопытным было то, что одни и те же люди с одинаковой искренностью и восхищались им и порочили его.

Но, во всяком случае, все сошлось на том, что он не из тех, кто попусту тратит время. Он нанес визиты вежливости мэру и дирекции компании «Дженерал Майнинг энд Эксплорейшн», на чьей земле снимался фильм; он посетил местные кинотеатры и день или два совещался со своими коллегами.

Бенни де Джейгер, который уже послал Бленду Джиффарду письмо и несколько телеграмм и настойчиво пытался до него дозвониться с первого дня, дважды протискивался вперед через толпу, когда актер выходил из отеля, ударял по струнам гитары и затягивал песню; всякий раз Бленд Джиффард улыбался улыбкой, которую не назовешь иначе, как наидобрейшей, и говорил де Джейгеру:

— Не сейчас, малыш, я очень занят.

В обоих случаях люди возмущенно отталкивали де Джейгера в сторону, причем во вто-

рой раз Бленд Джиффард, прежде чем направиться к ожидавшему его автомобилю, крикнул:

— Не разбейте его гитару!

Затем Джиффард выехал на натурные съемки. Как он ни был занят, он, едва приехав туда, нашел время походить среди статистов, спрашивая некоторых, как им нравится сниматься, и сердечно смеясь над более или менее удачными ответами. Доведя статистов до еще большего, неведомого им прежде волнения, Джиффард исчез, переделался и приготовился к эпизоду.

После обычной ругани в громкоговорители и бестолкового замешательства статистов, после того, как режиссер несколько раз в отчаянии заламывал руки, а люди вокруг него, отдавая противоречивые распоряжения, переругались и перессорились, статисты и актеры были, наконец, расставлены вокруг изображавшего свою смерть человека, возле которого на коленях стояла женщина, и появился Бленд Джиффард в красиво пошитой



паре сапог и бежевом сюртуке. Его глаза неистово сверкали от специальных капель, а кожа на лице была неестественно гладкой и отливала странным розоватым цветом. Он медленно проложил свой путь через толпу и, охваченный ужасом, остановился над человеком, которого, как предполагалось, злодеи убили минутой раньше.

— Прекрасно! — кричал режиссер. — Все по местам, и снимем еще раз.

И снова Бленд Джиффард проложил свой путь через толпу и, охваченный ужасом, остановился над убитым человеком. Несмотря на бесчисленные перемены, съемки и пересъемки дублей, совещания и еще большую ругань, намеченный эпизод подвигался к концу. Но прежде чем Бленд Джиффард подошел к финалу своей первой великой речи, призывавшей старателей сплотиться, из толпы статистов раздался дребезжащий голос:

— Все было не так! Совсем не так!

Послышалось то ли презрительное фырканье, то ли скорбное всхлипывание.

— Стоп! — кричал режиссер и затем еще громче заорал: — Что за чертовщина?

Бленд Джиффард нахмурился; несколько человек из окружения режиссера, бросившихся в толпу статистов, уже выталкивали кого-то к открытой площадке перед камерами. Наконец нарушитель предстал перед Блендом Джиффардом.

— Так не годится, — сказал он актеру. — Вы плохо знаете, кого вам надо играть. — И снова презрительно фыркнул.

Появление незнакомца было столь неожиданным, что с минуту все стояли молча и не двигались. Это был крошечный сморщенный старик в лохмотьях, такой сгорбленный, что его грудь была почти параллельна земле и ему приходилось задира́ть голову, чтобы поднять взор на стоявших перед ним людей. Его лицо, изрезанное глубокими морщинами, казалось утратившим черты — вместо них были видны лишь складки того же самого грязно-коричневого цвета. Однако глаза его горели ярко. Он носил шляпу, рубашку хаки без единой пуговицы и перепачканные грязью брюки хаки, а его ноги были обуты в рваные парусиновые тапочки. Никто раньше его не видел.

Он поднял коричневую трясу́щуюся руку, похожую на лапу, и показал ею на Бленда Джиффарда.

— У вас об этом нет никакого представления, — сказал он голосом, высоким, как у мальчика, и медленно покачал головой из стороны в сторону. — Вы не знаете, каким вы должны быть.

Это был явно рехнувшийся старик. Все смягчилось, даже Бленд Джиффард.

— Кто его сюда пустил? — грозно спросил режиссер. — Вышвырните его вон!

Покосившись на стоявших вокруг людей, Бленд Джиффард спросил:

— Так о чем, старина, я не имею представления?

Покровительственный тон, которым был задан вопрос, казалось, еще более разъярил старика. Руки его заматались, голова затряслась, ноги изобразили что-то вроде приплясывания. Из его горла вырвалось какое-то бульканье со скрипом. Затем вполне отчетливо он сказал:

— Мое имя... — Слезы брызнули из его глаз и тут же затерялись в морщинах. — Пользуйтесь моим именем. Моим именем!

Громко, стараясь возвысить свой голос над гулом толпы, вызванным попытками отдельных людей протиснуться вперед, чтобы узнать, что происходит, Бленд Джиффард спросил:

— Ну, так как же вас зовут, старина?

— Джереми Могэн! — завизжал старик. — А ты думал как?!

Прежде чем расхохотаться, толпа отпрянула, охваченная сверхъестественным ужасом и изумлением. Затем люди захохотали, несдержанно, буйно, и, толкая один другого, валились в изнеможении на землю, повторяя снова и снова: «Джереми Могэн! Джереми Могэн!»

Даже режиссер — пухлый раздражительный человек, обильно усыпанный веснушками, — вытянул перед собой короткие ножки и зарыдал от смеха. Старик и сам стоял со смутной улыбкой, видимо довольный приемом, который нашло его заявление.

В толпе был только один человек, кто не смеялся. Бенни де Джейгер незаметно прокрался через толпу статистов, чтобы подобраться к Бленду Джиффарду так близко, как это было возможно, и стоял среди них все время, пока шла съемка эпизода. Теперь перед его вытаращенными глазами разыгрывалась другая сцена — та, которую он так живо представлял себе сотни раз. Но это был не Бенни де Джейгер, на кого с изумлением и любопытством смотрел Бленд Джиффард; не ради него Бленд Джиффард сказал: «Постойте, дайте послушать человека! Давайте все послушаем, что он сам расскажет о себе!» И не руку Бенни де Джейгера так тепло сжал Бленд Джиффард несколько минут спустя, и не его плечо почувствовало тяжесть руки Бленда Джиффарда, когда тот, посмотрев на всех, сказал:

— Ну что ж, это была прекрасная история, и, я думаю, мы должны поблагодарить человека, который рассказал ее.

И таков был авторитет Бленда Джиффарда, что все начали аплодировать и благодарить старика, и вместе со всеми — Бленд Джиффард. Когда аплодисменты стихли, Бленд Джиффард сказал:

— Мистер Могэн, сэр, позвольте нам теперь продолжить работу.

Затем он отвел старика в сторону и усадил его в парусиновое кресло. Снова раздались аплодисменты, и даже старик хлопал в ладоши, когда Джиффард вернулся на свое место перед камерами: все были восхищены любезностью и добрым юмором, проявленным актером. С благодарностью принимая аплодисменты, Джиффард поднял руку.

— Хватит, довольно! — кричал режиссер. — За работу! С того места, где мы остановились.

Когда съемки этого дня были закончены, Джиффард сел рядом со стариком, и вокруг них столпились рекламные агенты. С искренностью и радушием, которые киножурналы всегда отмечали в его характере, Джиффард расспрашивал старика о его прошлом и о его теперешней жизни. И вскоре кавалькада автомобилей с автомобилем Бленда Джиффарда во главе, набирая скорость, стремительно мчалась по главной магистрали к поселку Клаарватер, расположенному в нескольких милях на запад от реки Плат. Потому что там жил старик, и там, как он утверждал, у него были доказательства, что он действительно Джереми Могэн.

Железные крыши, низкие побеленные стены, несколько магазинов с крошечными окнами, за которыми были разложены фрукты, хлеб, целлулоидные игрушки и рулоны тканей, крыша здания голландской реформистской церкви, скалы и тростник внизу, у реки Плат, — весь Клаарватер можно было охватить одним взглядом, хотя он занимал довольно большой участок над вельдом. Пыльные двухколейные дороги петляли меж разрозненными кучками

жилищ и терялись среди скал и колючего кустарника. Там и сям потускневшие таблички, прикрепленные к крышам или столбам веранд той или иной хижины, свидетельствовали о прошлом Клаарватера: «Скупщик алмазов с разрешения Дж. Крюгера» или «Скупщик алмазов с разрешения М. Левина», — гласили эти объявления, но хижины были сплошь заселены семьями белой бедноты и цветными, которые встревоженно глазели на подпрыгивающие автомобили и проявляли любопытство лишь после того, как они уносились прочь.

Старик направил автомобиль к группе хижин, ничем не отличавшихся от других. Но оказалось, что он не жил ни в одной из них; он жил в том, что по виду должно было служить отхожим местом одной из ближайших лачуг: сооружение без окон и потолка, целиком построенное из ржавого железа и нескольких деревянных подпорок. Воздух и свет поступали внутрь через дверь. Рядом с кроватью на корзине из-под фруктов стояли жестяная кружка, тарелка, чайник и подсвечник со вставленным в него уродливым огарком. Сама кровать представляла собой пружинную сетку, которая покоилась на столбиках кирпичей, выложенных по всем ее четырем углам. На постели было несколько худых одеял; с одной из деревянных опор, подпиравших крышу, свисал календарь с картинками, а на полу лежали аккуратно сложенные кипы газет. Больше в комнате ничего не было. В воздухе стоял крепкий запах дешевого табака.

Старик торопливо вошел в лачугу, и следом за ним — столько, сколько туда могло набиться, из тех, кто приехал на автомобилях. Впереди всех был Бленд Джиффард. Старик сразу нагнулся к постели и дрожащими руками начал шарить под одеялами. Когда он нашел то, что искал, он издал легкий крик и на миг замер, не двигаясь, а его руки все еще пробирались вперед. Затем он вытащил пачку бумаг и помахал ими в воздухе.

— Вот, — закричал он восторженно. — Я знал, что они у меня есть!

Несколько человек выбросили вперед руки, но старик, не выпуская бумаг из рук, крепко прижал их к груди. Затем он крикнул Джиффарду:

— Только вам! Вы должны посмотреть.

Он передал бумаги актеру, и тот с жадностью схватил их.

К этому времени всех в лачуге охватило напряженное волнение; еще сильнее оно было снаружи, где толпа людей из кинокомпании многократно разбухла за счет людей всех возрастов, размеров и цветов кожи — обитателей близлежащих домов. Никто из жителей деревушки не знал, что происходило; большинство из них думало, что старика арестовывает удивительно большой наряд полиции. А кинодеятелей снова охватил сверхъестественный страх и изумление, какое они испытывали, когда старик впервые назвал свое имя. Только на этот раз потрясение было сильнее и длилось дольше.

Бленд Джиффард не мог в темноте лачуги прочесть, что там было. Поэтому все, кто находился в лачуге, вышли наружу. Джиффард и старик тоже вышли и встали рядом у входа, свет заходящего солнца бил им прямо в лицо. Солнечный свет был желтым, причудливая тень толпы была черной, и казалось, что вельд больше не имел других цветов. Все замолкли, и только тогда Джиффард нагнул голову и начал перелистывать бумаги.

В тишине снова раздался крик старика:

— Там всё обо мне, смотрите, всё — о Джереми Могэне!

Но Джиффард медленно покачал головой и без слов передал бумаги стоявшему рядом с ним человеку, который быстро взглянул на них, криво усмехнулся и передал их другому члену кинокомпании. Бумаги пошли по рукам, и каждый, взглянув на них, улыбался, или пожимал плечами, или постукивал себя по лбу указательным пальцем. «Бумаги» были ничем: подборка вырезок из местных газет со статьями о фильме, который должна была снимать кинокомпания. Да, они там были все: большие и маленькие, фотографии Бленда Джиффарда и начинающих звезд, прикрашенная, с пропусками неприличного или порочащего, биография Джереми Могэна, которую газеты печатали каждый день с продолжением целую неделю, интервью и речи официальных лиц, приветствовавших членов кинокомпании, и даже описание аппаратов, которыми пользовалось кинокомпания, в «Уголке кинолюбителя». Помимо этого, там ничего не было.

А старик плясал вокруг в восторге и триумфе.

— Я говорил! У меня есть бумаги! — каркал он. — Вы там можете все прочесть обо мне! Они писали обо мне каждый день. Там все сказано. Читайте — все, как я говорил!

Толпа дрогнула, колыхнулась, зашевелилась: люди начали возвращаться к своим автомобилям, некоторые при этом с жалостью оглядывались на старика, который шел следом за своими бумагами, путешествовавшими из рук в руки.

— Поосторожней! — кричал он. — Это мои доказательства!

Местные жители, все еще пребывая в замешательстве относительно того, что происходило, тем временем словоохотливо предлагали всю известную им информацию о старике каждому, кто соглашался слушать. Они называли его «Оубас Твак»; ни под каким другим именем, говорили они, он не был известен. Он жил здесь очень давно — никто не знает, как долго, но дольше всех остальных жителей окрестных лачуг. Однажды правительство пыталось переселить его, но он вернулся обратно. Он был славным стариком, говорили они, он никогда никому не причинял беспокойства, даже когда дети дразнили его за то, что он разговаривал сам с собой. Соседи время от времени давали ему понемногу денег и табаку. Нет, нет, своих денег у него не было. Рента?! Хозяин соседней лачуги засмеялся при мысли о том, что он бы мог быть землевладельцем. Иногда старик берет мясо в деревенских магазинах и чай. Да и много ли надо такому тощему старику?

Кто-то очень нерешительно спросил, а был ли старик вообще белым. И ближайшие соседи старика были оскорблены предположением, что он мог быть кем-то еще. Разве они сами не белые? — вопрошали они такими голосами, категоричность которых требовала утвердительного ответа в большей степени, чем на то им давала право их внешность. И неужели кто-нибудь думает, что они бы позволили разным там черномазым или цветным жить рядом. Цветные живут аж во-он где, говорили они растягивая гласные, чтобы подчеркнуть расстояние между ними и ближайшими лачугами цветных — какую-нибудь сотню ярдов.

И это было все, что они знали о нем. Сведения в том виде, как они поступали, пересказывались Бленду Джиффарду и группе людей, стоявших вокруг него. Газеты вернулись обратно к старику, и он, моментально забыв о толпе, тщательно перебирал их, дабы удостовериться, что ни одна из бумаг не пропала.

— Дайте этому нищему старику фунт, и поехали, — милостиво предложил один рекламный агент, но ассистенту режиссера эта идея не понравилась.

— Стоит только дать ему, — возразил он, — как начнет выпрашивать вся деревня. И без того в его жизни сегодня был волнующий день, и вдобавок его подбросили домой на машине — вот и хватит с него. Бленд Джиффард покосился на ассистента.

— Вы так считаете? — спросил он гораздо менее дружелюбным тоном, чем обычно. — Вы очень много знаете, да?

Затем он подошел к старику.

— Не согласитесь ли вы быть моим гостем, пока кинокомпания находится здесь, в Линдгурсте? Принять вас будет большой честью для нас.

Ассистент режиссера стоял с потерянными видом, рекламный агент мрачно покачивал головой, но зато всем остальным ужасно понравился жест Джиффарда. Было бы жестоко, говорили они, уехать, оставив обманутого старика одного. А ответ старика всех восхитил своим абсурдом и величием.

— Годится, — сказал он. — Но этого мало. Вы пользуетесь моим именем. За это я имею право требовать, чтобы мне заплатили.

— Правильно, — ответил Джиффард, наклоняя свью золотистую голову. — Это вполне справедливо.

Серьезность его лица и голоса, как писали потом обозреватели, была просто восхитительной. Какой это был актер!

Итак, в тот вечер Бенни де Джейгер присутствовал при крушении своих амбиций, воплотившихся в действительность и одновременно жестоко поруганных. Новость о том, что случилось на натуральных съемках и в Клаарватере, быстро распространилась по всему городу, и толпа, почти такая же огромная, как и та, что впервые приветствовала приезд Бленда Джиффарда в Линдгурст, собралась перед его отелем. Оттесненные полицией, люди заполнили тротуар на другой стороне улицы и заняли весь квартал. Они хором скандировали: «Блен-да! Блен-да», а другие, многие из них с хохотом, кричали: «Мо-гэ-на! Мо-гэ-на!» В конце концов они были вознаграждены. Бленд Джиффард появился на балконе своего номера, и, когда толпа с ним рядом увидела старика, раздался неистовый рев восторга. Бленд Джиффард махал толпе своей натренированной рукой, а старик сцепил руки над головой и сплясал маленькую джигу; он похлопывал Бленда Джиффарда по спине; в полумраке было видно, как его рот открывался и закрывался, когда он, жестикулируя, поворачивался лицом к толпе. Ни слова из того, что он говорил, не было слышно — смех и приветственные возгласы толпы внизу были слишком громкими. Затем вежливо, но решительно Джиффард увел старика в комнату, и стон добродушного разочарования сотряс воздух.

Де Джейгер слышал, как все вокруг него говорили о Бленде Джиффарде с такой преданностью, как будто он для каждого из них в отдельности сделал то, что сделал для старика.

— Но ведь это ужасная дичь! — протестовал де Джейгер, обращаясь к стоявшим рядом. — Он же никак не может быть Джереми Могэном!

Но его никто не слушал.

— Какая разница? — кричали люди. — Черт подери, это же здорово: вот так подобрать старика и так обращаться с ним — это же просто великолепно, парень! Что ты на это можешь сказать?!

Приблизительно в час ночи, когда ушел последний,

самый упорный любитель зрелищ и лишь цветной портье да белый полисмен дремали в фойе отеля, Бенни де Джейгер занял позицию посреди улицы, взял несколько гитарных аккордов и во всю мочь запел песню, которую он только что сочинил, — «Блюз алмазного города». В нескольких спальных отелях зажегся свет. Из отеля выбежал полицейский и велел де Джейгеру убираться прочь. Но юноша отказался повиноваться.

— Вы не знаете, как это важно, — сбивчиво бормотал де Джейгер. — Это мой последний шанс... его последний шанс тоже. — Затем он возвысил голос и запел:

Я ждал очень долго,

Но я больше не жду.

Хочу покинуть этот город —

Он разбил мое сердце!

Полицейский толкнул его; де Джейгер положил гитару на землю и толкнул полицейского. Несколько секунд они молча стояли лицом к лицу под синими лампами, и их шумное дыхание, казалось, далеко разнеслось по пустой улице. Затем полицейский достал дубинку.

— Помогите! — завопил де Джейгер. — Бленд Джиффард, это твой последний шанс, помоги!

Полицейский ударил его по плечу — не сильно, и де Джейгер зарыдал. Ободренный этим признаком слабости, полицейский снова ударил, на этот раз по голове, и хотя сила удара и его звук были приглушены высокой шляпой де Джейгера, тот сразу рухнул на колени и закорчился в сточной канаве. Полицейский стоял над ним, не убирая дубинки.

В следующую минуту улица огласилась несколькими одинокими хлопками в ладоши. Полицейский обернулся и, посмотрев в ту сторону, увидел Бленда Джиффарда на балконе бельэтажа.

— Bravo! — крикнул Бленд Джиффард. Он нетвердо стоял на ногах; ухватившись за перила, он перегнулся через них всем телом. — Еще разок! Врежь ему! Врежь им всем!

Не веря своим ушам, постояльцы отеля и служащие, разбуженные шумом, слушали его выкрики; Бенни де Джейгер тоже все слышал, и, все еще корчась от боли, он поднялся на ноги, погрозил кулаком Джиффарду и молча побрел прочь, сжимая в руках гитару.

Потом, много недель спустя, люди высказывали предположение, что удар полицейской дубинки, должно быть, повредил мозги де Джейгера; другие, однако, говорили, что этот удар мог только действовать на его чувства и что это не имело никакого значения для его мозгов, которые, по-видимому, всегда были слегка разжижены. Но что, во всяком случае, несомненно, так это то, что после взбучки у отеля Бленда Джиффарда де Джейгер, по мнению тех, кто его знал, выглядел более трезвым и спокойным, чем когда бы то ни было. Он снял ковбойский костюм и стал опять носить фланелевые брюки и спортивную куртку, как и вся молодежь Линдгурста. Больше он не ездил к реке Плат смотреть на натурные съемки — вместо этого он вернулся к работе в аукционных залах своего отца. Когда люди, чтобы подразнить его, спрашивали, что случилось с его планами стать кинозвездой, он слабо улыбался, но ничего не отвечал.

Единственно странным из всего, что за ним замечалось в этот период, была дружба со стариком, которого Джиффард привез в город. Познакомиться с ним было совсем не трудно, потому что старик

шлялся по всему Линдгурсту, представляясь всем Джереми Могэном и высказывая сожаления тем, кто был готов его слушать по поводу искажения его биографии.

— Было не так, — жаловался он. — Я помню, все было не так.

Старик оправдал мрачные предчувствия рекламного агента; он досаждал всем, когда бы он ни появлялся на съемках: держал за пуговицу режиссера, прерывал эпизоды, давал инструкции статистам, пока, наконец, ему не запретили там появляться. Однако даже и рекламный агент не мог не признать, что реакция местной и заморской прессы на «открытие» Бленда Джиффарда была на редкость благоприятной. Специальные корреспонденты кинокомпании осторожно воздерживались высказывать предположения, что старик был действительно Джереми Могэном, но история знакомства актера с «претендентом» (так теперь всегда называли старика) послужила материалом для волнующих и согревающих сердца статей, которые были весьма полезными как для всего предприятия «Панангло-фильм» в целом, так и для популярности Бленда Джиффарда в частности.

Следует также упомянуть, что сами жители Линдгурста не сомневались, что «претендент» и впрямь был Джереми Могэном. Они смутно представляли историю хронологически, а старик со всей очевидностью выглядел очень старым. Но даже и этим людям очень скоро надоели его жалобы. «Кому какое дело до того, что помнит этот старик? — спрашивали они друг друга. — Уж не думает ли он, что можно изменить весь фильм, чтобы только угодить ему? Помню всего, — добавляли они, — это ведь кино, и не больше. Фильм и не должен быть абсолютно точным во всех деталях, не правда ли?»

Однако Бенни де Джейгер, казалось, совсем не уставал от рассказов «претендента». Они вместе, старик и юноша, усаживались в дальнем углу холла какого-нибудь отеля, и старик рассказывал, жестикулируя, а то и вскрикивая от ярости или восторга; де Джейгер оставался спокойным и бесстрастным, но слушал внимательно и в паузах торопливо кивал головой. Или они вместе бродили по тротуарам: старик — сгорбленный, которого то и дело заносило в сторону при ходьбе, но неутомимо говорливый, и де Джейгер — прямой и уверенный в движениях, не забывавший быстро кивать головой в знак признательности всякий раз, когда старик, теряя над собой контроль, раздражался фразами вроде: «Все врут!» или «Делайте, как я говорю, или лучше вообще не делайте!».

Но более всего старика возмущало, что его изображали в фильме каким-то слюнтяем.

— Ты что, думаешь, я действовал так, как они показывают? — кричал он так громко, что его было слышно на другой стороне улицы или в дальнем углу холла. — Клянусь богом, когда мне было что-нибудь нужно, я брал, и все тут! Я их заставлял отдавать. Вот потому-то меня и уважали. Я не говорил: «Пожалуйста, мы должны помогать друг другу, мы должны любить друг друга». Нет, я говорил себе: «Нужно? Значит, бери! Покажи им, кто ты есть!» Вот как я действовал — ты слышишь, молодой человек? Вот как я стал богатым и знаменитым. А теперь они хотят сделать меня бойскаутом. Это все ложь, все, что они говорят, одна ложь!

— Лгуны, все они лгуны, — время от времени страстно повторял де Джейгер, глядя на старика сущившимися глазами и кивая головой. Иногда его душили спазмы немого хохота; они были такими

сильными, что даже старик замечал их и подозрительно косился. Но де Джейгер встречал этот взгляд таким невинным и растроганным выражением лица, что старик снова пускался в рассказы о том уважении, которое к нему проявляли, о наслаждениях, которые он испытывал в дни своей власти, или перепробовал свои жалобы на компанию. Ни один из них прямо не заговаривал о Бленде Джиффарде.

Тем временем съемки фильма шли более или менее по графику и без дальнейших перерывов или помех. Бленд Джиффард не соблазнил ни одной из местных женщин; он уделил достаточно внимания одной маленькой звездочке, чтобы газетчикам было о чем писать, но не больше; когда он пил (после инцидента с Бенни де Джейгером ходили слухи, что он пьет регулярно), то делал это ночью в своем номере, где его никто не мог видеть. Он часто выезжал в другие города на мероприятия, которые устраивались для него, и один из таких вечеров провел с девушкой из Дурбана, чья фотография и сочинение, получившее первый приз, были напечатаны в газетах. Всякий раз по возвращении он говорил, что очень рад снова быть здесь, потому что в Линдгурсте он себя чувствовал как дома.

Наконец, слишком рано для одних и слишком поздно для других, съемки были почти завершены, и члены кинокомпании начали исчезать поодиночке, по двое и большими группами. В последний день пребывания Бленда Джиффарда в Линдгурсте директора линдгурстской компании «Дженерал Майнинг энд Эксплорейшн» устроили вечер на открытом воздухе для самой звезды фильма, для менее важных представителей компании и для многих почетных граждан города. Вечер был устроен в парке перед домом, который когда-то послужил «штаб-квартирой» компании и теперь стал музеем. Парк был большим и бесхитростным, как и все парки Линдгурста. Под яркими электрическими огнями в мягком августовском воздухе все выглядело элегантно, веселым и дружеским; но на самом деле этот вечер был самым грустным из всех, какие только устраивались в Линдгурсте за последние несколько недель. Лишь одни представители кинокомпании веселились вовсю, а люди из Линдгурста и не пытались к ним присоединиться, потому что теперь, когда гости уезжали, ими овладела застенчивость. Бленд Джиффард имел беседу с представителями компании и их дамами, затем он начал обходить остальных гостей, обмениваясь на ходу словечками, кивая головой, улыбаясь. Он снова и снова говорил, что Линдгурст был для него «восхитительным». Его галстук был заколот алмазной булавкой, подаренной ему линдгурстской торговой палатой.

Бенни де Джейгер и старик без труда попали на вечер: они прошли по обнесенному оградой подъезду для автомобилей, который вел к дому через сад. Ни один из черных или цветных шоферов, ожидавших у въезда окончания торжества, не осмелился бросить вызов их праву пройти этим путем. В конце дороги де Джейгер увидел огни и снующие фигуры, белые пиджаки официантов и обнаженные руки женщин; он слышал разговоры и взрывы смеха. Затем он увидел высокую фигуру Бленда Джиффарда, блеск его волос. Он грубо толкнул старика и показал рукой в сторону Джиффарда. Старик было заупрямился, но де Джейгер толкнул его еще раз по направлению к иллюминированному, похожему на сцену участку впереди. Старик больше не стал упираться, следом за ним двинулся де Джейгер.

Так они вышли на залитую электрическим светом площадку: старик и в двух шагах за ним молодой человек, снова в ковбойском костюме и высокой шляпе. В его руке едва виднелся маленький блестящий револьвер. Теперь старик уже не озирался ни налево, ни направо и, спотыкаясь, торопливо шел вперед. Среди гостей послышались восклицания и взрывы хохота, когда они увидели эту странную пару; у некоторых промелькнула мысль, что де Джейгер в этом костюме был как-то связан с кинокомпанией и что перед ними сейчас будет разыграна какая-нибудь шарада. Сверкающий предмет в его руке они приняли за бокал — что еще могло быть здесь у кого-либо в руках! Однако среди гостей повеяло какой-то тревогой при появлении этих двух людей, и словно в ответ на это легкое беспокойство Бленд Джиффард повернулся и посмотрел на приближавшуюся к нему пару. Разговор оборвался.

Последние шаги старик почти пробежал и упал на колени перед Джиффардом.

— Я не Джереми Могэн, — промямлил он.

— Громче! — скомандовал де Джейгер, который стоял за его спиной, прижав руки к бедрам.

— Я не Джереми Могэн! — завизжал старик. — Меня зовут Паттерсон! Вы слышите? Просто Паттерсон!

Джиффард поднял глаза и посмотрел на молодого человека.

— Что здесь происходит? Кто вы? — спросил он де Джейгера.

Старик уполз в сторону. Де Джейгер поднял револьвер и выстрелил.

Многие все еще думали, что это шутка, нечто имеющее отношение к вестернам, одна из шуток, которые часто разыгрывают люди из кино. Но когда Бленд Джиффард покачнулся вперед и упал, раздався визг. Де Джейгер стоял неподвижно, все еще сжимая в руке револьвер. Он открыл рот, но не смог вымолвить ни слова.

— Смотрите на него! — громко заорал старик. — Вот это настоящий мужчина!

Де Джейгер опустился на землю — некоторые говорили, от ужаса перед тем, что он натворил. Другие, однако, настаивали, что он поклонился толпе, которая набросилась на него, прежде чем он успел распрямиться, чтобы дать отпор.

Как известно, Бленд Джиффард не был смертельно ранен тем выстрелом. Его жизнь не была в опасности. Но ранение положило конец его артистической карьере. Пуля, которая, как оказалось, была очень мелкого калибра, попала ему в горло и, прежде чем застрять в шейной мышце, перебила ларингальный нерв. С тех пор Бленд Джиффард мог говорить лишь чуть громче шепота. Поэтому он больше не появлялся на экране: он вел хозяйство на своем ранчо в Сан Лунсе, округ Обиспо, Калифор-

ния, и владел долей в мотеле Хайвей, 101, который находится поблизости от его ранчо. Среди тех, кому с ним приходилось иметь дело, он имел репутацию мрачного, замкнутого человека и горького пьяницы, но все это, как они говорили, было нетрудно понять.

Старик вернулся обратно в Клаарватер. На суде он упорно стоял на том, что его зовут Джереми Могэн, что он отрекся от своего имени, только чтобы утешить молодого человека, который, размахивая пистолетом и бранясь, вытащил его из отеля и, бормоча о своих обидах, яростно ревя о том, что он открывает все карты, о мести, о том, что «докажет» всем этим лгунам, что им не удастся, обманув всех, улизнуть, и что весь мир увидит, что может сделать Бени де Джейгер, пинками и угрозами погнав его на тот вечер. Тем не менее все официальные лица в суде называли старика не иначе как Паттерсоном, а в своем резюме судья долго говорил о несчастных последствиях, к которым помогли привести фантазии этого дряхлого старика. Он был оправдан по статье обвинения в соучастии в преступлении.

Со своей стороны, давая показания в суде, де Джейгер ничего не добавил сверх того, что здесь рассказано. Объявляя приговор, судья порекомендовал, как только это окажется возможным, поместить заключенного в экспериментальную психиатрическую тюрьму, которая недавно открылась вблизи Бломфонтейна.

Но, пожалуй, самой поразительной стороной всего дела было то явное сочувствие де Джейгеру, которое выражал весь Линдгурст, пока шел процесс. Слушая разговоры людей о процессе, можно было подумать, что они всегда опасались той власти, которую над ними возымел Бленд Джиффард, и ненавидели ее, так что, совершая свое нападение, молодой человек как бы действовал от имени всех. Они с грустью говорили о его потерпевших крушение амбициях, с восторгом — о его «храбрости» и «искренности». Девушки писали ему в тюрьму письма с предложениями о браке. На улицах Линдгурста стали разгуливать молодые люди в черных ковбойских костюмах с белой каймой, и никто уже больше не смеялся над ним.

Все с нетерпением ожидают появления биографии Бени де Джейгера в одном из столичных еженедельников, которая будет печататься из номера в номер с продолжением.

Перевел с английского В. ТЕЛЬНИКОВ





Падают темная, низко провисшая цепь...

Такие, быть может чуть «чугунней», ограждают в материковых городах памятники; здесь она покачивается меж двумя когда-то белыми столбами выезда с автобазы. За упавшей цепью «душа Магадана» — трасса, единственное пока асфальтированное шоссе, идущее через перевалы и мосты сквозь Якутию. Направо пойдешь — к Тихому океану: там Магадан, туда приходят корабли с «материка» с грузами для всего золотого и алмазного края; налево — к пришкам: туда днем и ночью машины везут из Магадана все, без чего люди не смогли бы жить, — продукты и горючее, машины, приборы и вести со всех концов страны; прямо — к морю Лаптевых, там тоже пришки. Но прямо дороги нет. Там горы. Туда змеями уходят по рекам зимники. Там снег и ветер, и еще, говорят древние старики, там бродят духи отступившего когда-то ледника — зыбкими тенями по ослепительно голубым льдам горных рек.

В девятистах километрах от Ма-

гадана, окруженный горами, стоит на трассе поселок шоферов. Их 480. Тех, на чьих машинах и руках лежит 70 процентов всех перевозок Якутии. Это и есть Артык.

Падают в изморозь цепь. Глухо! Входят «татры». А где-то пробираются сейчас по дальнему зимнику, идут с рудников, обеспечив их жизнь на все лето, те, кто придет на базу завтра или через неделю. Они должны прорваться к Артыку, пока не истают впереди их капотов зимники — несуществующие дороги. Артыку, стоящему на трассе, как добрый дух всех якутских дорог, остается только ждать радиограмм («Мы прошли еще 300 километров»). «Мы вышли к Моме», «Мы идем!». Ведь люди в поселке не могут задержать весну. Но они могут верить в машины и в людей, ведущих их. И еще вспоминать...

Юрий Бочин, бригадир комсомольско-молодежной бригады, вспоминает, как в прошлом году вырывался по льдам и воде из плена весны. Он шел с взрывчаткой на дальний прииск, и, если бы он не прошел туда, люди

не смогли бы работать целое лето... Он прошел. И сумел вернуться. Вернутся и те, кого сейчас ждут, как вернулись почти все «татры» и «кразы», уходившие по наледям меж взрывов льда под напором бешеных вод рек.

В пять раз по сравнению с прошлым годом увеличились в этом году зимние перевозки в Якутии: в пять раз было больше грузов, в пять раз было больше волнений за ушедших и возвращающихся, в пять раз нужно было больше сил.

...Падают цепь. Идут машины. Идут, как и тогда, когда сквозь замороженные тройные стекла слышал их моторы польский журналист. Идут машины. Ведут их те же люди. Они такие же, какими увидел их А. Биньковский два года назад.

Край, который они покоряют вместе с многими другими, так велик, богат и суров, что одно присутствие этих людей в нем, присутствие долгое и необходимое всей стране, велит думать о них с величайшим уважением и доброй завистью.



Фотоэпюд В. МИШИНА

правятся десятитонные «татры-111» и двенадцатитонные «татры-138», и ни одну из них дирекция базы не отпустит в путь без прицепа. В Артыке умеют считать рубли и копейки, а каждый прицеп — это еще 8 тонн груза. В январе и феврале поползут черные огромные жуки на север по льдам Индигирки до Восточно-Сибирского моря; пойдут напролом через необозримые пространства болотистой тундры, доступные только зимой; пойдут от Томпорука до Батагая и дальше, по руслу Яны, до моря Лаптевых; будут продираться через дикие белые пустыни хребта Черского и Верхоянского хребта, через весь этот край безмолвия; пойдут, чтобы через Чертов Мост дойти до Якутска.

Эти дороги называются зимниками.

Когда в конце декабря станут реки и мороз скует «кипящую» воду, она еще долго будет бунтовать и стараться вырваться из-под льда и снова застынет, оставив торосы на месте поражения, — вот тогда и наступает пора зимников.

Мы спросили директора базы:

— Александр Николаевич, не могли бы вы нам рассказать о самом трудном рейсе?

Широкоплечий, крепкий и румяный Александр Николаевич, проживший на Севере четверть века, добродушно усмехнулся и сказал:

— Любой наледный рейс самый трудный.

Это не была ни шутка, ни банальный ответ.

Юра Дремин, начальник ремонтных мастерских, смотрел в окно. Мне казалось, что, глядя на ледяной нарост на тройной раме, Юра хочет увидеть то, что творится в глубине ночи на трассах, по которым идут «татры» из Артыка. Но, наверное, я ошибся.

— Я как раз тогда только что пришел на базу, — говорит Дремин. — Мне сказали: «Поезжай в Уздей над Янским заливом. Где-то там застряли «татры».

Зимой не так-то легко добраться в устье Яны, к морю Лаптевых. Часть дороги мы сделали само-

# ЛЕДОВЫЕ ТРАССЫ!

А. БИНЬКОВСКИЙ, польский журналист

**Я** посмотрел на часы — скоро три. Александр Александрович Люсин, парторг автобазы, высокий, сутуловатый мужчина с лицом, испещренным красными жилками, улыбался, показывая крепкие белые зубы. Не берусь сказать, сколько ему лет. Может быть, лет тридцать пять, может быть, и все сорок. На Крайнем Севере, не так уж далеко от места встречи Северного полярного круга со 147-м меридианом, определить возраст человека очень трудно. За окнами столовой, покрытыми толстым наростом изморози, лежала ночь. Кое-где пробивался сквозь тьму свет электрических фонарей, да звезды мигали на побелевшем от мороза небе. Казалось, мы слышим свист вьюги, срывающей с замерзшей Яны снега, и таранение мотора 12-тонной «татры», которая не может тронуться с места на гладком льду.

За окном, не так уж далеко отсюда, пару тысяч километров на северо-запад, лежала скованная льдом Яна. Скоро, недели через две-три, туда от-

летом, потом пересели на машины, но дальше и машинам не пробиться. Мы добирались на оленях, потом на собаках. Так и доехали до устья Яны. Я отыскал проводника, который знал, где были те «татры». Пошли мы с ним на лыжах, дорога бесконечная, шли, шли по снежной пустыне, наконец, он остановился и говорит: «Вот мы и на месте». — «Как на месте? — говорю. — А где же машины?» — «Да ты, сынок, на них стоишь».

«Ах, вот какое дело, — думаю, — засыпало их!» Обозначил я это место шестью, и мы вернулись в деревню. Наутро взялись за работу. Начали копать снег и, когда добрались до машин, решили разобрать их на части. Работенка была не из легких. Когда бывало сорок ниже нуля, ребята говорили, что весна приближается. Мы на костре

## РЕПОРТАЖ С ЯКУТСКИХ ЗИМНИКОВ

лед растапливали и поливали водой стену из снега. Так у нас получилась добротная эстакада. На ней мы думали установить лебедку, чтобы вытаскивать машины по частям. Лебедку достали на Янской автобазе, но эстакада не выдержала. Теперь положение было еще хуже: «татры» разобраны, а лебедка свалилась в выкопанную нами же яму... Пришлось снова монтировать «татры». Мы их погрузили на большие автоплатформы, двинулись в Батагай. А оттуда по зимней дороге через болота до Артыка. И привезли «татры». По правде говоря, когда я на них потом смотрел, то даже самому не верилось, что все обошлось...

— Ну, ну, Юра, — сказал парторг Люсин, — расчувствовался... Пойдемте лучше в мастерские.

Мы встали и вышли, шаркая неуклюжими оленьими унтами.

На дворе пятьдесят семь градусов впились в наши лица, словно пятьдесят семь иголок, и каждая следующая была длиннее и острее, чем предыдущая. На шоссе лежал снег, разьеженный машинами, сухой и сыпучий, как мука...

Дремин нажимает кнопку в стене, и электрические двери, ведущие в один из цехов, раздвигаются перед нами. Здесь тепло, как в жилье.

— Центральное отопление?

— Конечно, — отвечает Дремин, — центральное у нас повсюду, здесь, в конторе и столовой, в клубе, в гостинице, в квартирах.

Центральное отопление — это хобби Артыка, да и всего Севера. Там, где его пока нет, о нем говорят со смущением, в тех же местах, где оно есть, оно составляет обязательную тему разговора. Приедет кто-нибудь, как мы, из теплых краев, посмотрит — обычная вещь. А ведь сколько проблем надо было решить, чтобы победить убийственные потери тепла, вызванные климатом, чтобы горячая вода бежала из котельной к аккуратным серебряным батареям где-нибудь в цехе или в квартире...

Мы идем по цеху, где выстроились в ряд могучие «татры». Я открываю для себя еще одно хобби Артыка. Это второе хобби — механизация.

Специальные передвижные площадки дают возможность поворачивать как угодно невероятные по размерам моторы грузовиков.

Наконец Дремин показывает нам любимое детище всех, кто работает на базе, — авторемонтные мастерские. Вместо того чтобы ждать запчасти (каждая из которых должна проделать путь из Праги до Находки, из Находки до Магадана, потом из Магадана на «татрах» до Артыка), Дремин и его товарищи взялись сами вытачивать на токарных станках детали, причем вытачивают их так, что им не хватает лишь чешской марки. Здесь сконструировали автомат, который притирает клапаны головок блока одновременно. До тех пор шлифовали вручную, каждую головку по отдельности.

Я смотрел на это приспособление как загнипнотизированный.

— Это ваше собственное изобретение? — спросил я.

— Наше, — отвечал Дремин.

Третье хобби Артыка — чистота.

Раньше машины, приходившие с трассы, въезжали прямо в гараж, покрытые снегом и льдом. Они останавливались в красиво выложенном кафелем тоннеле, и через минуту на кафель и на механиков текла загрязненная маслом вода.

На автобазе решили: будем мыть машины горячей водой. Часть цеха отделили стеной так, что образовался длинный коридор, куда и въезжают «татры». Здесь их обдают кипятком специальные установки. Замерзшие «татры» гневно шипят, пар клубится, как в русской бане, зато механикам больше не льется на голову грязь...

В диспетчерской только и говорят, что о магаданской трассе — зимние перевозки еще не начались.

Дорога от Магадана до Усть-Неры — для шоферов это так, прогулка, хотя в этой «прогулке» семь перевалов, тысяча километров и без счета поворотов. Машины идут группами. В Артыке говорят: если с одним что случится, другие помогут. Вдоль трассы горят вечные огни — повод для остановки. Мимо огня не проедет равнодушно ни один шофер. Остановит машину, вылезет, подбросит дров в костер, закурит папиросу и ждет других. Шоссе узкое, но он никому не мешает: у костра любят остановиться. Поболтают о своих делах — и поехали дальше. В последнюю неделю тема для разговоров была такая: один из артыкских шоферов обратился в местную печать с письмом, которое в некотором смысле можно было бы назвать розыскным листом. Розыскивал он другого шофера. И вот почему.

Однажды шла по магаданскому шоссе тяжело груженная «татра» с прицепом. На этом шоссе хватало неприятных мест, и машина приближалась к одному из них. Шоссе шло здесь вдоль пропасти, слегка под гору, а дальше огибало скалу. Понятное дело, что в таком месте надо вовремя сбавить скорость. А «татра» вместо этого продолжала набирать ее. Сзади случайно оказалась еще одна машина, с другой базы. Водитель, видя, что вытворает его коллега, решил, что тот заснул, и начал давать тревожные сигналы. Увы, безрезультатно. Казалось, судьба «татры» решена — рухнет в пропасть. И тогда второй решился на отчаянный шаг: он набрал скорость, догнал первого, поравнялся с ним и, торозя, стал прижимать его к скале. Шоссе здесь узкое, и спаситель мог легко опрокинуться сам. Жизнь того и другого зависела буквально от секунд. Вторая машина, прижимая первую все сильнее, вырвалась вперед, заехала слегка наискосок и затормозила. Остановились они прямо перед поворотом. Второй шофер выскочил из кабины.

— Что случилось? — крикнул он.

Первый водитель сидел бледный и вытирал с лица пот.

— Тормоза отказали, — вымолвил он.

— Помощь нужна?

— Нет, — отвечал шофер. — Сам справлюсь.

Тогда второй водитель вскочил в кабину и дал газ. Тут только спасенный опомнился: боже, да я и имени его не спросил!

— Эй! — крикнул он, открыв дверь. — Как тебя зовут?

Но того и след простыл.

Спасенный от верной смерти написал письмо в газету. Номер ее не мог не попасть в руки того, кто пошел над пропастью на отчаянный риск. Никто, однако, не откликнулся...

Через цех, где стояли «татры», мы вышли на двор. Издали доносился рокот моторов. Кто-то уезжал или возвращался.

Перевел с польского Л. МИНЦ



олдаты из выдвинутых впереди частей сообщили, что «немец» метнулся стороной, в обход наших позиций.

Справедливость известия подтверждала артиллерийская перепалка. Затихая, она откатывалась вправо и вдруг совсем заглохла.

Перемещение боев оттеснило нас от событий. Казалось, что в этом были виновны случайные обстоятельства, из-за которых мы вынуждены бездействовать, отсиживаться, тогда как должны наверняка быть там, где центр тяжести, там, где

Заколыхав тишину и раздробив ночь, вдруг сухо треснул выстрел.

Зря стрелять запрещали, но выстрелы срывались сами собой: стреляли, чтобы обнаружить жизнь и не дать тишине заглотать все живое...

Солнце раскалялось сильнее и жарче.

Яркие просветы в разрывах набухающих облаков. Легкая, подвижная голубизна.

И снег... Обледенелый, грязный, источенный каплями снег заледенел на дне воронок, в овраге.

# ТИШИНА

Новелла

Л. КРИВЕНКО

сражались. И казалось, что если бы мы были там, то все сложилось бы по-другому.

Обступившая тишина — случайная тишина 41-го года — была словно немотой выключенного из жизни существования. И все пропитанное этой противоестественной тишиной угнетало: было противно заплесневелое болото. Удушливый туман обволакивал кочки и в тумане плывшие невесомые березы. Туман не рассасывался даже днем.

Днем сквозь толщу подвижного тумана сочилось белое солнце, но никого уже не радовала открывшаяся под солнцем вода.

Только вокруг брусничных кочек свежей мокрой зеленью темнела трава, но и она, побитая сверху ржавчиной, была тронута налетом той же гнили, что и скользкие листья.

Раз, оживив стынущую землю, прилетел крупный тяжелый журавль. Он долго, с детским разыскивающим и зовущим криком кружил над болотом. И, не слыша ответного призыва, словно оглядываясь и все еще на что-то надеясь, стал медленно набирать высоту.

Журавлю сочувственно смотрели вслед, провожали до тех пор, пока он не растворился в тумане.

К ночи болото, землянки, блиндажи заволакивали гнилые испарения. Вяло, вразбивку квакали лягушки и засыпали.

Засыпали уже на всю зиму.

Все постепенно поглощалось мраком подкраившейся ночи.

Томительная, изматывающая безвестностью тишина. Она, казалось, несла в себе и эту длинную ночь, придавившую землю.

На южных просыхающих склонах — омочаленная трава с бугорками зелени.

Воробьи, чирякая, вспархивали с дымившихся навозных куч.

Вспухшая, жирная земля.

Весна... Весна 1942 года.

То близко, то далеко вспыхивали огнем лужи, оставая в глазах на мгновение красно-оранжевую вспышку света. Блестки стекла, пуговиц. Ржавели каски, колеса разбитых повозок, ящики, гранаты с длинными деревянными ручками, рассыпаны гильзы, уже покрытые купоросным налетом.

И от натекших водоемов, маслянистой земли и от заледенелого снега, лежавшей травы тянуло приторной, сладковатой до тошноты смесью. Из воды, которая все убывала, стекая в овраги, траншеи, обнажились истлевшая одежда, увязнувшие лошади.

И... тишина. Тишина-пауза.

И как только, забывшись, отдашься на произвол радостной игры солнца, облаков, воды, света, так сразу и получишь удар из-за угла, будешь сбит с ног подкарауливающей тебя опасностью. Если забудешься, то не успеешь вернуться.

...Набухали облака, собираясь в первый дождь.

Весна... на каком-то далеком от тебя расстоянии. Наслаиваются какие-то отвлеченные облака... Облака как бы изъятые из жизни весны, потому что и траву, и лужи, и почерневший снег видишь только на расстоянии, так как весны не чувствуешь, раз не живешь в ней.

Даже костер не разожжешь, чтобы обсохнуть: сразу накроют минами. Только не расслабляться, чтобы сделать шаг вперед.

1944 год...

Рота наша заняла высоту, окопалась. Вся высота перепахана снарядами. Не за что зацепиться глазу, чтобы размыслить в этом месиве спасительную щель надежного укрытия: ни уцелевшей бани, ни столба, ни дерева. И мне показалось, что та сила сопротивления, которая только что вытолкнула меня вместе со всеми на эту разрытую высоту, уже на исходе — катушка размоталась.

И теперь я сам как будто становился только мишенью.

...Но вот в ночном теплом воздухе, сохранившем тепло дня и плотно придавившем окаменевшую землю, вдруг начались легкие, невидимые движения.

Все постепенно приобретало собственную окраску: я различаю камни, завалы, опрокинутую телегу.

Вдали проступила светлая полоса, отделившая небо от земли.

Там, где цепенела масса чего-то зыбкого, теперь курился пар.

Светлая полоса расплзлась. Накаляясь, она розовела.

Медленно начали стягиваться к просторному горизонту тучки с засвеченными, подпаленными краями.

В вышине проступила голубизна.

И вдруг, растопив последние звезды, в розово-оранжевом свете выступил из-под ската земли срез красно-малинового солнца.

Туман сдунуло, зашевелил траву ветерок.

...Солнце, уже видно все.

Где-то, позабывшись, щелкнула птица. И сразу, как поперхнувшись, смолкла — на войне лучше всего себя не обнаруживать.

Но в ответ ей громко, вызывающе открыто зашестела другая.

Спросонья икнула лягушка.

И снова тишина.

Тишина. Никакой войны вокруг как бы и не было. Это просто вступал в свои права новый рассветный летний день.

Рассвет начинался вместе с тобой: и в войне я уже жил, как вне войны.

А когда прокатился шум первой мины, грохнувшей в соседнем окопе, мне показалось, что война для кого-то только что началась.

Но это была другая война.

Спокойно, изучающе я стал разглядывать новую высоту с удобным для скрытого подхода подступом — там еще уцелел кустарник.

Должно быть, малинник.

...День выдался тихий. Спокойный, конечно, для войны, когда перестреливались, чтобы показать бдительность и готовность к отпору.

Глаз, обшаривая промонны чужих траншей, хладнокровно выскивал приметы сосредоточения сил на чужих позициях.

Над передним краем — тишина. Это была тишина опасная, тревожная для чужих траншей.

Тишина возмездия.

Тишина спокойная, укреплявшая чувство уверенности в скором конце войны, в собственной удачливости, — ласковая для нас тишина.

Тишина, состоящая с нами в общем заговоре. На нашей земле — наша тишина.

...Убивало теперь, казалось, только случайно, ибо для жизни Родины никакой опасности уже не было.

**В** мартовском номере «Вокруг света» за 1965 год была помещена информация о путешествии на Мадагаскар австрийского этнографа Лотты Гернбек. Сообщалось, что она добралась до затерянных в глубине острова селений племени вазимба.

В этом номере редакция предлагает читателю отрывок из книги, которую Лотта Гернбек написала после своего путешествия.

Мадагаскар — остров во многом загадочный: он расположен вблизи Африки, а его население — мальгаша — говорит на языке малайско-полинезийской группы, родственном языкам народов Индонезии. Тип жилища, способ обработки земли, надмогильные памятники, фольклор мальгашей свидетельствуют об их родстве с Индонезией. Да и внешним своим обликом мальгаша напоминают скорее монголоидов — жителей Юго-Восточной Азии, нежели африканцев.

Все это дало основание предположить, что предки мальгашей приплыли к берегам Мадагаскара много веков назад из Индонезии: малайские народы с незапамятных времен были искуснейшими мореходами. Ученые установили, что переселение индонезийцев на Мадагаскар заняло почти две тысячи лет и не прекращалось вплоть до X века нашей эры. Но как, каким образом происходило это переселение, неизвестно. Ученые определяют лишь некоторые точки этого пути: Сумаatra, Андаманские острова.

Нынешние мальгаша — потомки древних индонезийских мореходов. Они говорят на диалектах одного языка, у них схожие верования. Конечно, различия между племенами — сакавала на побережье, бецилео и имерина на плато, кочевниками-махафали — велики, но все же это один народ.

О тех людях, что жили на острове до прихода предков мальгашей, мы почти ничего не знаем.

Мальгашские легенды говорят о свирепых карликах, с которыми боролись предки нынешних жителей. Правда, эти предания о карликах мальгаша могли принести с собой и со своей прародины. В Индонезии и на соседних с нею островах широко распространены легенды о пигмеях, живущих в лесной чаще. Да это и не удивительно: пигмеи — низкорослые негроидные племена — живут там и поныне, например, племя кубу на Суматре. Есть они и на близлежащих Филиппинах. Жители Андаманских островов, лежащих на предполагаемом пути предков мальгашей, также отличаются малым ростом.

Не исключено, что племена пигмеев могли в древности населять и Мадагаскар, ведь живут же они в Африке.

Их потомки могли сохраниться в глубине острова — в конце концов, в основе любой легенды лежат реальные факты. Лотта Гернбек отправилась «по тропе легенд». Ее работы помогут ученым, изучающим мальгашский фольклор, отделить правду от вымысла.

А. ДРИДЗО, научный сотрудник  
Института этнографии



# ДОЛГАЯ ДОРОГА К ВАЗИМБА

ЛОТТА ГЕРНБЕК

## АНГАЛАМПИ МОГУТ ВСЕ

Мальгашские легенды неизменно утверждают: «Когда наши предки пришли сюда, здесь жили маленькие люди. Они были необычайно сильны и свирепы. Наши предки вели с ними упорную борьбу и победили и с тех пор стали жить там, где мы живем, а карлики, спасаясь, скрылись в непроходимой чаще».

Такую легенду рассказывают по всему Мадагаскару. А кое-где — на юге острова и на центральном плато — по убеждению местных жителей — мальгашей карлики здравствуют и поныне.

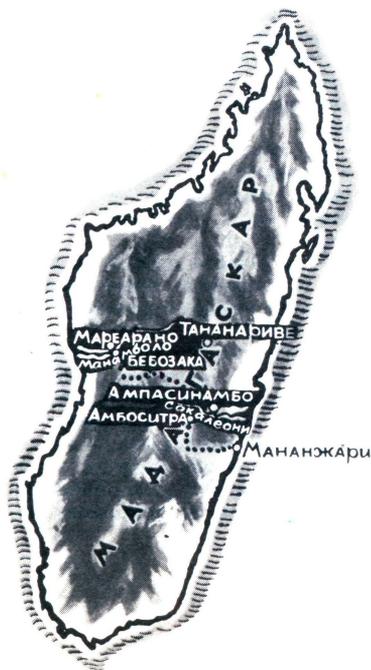
На юге острова карликов называют «кokoлампи» (или «ангалампи»), а на плато — «вазимба».

Эти существа, говорят мальгаша, с головы до ног покрыты волосами и не уступают в проворстве зверям. Они умны, как

люди, и необычайно сильны. По ночам они кричат в лесу. Крики их похожи на детский плач. Когда крестьяне спят, они пробираются в деревенские хижины и крадут рис. Эти существа наделены сверхъестественными способностями: они могут насыпать болезни и даже смерть на своих преследователей. Не дай бог обидеть их! Если житель плато заболевает, мальгаша говорят: «Наверно, он плюнул на могилу вазимба, и вазимба наслали на него болезнь».

Короче говоря, во всех этих рассказах мальгашей много путаницы, неправдоподобного вымысла, невероятных подробностей. Проверить их достоверность можно лишь одним способом: попытаться найти таинственных карликов, либо убедиться, что их не существует.

Свои поиски я решила начать с юго-восточной части острова.



Я приехала в город Мананжари (порт на восточном побережье) в полночь, но уже на следующее утро весь городок, непостижимым образом узнав о моих намерениях, только и говорил что о моем путешествии к пигмеям.

Меня узнавали на улицах: «Вон та вазаха\*, которая хочет поймать ангалампи!» Люди останавливали меня на улицах и щедро делились советами.

Один местный учитель уверял меня:

— Постройте в лесу хижину и поживите в ней несколько дней. В первую ночь положите перед хижинкой немного риса. Запах вареного риса привлечет ангалампи. Вот увидите: они придут и возьмут рис. На вторую ночь продевайте то же самое, а на третью поставьте рис на пол хижины и откройте дверь. Когда ангалампи войдут и набросаются на пищу, вы их легко поймаете. Вам они, возможно, ничего не сделают, потому что вы вазаха. Вообще же они убивают всех, кто выслеживает их.

— Ангалампи могут все, — говорили мне другие, — они сверхъестественные существа! Стоит им захотеть, и завтра утром перед вашими дверями будет стоять автомобиль.

— Ангалампи живут в пещерах вблизи водопадов, — наперебой объясняли советчики. — Поезжайте к деревне Ампасинамбо. Туда добраться не очень трудно. От Ампасинамбо километров тридцать пять до другой деревни — Аниворона, рядом с водопадом. Около этого водопада есть пещера, где живут ангалампи. Но до Анивороны дорога очень трудная.

— Однажды я встретил у нас на ярмарке женщину, которая была не выше метра ростом, — рассказал мне начальник полиции.

— Откуда она родом?

— Она пришла из лесу и снова скрылась в лесу. Потом кто-то рассказывал мне, будто он лет пять назад поймал в лесу маленького мужчину, который вскоре умер...

Советчиков было более чем достаточно. Но мне нужен был проводник, а ни один из доброхотов не брался довести меня до места.

И вот как-то вечером в гостиницу пришел человек, который сказал, что готов провести меня к водопаду. Внешность проводника особого восторга не вызывала:

мне он казался слишком щуплым, чтобы выдерживать трудности. К счастью, я обманулась: он оказался не только выносливым проводником, но и прекрасным товарищем.

Мы вышли в поход утром. Моросил противный мелкий дождь, и узкие тропинки стали предельно скользкими. Через глубокие овраги приходилось перебираться по тонким стволам деревьев, разуваясь, чтобы не сорваться. Тонкий ствол прогнулся.

— Не смотрите вниз, смотрите на конец ствола, — учил меня проводник.

Лишь к вечеру мы вошли в первую деревню.

Я спросила жителей о лесных людях.

— Сейчас их больше нет, — отвечали мне. — Раньше было несколько человек. Они жили под открытым небом, ходили непричесанные, не обрабатывали поля; ночами они приходили в деревню и воровали рис и маниоку.

Так говорили все, кроме одного старика. Он уверял, что ангалампи до сих пор живут в лесу.

— Эти маленькие люди собирают мед лесных пчел, дикие фрукты, охотятся на кабанов. По ночам они подходят к деревне и крадут рис и маниоку на полях. Я много раз видел следы ангалампи на влажной земле, но за ними лучше не гнаться: они убивают преследователя или насылают на него болезнь...

Ничего нового по сравнению с тем, что уже рассказывали мне в Мананжари. Что ж, может быть, в других деревнях расскажут больше.

Утро следующего дня мы снова встретили в пути. По дороге нам попадалось немало деревень, не обозначенных на карте. Население этих деревень было низкорослым. Еще раньше я нанесла на свою одежду метки, и теперь, как бы случайно остановившись рядом с «объектом», с которого я хотела «снять мерку», незаметно определяла его рост. Так вот — рост местных жителей колебался от ста тридцати восьми до ста пятидесяти сантиметров. Телосложением они походили на детей; женщины производили впечатление двенадцатилетних девочек, столь же невысоки и хрупки были мужчины; лишь морщинистые лица и дряблая кожа говорили об их истинном возрасте.

Я долго расспрашивала этих

людей об их жизни, происхождении; но они отвечали крайне скупо и неохотно. Тем не менее мне удалось узнать, что они всегда жили на одном месте и еще ни разу не выходили за пределы своей долины, окруженной лесами.

И никаких новых сведений об ангалампи!

В Аниворону мы пришли лишь к концу третьего дня.

Деревня раскинулась на небольшой открытой террасе. Многочисленные хижины теснились вокруг площади, окруженной изгородью из бамбуковой поросли. Вскоре перед домом старосты собрались жители деревни. В первый же момент мне бросилась в глаза их внешность: жидкая растительность на лицах мужчин, характерный для азиатских народов разрез глаз. Все они были низкорослы и ужасающе худы.

Нас встретили едва ли не с королевскими почестями и проводили в трановахины — местную гостиницу. Но и там гостеприимные жители не оставили нас своим вниманием — несколько юношей стали под дверью и запели какую-то веселую песню под аккомпанемент барабана и бамбуковых дудок.

Мой проводник и я плохо понимали местный диалект, но все-таки мы кое-как объяснились со старостой. Я сказала, что слышала много рассказов о маленьких лесных людях, которые будто живут в пещерах у водопада.

— У водопада в пещерах никто не живет. И раньше там тоже никто не жил. К этим пещерам и подобраться нельзя, они находятся в скале под водопадом. Мы сами месяцами живем в лесу, когда собираем мед и охотимся на кабанов, но еще ни разу не видели людей, о которых вы говорите.

— Вы давно живете здесь?

— Деревню мы построили всего три года назад, — отвечал староста. — А раньше жили в лесу.

— А вы знаете другие, построенные в последнее время деревни, жители которых раньше тоже жили в лесу?

— Здесь много разных деревушек. Когда-то мужчины племени бецимизарака с побережья бежали в эту долину, спасаясь от французских жандармов: у них не было денег, чтобы платить налоги. Здесь они построили себе дома и женились на женщинах нашего племени.

\* Вазаха (мальг.) — европеец. — Прим. автора.

— А откуда пришли ваши предки?

— Этого я не знаю. Мы всегда жили здесь.

— Где вы ночуете, когда охотитесь в лесу?

— Обычно в пещерах. Там тепло и сухо. Если пещер нет, делаем шалаши из листьев и ветвей.

— Вы не боитесь оставаться в лесу одни? Ведь не зря же рассказывают об ангалампи, которые жутко кричат по ночам?

— Никогда не видел таких людей, — покачал головой староста. — Может, это маки, животные вроде обезьян. Вот они, верно, кричат, как маленькие дети.

Говорила я и с другими жителями Анивороны. Но никаких сведений об ангалампи они не прибавили. Можно было ставить крест на этом водопаде. Мы вернулись в Мананжари, и, передохнув денек, отправились во второй поход: взглянуть на водопад, расположенный к северо-востоку от города. Слухи и легенды населили эти места страшными дикарями. Поход этот не был особенно примечательным. О нем можно было и не упоминать, если бы не один рассказ, который я услышала в небольшой деревушке.

После того как закончилось восстание 1947 года\*, многие его участники бежали в леса. Лишь по ночам пробираются они до сих пор в деревни за продуктами. Некоторые из них занимаются «немым» товарообменом: кладут на перекрестках дорог собранные плоды и дикий мед, а жители деревень обменивают их на рис, сахарный тростник и маниоку. Если количество принесенных продуктов удовлетворяет лесных жителей, они забирают их, если нет, то не трогают до тех пор, пока им еще чего-нибудь не добавят.

Теперь мне стало ясно, откуда пошли слухи о дикарях. Ну, а что до карликов, то все рассказы о них оказались чистым вымыслом. Объяснялись они, правда, несложно: как я заметила, люди, живущие в глубине острова, гораздо ниже ростом, чем жители побережья. Среди них встречаются очень низкорослые — сантиметров сто тридцать — мужчины. Люди из далеких деревень редко появляются на побережье — идти трудно да и незачем им покидать свои места. Когда же они все-таки появлялись в прибрежных

селениях, то сразу обращали на себя внимание. А слухи о них обрастали самыми невероятными подробностями.

Теперь оставалась последняя загадка — люди племени вазимба, живущие в центре острова, на плато.

### ВАЗИМБА: ОТКУДА ПРИШЛИ, КУДА УШЛИ!

Через два года я вновь приехала на Мадагаскар. Результаты моей первой поездки и предположения других исследователей указывали на то, что, по всей видимости, раньше на Мадагаскаре обитали племена пигмеев. Я решила отправиться на поиски этих племен. Возможно, к ним принадлежат и вазимба, о которых я много слышала во время первой экспедиции.

Передо мной стояла довольно сложная задача. О вазимба мне было известно лишь то, что они, по рассказам, обитали раньше на территории, где теперь находится столица Мадагаскара — Тананариве. Из родных мест их изгнало племя хова: наконечники копий хова были сделаны из железа, а у вазимба из глины. Предки вазимба были оттеснены на запад. И еще говорили люди, что в далекие времена вазимба переняли у духов способность приносить людям добро или причинять зло, а того, кто их оскорбит, наказывать болезнью или смертью.

Я отправилась вверх по реке Манамболо на туземной лодке. Прошло несколько ничем не приметных дней плавания, но вот однажды мы заметили на берегу трех чернобородых коренастых мужчин.

— Это вазимба, — сказал проводник.

Мы пристали к берегу. Мужчины холодно приветствовали нас и молча повели сквозь прибрежные камыши в деревню.

— Неужели это вазимба? — изумленно спросила я.

Во время своих предыдущих походов я не раз встречала людей такого типа. Они отличались от остальных мальгашей лишь густой черной бородой да более плотной фигурой. Были они поменьше ростом, чем племена на самом западе и юге острова, однако рост этот колебался в нормальных (сантиметров сто шестьдесят) пределах.

Деревня вазимба стояла на возвышенности, окруженной речными

рукавами. Площадки перед домами, покрытые светло-серой глиной, были чисто подметены. Дома были тоже обмазаны серой глиной и покрыты рисовой соломой. В каждом доме, похоже, было по две комнаты, а кухни вынесены во двор.

Нас привели в дом деревенского старосты.

Староста говорил медленно и мелодично. Речь его напоминала мне южный диалект острова, не очень похожий на разговор жителей плато.

— Оставайтесь здесь, — сказал мне староста после обмена приветствиями, — а я пойду на площадь и объясню всем, что вас можно не бояться.

Я молча подчинилась его распоряжению. И в то время как староста упражнялся в ораторском искусстве, я сидела одна в доме и скучала. Неожиданно в окне показалось лицо старой женщины. Она улыбнулась мне и спросила:

— Вы не устали? Хотите искупаться в реке?

На берегу оказалось много женщин. Они стирали белье.

Искупавшись, я вышла на берег и подошла к ним. Мы разговорились. Женщины никак не могли взять в толк, зачем мне понадобилось уезжать из родных мест и идти так далеко на поиски вазимба, выяснять, откуда они пришли, расспрашивать про их обычаи и нравы.

— Да, мы вазимба, — говорили они, — и живем, как жили наши предки. Но откуда они пришли сюда, мы понятия не имеем. Вот в деревне Бебозака, недалеко отсюда, за рекой, много стариков. Они знают разные старинные истории. Но те вазимба в Бебозака не любят, когда к ним приходят чужие люди.

— Как жаль! Ведь мне обязательно нужно узнать, почему вазимба в старину переселились сюда и как они раньше жили.

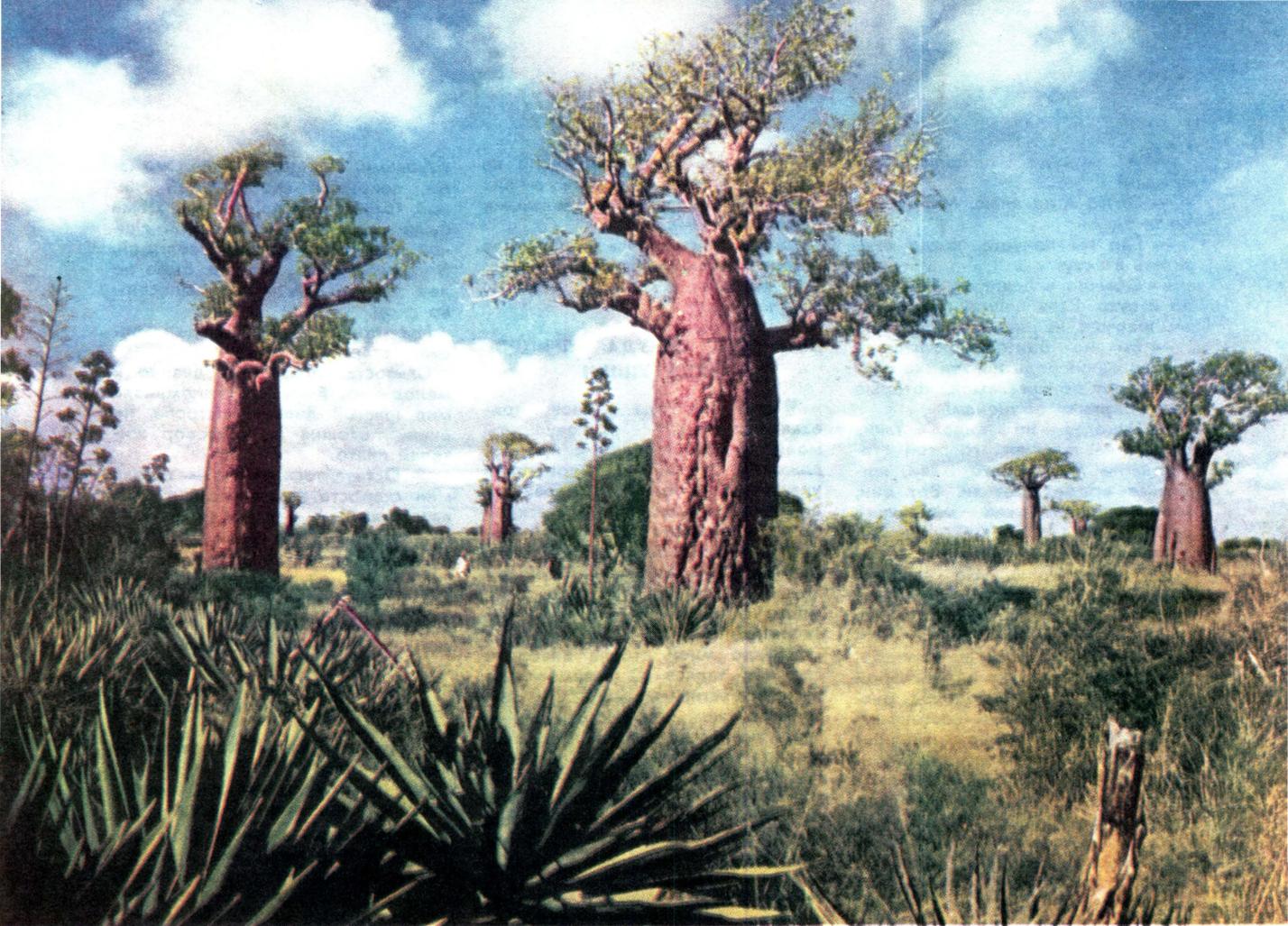
— Зачем вам это нужно?

— Вы, наверное, слышали, что почти все мальгашеи верят в то, что вазимба — это маленькие люди или даже духи, которые могут причинять людям зло или делать добро, будто они живут в пещерах?

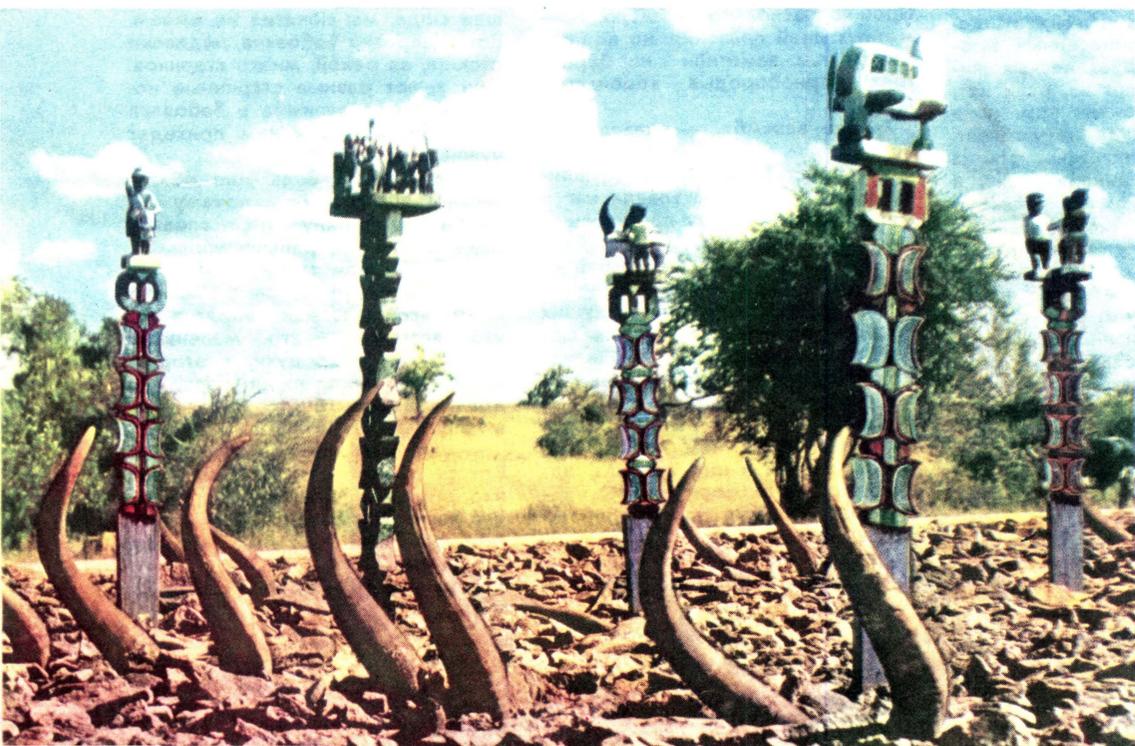
— Да, мы знаем, что многие боятся вазимба и даже считают нас зверями. Поэтому мы рады, что вы к нам пришли. Что вы хотите увидеть? Старые могилы в пещерах?

Конечно, я бы охотно взглянула

\* Участники этого восстания требовали независимости Мадагаскара. — *Прим. пер.*



Мадагаскар, плато...



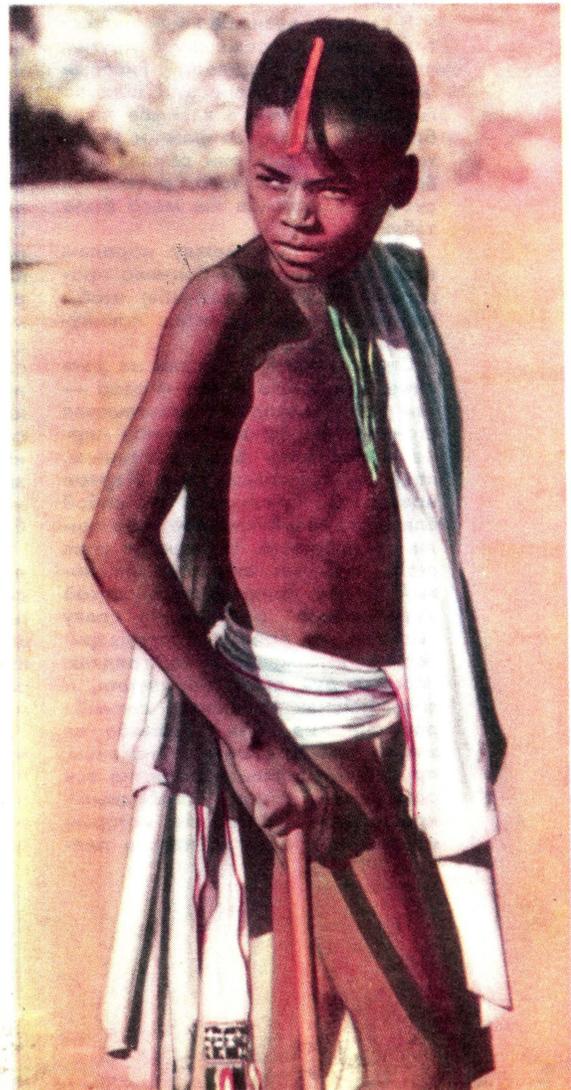


Большее трети Мадагаскара занимает плато. Пейзаж этой возвышенной равнины однообразен: степь, покрытая низкой жесткой травой, толстенные баобабы (мальгаша называют их «обезьяньим хлебом»), редкие деревушки — десяток красных глинобитных хижин, крытых рисовой соломой. В этих деревнях живут люди племени бецило и имерина.

Мальгаша почитают «духов» предков, поэтому кладбища — предмет неустанной заботы — расположены всегда рядом с деревнями. Надмогильные столбы подробно рассказывают об умершем: на могиле лодочника изображена лодка с пассажирами, на могиле отставного солдата — фигурка бравого вояки в полной форме. А если человеку довелось при жизни полетать на самолете, его могилу украшает самолет.

На юге плато кочуют люди племени махафали. Махафали не задерживаются долго на одном месте. Когда скот начисто выедает траву, они уходят дальше за своими стадами. На новом месте жены кочевников нанимаются на поденную работу в ближних селениях. Их берут охотно — женщины махафали славятся трудолюбием, они прилежно работают на рисовых полях день за днем.

Пока скот не съест траву...



на могилы вазимба! Но мальгаши так ревниво берегут могилы предков! И я сказала:

— Нет, покойники не интересуют меня. Я не хочу тревожить усопших.

— Это правильно, — обрадованно согласились женщины. — А то мы испугались, что вы хотите нарушить их покой. Мертвые мстят тем, кто нарушает их покой, и живые тоже.

На следующее утро мы переправились на лодке через Манамболо и пешком направились в Бебозаку.

Нас встретили более чем холодно. Лишь несколько мужчин собрались на площади. Правда, остаться в деревне мне позволили.

Но через неделю недоверия как не бывало. Я вылечила одну больную девочку, а вазимба в знак благодарности решили разослать по всем деревням, спрятавшимся в густых лесах, гонцов и собрать в Бебозаке стариков и старух, которые могли рассказать мне об истории племени. В их изложении эта история выглядела так.

В старину вазимба жили на востоке плато вперемешку с другим племенем — бецилео. Рисовые поля бецилео террасами шли по горным склонам, а вазимба жили ближе к рекам, озерам и болотам, на которых они сажали рис. Бецилео, кроме того, разводили скот, для вазимба же мясо было табу.

Но однажды между королем вазимба и королем бецилео произошла ссора, и вазимба, чтобы избежать кровопролития, покинули землю отцов.

Сначала вазимба осели на равнине, где много болот и озер — там сейчас находится мальгашская столица Тананариве. Вазимба мирно выращивали рис на равнине, пока не появились хова. Первое время хова признавали над собой власть королей вазимба, ибо жили на их земле. Но вскоре хова стали сильнее: они открыли новый, более продуктивный способ выращивания риса — не сразу высевать в болота, а предварительно высаживать на грядах. Рабочих рук стало не хватать, и хова решили заставить вазимба работать на себя. Вазимба не знали рабовладения. Племенем, правда, управляли короли, но все остальные были свободными крестьянами. Хова же, которые обращали в рабство негров пле-

мен банту, военнопленных, своих должников и преступников, захотели превратить в рабов также и вазимба. Поэтому вазимба решили покинуть страну. Они углубились в горы Бонголава и шли безостановочно на запад до тех пор, пока не вышли к реке Манамболо. Но не все добрались живыми до Манамболо, многие умерли в пути, не выдержав изнурительного перехода. Вазимба долго искали место, где похоронить умерших, пока случайно не набрали на пещеры. Умерших погребли в пещерах. И сами решили обосноваться поблизости. Однако в пещерах было слишком мало места, и вазимба пришлось разослать разведчиков на поиски новых жилищ. Через некоторое время разведчики вернулись и сообщили, что нашли дальше по ущелью Манамболо много пещер. Тогда вазимба построили несколько больших и маленьких лодок и спустились на них вниз по Манамболо. В одних пещерах они жили, в других хоронили умерших. Жили они по-прежнему бедно и по-прежнему охотились на мелких животных, ловили рыбу и собирали дикорастущие плоды.

И в наши дни вазимба выращивают рис и ловят рыбу. Занимаются они теперь и скотоводством. Однако крупный рогатый скот служит у них в основном для обмена и продажи. Правда, теперь в случае неурожая они едят мясо, но пастухами нанимают все же людей племени бара. Пастухи продают скот на рынках и покупают для вазимба необходимые продукты и разные товары: топоры, лопаты, ножи, предметы домашнего обихода, одежду, чай, сахар и, главное, соль. Обычно они складывают товары в условленном месте, откуда их забирают вазимба. Но так как вазимба и сами иногда появляются (только инкогнито) на рынках, они хорошо знают цены и не дают себя обмануть. В свои же деревни вазимба никого не пускают.

Из рассказов стариков мне стало ясно, что все слухи о колдовских способностях вазимба объяснялись их добровольной изоляцией. Именно это породило ту атмосферу таинственности, которая окружает на Мадагаскаре само имя вазимба.

Что ж, мне удалось установить, что легендарные вазимба — отнюдь не пигмеи. Следовательно, и во внутренней части острова живут такие же мальгаши. Есть ли на Мадагаскаре пигмеи, я не

смогла пока выяснить. Это могло стать целью другой — гораздо более обстоятельной — экспедиции. Мое же знакомство с вазимба помогло мне «закрыть» вторую загадку, связанную с «маленькими людьми»\*.

В день, когда я было собралась в обратный путь, с утра заградил дождь.

— Теперь вам не удастся вернуться назад, — сказал мне староста. — Все кругом затопило, и наша деревня окружена водой.

Мы прошли к вздувшейся реке, которая чуть больше недели назад текла маленьким ручейком, а теперь мчалась с ревом, унося в океан вырванные с корнем деревья, пчелиные ульи и даже туши волов. А дождь все шел и шел.

— Если в ближайшие дни погода не улучшится, — озабоченно заметил староста, — вам придется надолго задержаться в деревне.

Но через день дождь перестал. — Как вы думаете, мы сможем завтра утром пуститься в обратный путь? — спросила я.

— Трудно сказать: все затоплено, и дороги тоже.

— И все-таки мы должны попытаться, мне нужно спешить.

— Хорошо, я дам вам надежного проводника. Он поведет вас прямо по воде. А мы будем молить за вас предков. Ведь они помогают нашим друзьям.

Путь назад оказался очень тяжелым. Мы брели по руслам неглубоких ручьев, так как идти по плотному песку было много легче, да и приятнее, чем по топким болотистым берегам.

Я шла последней, вода доходила мне до колен и выше, и приходилось высоко поднимать юбку. Потому меня, собственно, и поставили последней: видеть ноги женщины выше колен для мадагаскарцев табу. Один раз я провалилась в яму и едва не утонула. Вода подступала уже к горлу. Но тут провожатые услышали мои крики, торопливо вернулись и, подхватив меня, вытащили из ямы.

— Предки вазимба помогли вам, — сказал проводник...

Перевел с немецкого  
Ю. КОТЛЯРСКИЙ

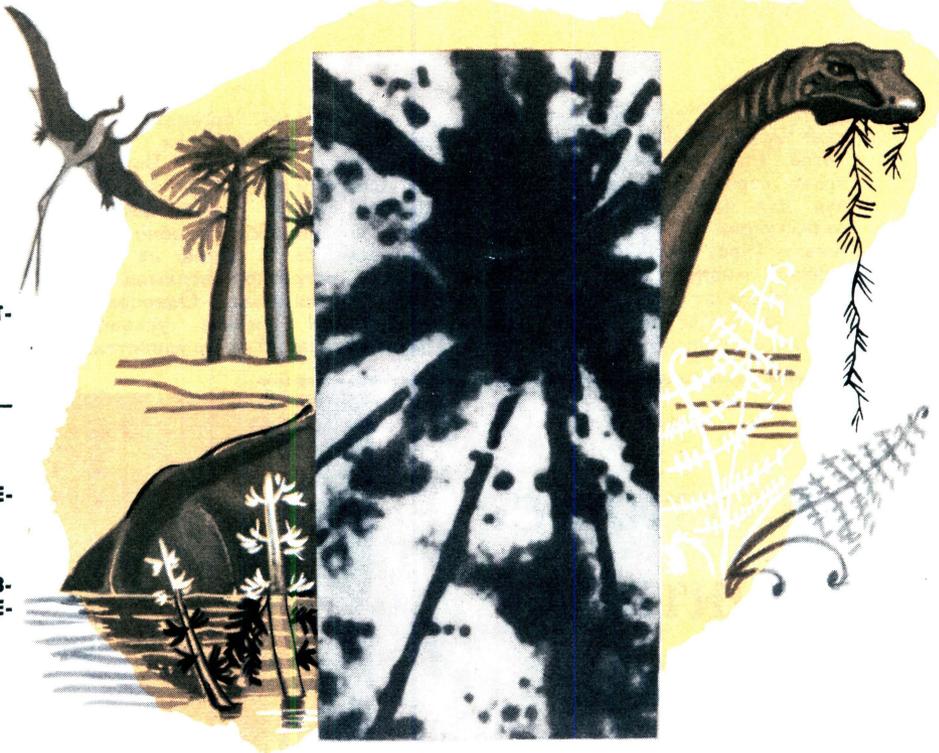
\* По мнению советских ученых, вазимба, очевидно, потомки первых переселенцев из Индонезии на Мадагаскар. Следующие волны пришельцев вытеснили их из прибрежных районов во внутреннюю часть острова. — *Прим. ред.*

**КАКОЙ БЫЛА ВСЕЛЕННАЯ СОТНИ МИЛЛИОНОВ ЛЕТ НАЗАД!**

**РХ-15 В РУСЛЕ ГОЛЬФСТРИМА — ПРОЕКТ ЖАКА ПИККАРА**

**СЛЕДЫ ТАИНСТВЕННЫХ ПЛЕМЕН В ЗАБАЙКАЛЬЕ**

**ЛЮДИ МЕЦАМОРА — ДРЕВНЕЙШИЕ МЕТАЛЛУРГИ АРМЕНИИ!**



## АВТОГРАФ ПАЛЕОЗОЯ

### Загадки Проекты Открытия

Из резерфордовской лаборатории (Англия) пришло сообщение: в недрах земли лежат бесчисленные «фотоснимки» космических лучей. Это кристаллы слюды, входящей в состав гранитов. Космические лучи — потоки элементарных частиц и атомных ядер, идущие из глубин вселенной, вступающие во взаимодействие с веществом

слюды, оставляют в ней видимые следы, которые могут сохраняться в течение целых геологических периодов. Ученые считают, что если предварительные опыты чтения этих следов подтвердятся, то удастся проследить, как протекало космическое облучение Земли в течение сотен миллионов лет.

СООБЩЕНИЕ КОММЕНТИРУЕТ ДОКТОР ГЕОЛОГО-МИНЕРАЛОГИЧЕСКИХ НАУК ПРОФЕССОР А. А. МАЛАХОВ:

**П**охоже, что в резерфордовской лаборатории приоткрыли «окно в прошлое»... Это не только образное выражение. Физически переместиться в прошлое мы, разумеется, не можем. Но разглядеть его черты — в нашей власти.

Как вы, например, отнесетесь к предложению выяснить, теплой или холодной была вода у берегов Англии сто миллионов лет назад? Ничего фантастического в моем предложении нет. Могу сказать точно. Летом морская вода имела в районе Англии среднюю температуру плюс 24 градуса, зимой она охлаждалась до плюс 14. А вот на противоположной стороне Атлантики климат сто миллионов лет назад был суровее теперешнего. Летом примерно на широте

Англии вода нагревалась там всего лишь до 18 градусов...

Рассказал нам об этом древний моллюск белемнит. Его внутренняя раковина нередко встречается в породах; житейское название этих окаменелостей — «чертов палец». Так вот: «чертов палец» — это, по существу, термометр. В состав минерала, из которого он образован, входит кислород. Верней, не один, а два кислорода: у одного атомный вес равен 16, у другого 18. Соотношение в раковине белемнита этих изотопов (атомов одного и того же химического элемента, отличающихся друг от друга весом) зависит, оказывается, от температуры морской воды в тот момент времени, когда шло образование раковины. По тому, сколько в слоях раковины кислорода-16

и сколько кислорода-18, можно точно вычислить, какова была температура моря во время жизни белемнита. (Когда жил тот или иной древний организм, можно узнать с помощью других методов.)

Подобных способов проникновения в прошлое Земли немало. И вот теперь — сообщение из резерфордовской лаборатории: есть возможность прочесть записи, сделанные космическими лучами в слюде! Волнующее известие. Ему, я полагаю, обрадуются астрофизики. Ведь космические лучи несут ценнейшую информацию о состоянии вселенной. Взгляд в прошлое позволит лучше понять, какой была вселенная сотни миллионов лет назад, как она развивалась прежде.

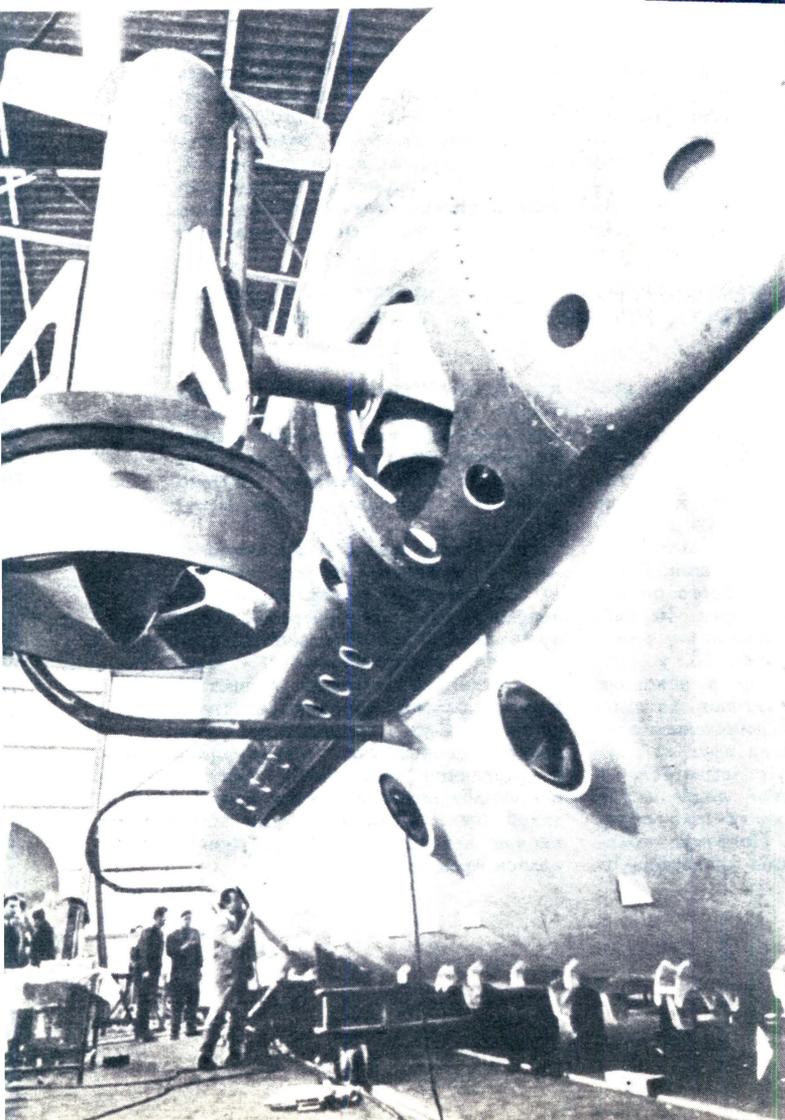
Не менее интересны «космические автографы» и для палеонтологов. Развитие жизни на Земле знало странные периоды. Загадочен для нас, к примеру, рубеж, отделяющий эру первичной жизни (протерозой) от эры древнейшей жизни (палеозой). Пятьсот семьдесят миллионов лет назад, до начала палеозоя формы жизни не блистали разнообразием

и сложностью организации. И вдруг — неожиданная и необычайная перемена. Возникают не просто новые виды, возникают целые классы новых животных. Все совершается подобно тому, как если бы в океане на месте редких островков всплыли могучие континенты... Одновременно происходит резкое усложнение форм жизни. И самое удивительное

то, что в предыстории мы практически почти не находим следов подготовки этого внезапного перелома.

Другой рубеж, отделенный от нас семьюдесятью миллионами лет. До него на Земле несокрушимо господствовали «страшные ящеры» — динозавры. Они владели сушей, водой, воздухом, они были вездесущи и, казалось бы, непобе-

## «НАУТИЛУС» КАПИТАНА ПИККАРА



*«Мы плыли теперь по течению большой океанической реки, у которой есть свои берега, своя фауна и своя собственная температура. Я говорю о Гольфстриме.*

*Это настоящая река, свободно текущая посредине Атлантического океана, воды которой никогда не смешиваются с океанскими водами. Это река более соленая, чем окружающее ее море. Ее глубина — три тысячи футов (около километра), ее средняя ширина — шестьдесят миль.*

*Под влиянием постоянно дующих в экваториальной области Атлантического океана северо-восточных пассатов громадный поток нагретой тропическим солнцем поверхностной воды пересекает Атлантический океан и устремляется к Южной Америке. У ее северного побережья, где он уже получает название Гольфстрим, этот мощный поток теплых вод еще более нагревается, проходя через горячие воды Антильского моря. И здесь Гольфстрим, призванный уравновешивать температуру земного шара, вступает в свои обязанности.*

*Нагретый почти до точки кипения в Мексиканском заливе, он поднимается к северу, к американским берегам...*

*При выходе из Багамского канала Гольфстрим течет со скоростью восьми километров в час. Эта быстрота постепенно уменьшается по мере приближения к северу. И нужно пожелать, чтобы эта постепенность снижения быстроты сохранилась, ибо если скорость и направление течения изменятся, то европейскому климату угрожают такие потрясения, последствия которых даже трудно себе представить.*

*По этой реке в океане и плыл «Наутилус»...*

димы. Но проходит ничтожный миг геологической истории — и мир животных не узнать! Нет больше «страшных ящеров»: господство перешло к млекопитающим.

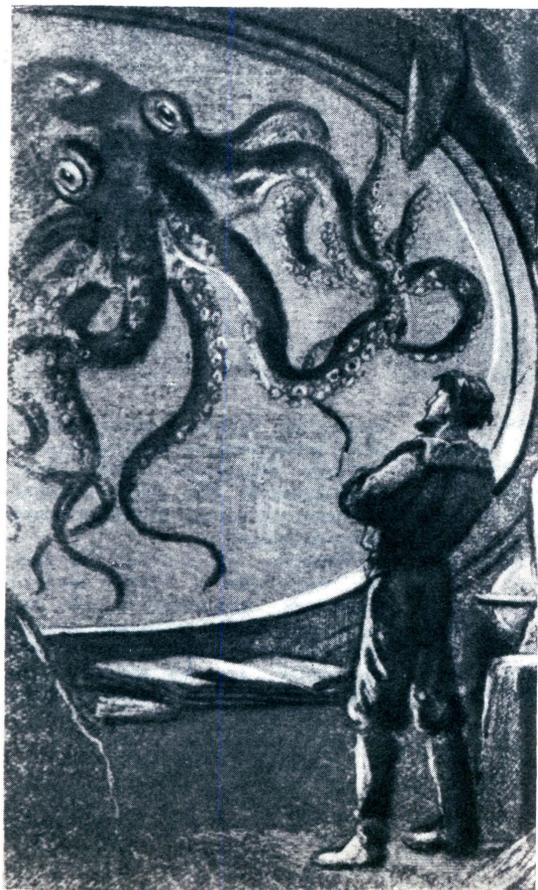
Как объяснить эти перевороты? Скрыта ли их причина в чисто внутренних биологических закономерностях эволюции? Или тут сказало влияние космоса? Все живое очень чувствительно к радиа-

ции, а уровень земной радиации весьма зависит от интенсивности космических лучей. Так, возможно, в прошлом были такие всплески космического излучения, которые резко повлияли на наследственность животных и растений?

Авторы заметок о работах резерфордовской лаборатории оговариваются, что опыты со слюдой еще требуют подтверждения.

И тем не менее я ничем не рискую, если скажу: не сегодня, так в ближайшем будущем мы сможем прочесть в «книге прошлого» новые удивительные страницы. Ибо природа, словно аккуратный хроникер, записывала, фотографировала все, что происходило в ней.

И эти документы ждут своих исследователей.



...В своем фантастическом романе «80 000 километров под водой» Жюль Верн точно указал время плавания «Наутилуса»: 1866 год. И вот сейчас, через сто лет, уже не герои фантастического романа, а ученые собираются погрузиться в глубь Гольфстрима.

Отдав швартовы у берегов Флориды, подводная лодка Рх-15 погрузится в воды Атлантического океана на 300 метров. Относимая течением Гольфстрима, лодка через месяц всплывет примерно в 2400 километрах к северу от пункта отправления. Она будет продвигаться со скоростью двух узлов. Новый подводный корабль задуман известным океанографом Жаком Пиккаром.

Корпус лодки Рх-15 похож на огромный цилиндр диаметром в 3 метра. Длина Рх-15 — около 15 метров, вес — 130 тонн. 29 иллюминаторов обеспечивают наблюдение за внешней средой.

Руководить плаванием предполагает сам Жак Пиккар. Экипаж будет состоять из пяти ученых. Они запасуются на шесть недель достаточным количеством жидкого кислорода и обезвоженных продуктов.

Отопление и регулировка влажности обеспечиваются океаном. Пиккар полагает, что электрическая аппаратура и «человеческие источники тепла» будут поддерживать внутри Рх-15 температуру выше температуры окружающей среды, то есть Гольфстрима. В случае скопления излишков влаги на стенках капитан намерен на несколько часов погружать подлодку на глубину 600 метров. Окружающая ее более холодная вода сконденсирует влагу, которая вытечет через специальное устройство.

Путь кораблю будет указывать компас и... термометр. Пиккар объясняет: подобно тому как плывущая по реке палка относится течением к берегу, Рх-15 будет смещаться от середины Гольфстрима примерно на одну милю в сутки. Поэтому каждые два или три дня лодке придется пускать в ход двигатели и возвращаться в срединную часть течения. Вот тут и сыграет свою роль термометр, который покажет, вернулась ли лодка в исходное место. (Температура оси Гольфстрима отличается от температуры пограничных зон течения.) Для смены курса корабль снабжен четырьмя электромоторами.

...Исследователи Мирового океана ожидают много от этого плавания. Дело в том, что научные сведения XIX века о Гольфстриме, которые Жюль Верн привел в своем романе, мало пополнились за столетие: ведь до сих пор ученые по-настоящему не заглядывали в глубины ни этого, ни других океанских течений.

А течения — это своего рода кровеносная система Мирового океана. Мир их глубин — свой, особенный мир. Быть может, течения играют роль особых «самодвижущихся» дорог для обитателей океана? Или, наоборот, выяснится, что Гольфстрим, например, — мир более замкнутый, чем это нам представляется сейчас?

# «ТАКУЮ НАХОДКУ МОЖНО ИЗУЧАТЬ ПОЛЖИЗНИ», —

сказал мне старый археолог, показывая маленькую, закаленную в огне древней печи глиняную табличку.

...Эта уникальная археологическая находка сделана в прошлом году... геологом.

Пять лет назад Корюн Мкртчян вместе со своей геологической партией начал шлиховые изыскания

вание и шлиховой анализ — подтвердили: да, здесь плавляли бронзу, золото, олово...

И вскоре Мкртчян вместе с молодыми археологами начал раскопки. Под лопатами вырисовывались контуры грандиозного производственного комплекса древности, раскинувшегося вокруг Мецаморского холма.

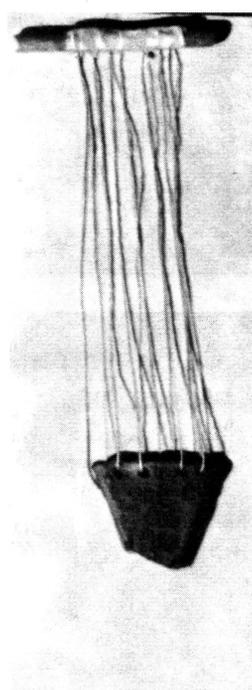
Десятки плавильных печей-домниц со всеми положенными им принадлежностями — воздухоудными трубами, глиняными крышками и футеровочными кирпичами; целые штабеля сырья; изделия и заготовки из бронзы и стекла; обширные обогатительные сооружения (их-то геолог узнал сразу!), выбитые в скалистых склонах холма...

Там же лежали остатки древней глиняной посуды — самый точный прибор археолога, по которому он ориентируется во времени, как мо-

печь зажглась здесь пять тысяч лет назад! На добрых две тысячи лет раньше, чем возникло одно из первых государств на территории нашей страны — Урарту. Но даже в Урарту археологи не встречали таких масштабов металлургического производства...

Как же объяснить феномен Мецамора? Какая причина побудила таинственные племена создать такое мощное металлургическое производство? Куда шли изделия мецаморских мастеров? А может быть, это производственный центр какой-то мощной культуры, существовавшей здесь на протяжении тысячелетий и таинственно исчезнувшей, когда появилась на арене истории цивилизация Урарту?

...И вот на полу одной из мастерских Мецамора, в слоях конца II — начала I тысячелетия археологи увидели маленькую глиняную табличку с отверстиями по



у подножья холма Мецамор, красно-рыжим конусом возвышающегося в центре Араратской равнины. Первые же геологические шурфы открыли ступени, высеченные в скале; огромные, полузанесенные землей выемки правильной формы и везде — тысячи кусочков оплавленного шлака.

Это были несомненные следы древнего металлургического производства. А привычные геологу методы — спектральное исследо-

вание по секстанту в океане, стрелка исторических часов, на циферблате которых — века и тысячелетия. Начало III тысячелетия до новой эры показывала эта стрелка в нижних горизонтах раскопов и к поверхности передвинулась к I тысячелетию.

Все эти двадцать веков гудели у Мецаморского холма металлургические печи, и лился металл, чтобы потом превратиться в плуги, кинжалы, статуэтки. Первая

краю... На табличке четко проступали таинственные иероглифы...

Люди Мецамора имели свою письменность! Это уже выходило за пределы самых фантастических предположений.

Известно, что в конце IX века до нашей эры в Урарту широко развилась письменность. Но это была клинопись, которую урарты почти целиком заимствовали у своих более древних южных соседей — ассирийцев. Большая часть

того, что мы знаем о государстве Урарту, почерпнута из клинописных памятников.

Археологи знали, что в раннем Урарту жрецы пользовались какими-то иероглифами местного происхождения.

И вот найдена табличка, на которую были нанесены иероглифы, табличка с доурартской письменностью!

Что же означают эти древнейшие иероглифы глиняной таблички? Молитву ли всемогущему богу об отвращении зла? Или патент на право владения мастерской? А может быть, рецепт какого-нибудь сплава, передававшийся в семье от отца к сыну?

Табличка пока молчит. «Можно изучать полжизни», — говорит старый археолог. Наверное, не

только можно, но и придется — впереди новые раскопки, новые экспедиции. Загадки, которые задает история, легко не решаются.

И кто знает, что откроется нам, когда заговорит эта табличка, скрывающая, может быть, тайны одной из древнейших цивилизаций на территории нашей страны?

**А. ИОРДАНСКИЙ**

## КТО ОН, КАК ЖИЛ И КАК ПОГИБ...

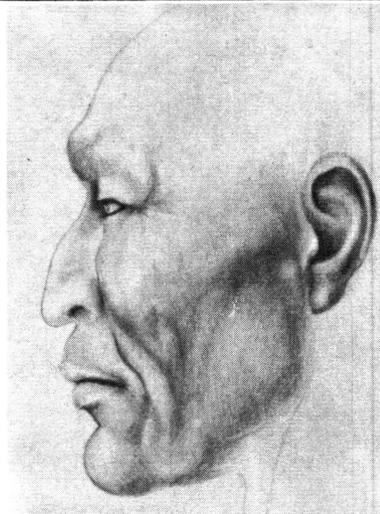
...и кто похоронил его тысячекратно назад на вершине забайкальской Фофановой горы, у подножья которой величавая и темная от стремительного своего бега Селенга выплескивается на равнину?..

На это ответа пока нет — мы только смогли увидеть благодаря реконструкции профессора М. М. Герасимова его жестокие и дикие глаза, круглой подбородок, хищный орлиный нос...

Несколько лет назад пришел сюда к подножью Фофановой горы наш археологический отряд под руководством доктора исторических наук Михаила Михайловича Герасимова.

Первые раскопки мы начали почти у подножья горы — там, где на песчаном склоне виднелись скопления крупных камней, следы надмогильных кладок. И сразу же под камнями мы увидели могилы... Разграбленные, перекопанные еще в древности.

...Мы находили в песке обломки бус, каменные скребки, костяные наконечники стрел и гарпуны, грубые глиняные горшки, украшенные орнаментом. Это были предметы, которые грабитель отбрасывал. Но вот там, где не было видно следов грабителя, под кисточкой археолога показалось медное шило, рядом лежали бронзовый рыболовный крючок, ножичек... Медь, бронза... Значит, эти люди уже знали металл. И грабитель искал только бронзовые и медные вещи, отбрасывая, как ненужное старье то, что еще недавно



было ценностью — каменные ножи и костяные наконечники стрел.

Раскопки продолжались. И вскоре несколько выше по склону мы обнаружили группу погребений, совершенно отличную от предыдущей: рядом с целыми и неповрежденными скелетами на слое кроваво-красной охры лежали... кости отрубленных по локоть рук. Такого обряда в Забайкалье еще никогда не было зафиксировано.

И пока мы ломали голову над этой неожиданной загадкой, Фофанова гора преподнесла нам еще один сюрприз — несколько погребений, где вообще не было никаких следов могильной ямы. И рядом с умершими не было ни ножей, ни сосудов, ни стрел. Лишь у одной женщины были зажаты в руке несколько длинных лебединных костей...

Итак, за один сезон мы открыли три совершенно отличных друг от друга некрополя — город мертвых на Фофановой горе разрастался на протяжении тысячелетий.

...Сорок веков назад сюда пришли высокорослые суровые охотники. Они не знали пощады к врагам и руки убитых клали в усыпанные красной охрой могилы своих погибших родичей, по-видимо-

му, для того, чтобы и они на «том свете» знали радость отмщения... Прошло около тысячи лет, в Забайкалье наступил бронзовый век, и к Фофановой горе пришли другие люди. Они были меньше ростом, чем их предшественники, умели разводить скот и знали металл. И ради металла даже грабили могилы... Они тоже ушли отсюда, и их место заняли другие — те, кто не оставлял умершим ничего для «потусторонней» жизни... Прошли века — и они тоже исчезли, оставив на Фофановой горе лишь могилы...

Кто же были они, люди Фофановой горы? Что влекло их в эти места и что заставляло покидать их?

Следы древнейших жителей Фофановой горы, бросавших в усыпанные охрой могилы руки убитых врагов, находили и раньше, на левом притоке Ангары, реке Китой. Известны также были в Забайкалье стоянки племен, что на склонах Фофановой горы оставили свои могилы вслед за китойцами — археологи называют их глазковской культурой. И до сих пор считалось, что китойцы — это этнические предки глазковцев, что китойская культура медленно и плавно перешла в глазковскую... Но вот некрополь на Фофановой горе. Никаких переходных ступеней между этими культурами. Ничто не указывает на родственную близость китойцев и глазковцев...

Ну а те, что пришли сюда вслед за глазковцами? Те, кто, судя по обряду погребения, не верил в загробные нужды своих сородичей? Откуда пришли они и как и когда исчезли из этих мест? О них мы не можем сказать пока ничего, ибо останки на Фофановой горе — первый след этих таинственных племен.

Некрополь на Селенге словно разорвал цепь времен, что виделась уже во тьме тысячелетий, и открыл новое звено...

**Е. ЧЕРНЫХ,**  
кандидат исторических наук



А. ФРЕЙДБЕРГ

Фото автора

*Мы не найдем  
Золотых росышей*

**Н**аш лагерь на берегу реки. Она мелка и быстра. Извиваясь, она течет вдоль склона, сплошь заросшего каменной березой и кедровым стлаником. А напротив правильным конусом застыла сопка Эвалпанья. По ту сторону реки к сопке тянется мягкий колышущийся ковер трав, подбитый водой. Идти по нему можно только в резиновых сапогах. Река — наша дорога, наша работница, и с ней, как и с другими речками и ручьями, бегущими здесь, связана наша работа.

Первые дни мы заняты благоустройством. Ставим палатки,

## РЕПОРТАЖ

### С КАМЧАТСКИХ РЕК

строим камералку, кухню. Наш радист умудряется из железной бочки соорудить печь для хлеба. Но вершина строительного чуда — баня, которая к тому же обладает еще одним бесценным достоинством — в ней нет комаров: это, по-моему, единственное место в лагере.

Лагерь — наш дом. Здесь мы живем. Все восемнадцать человек, пришедшие на Камчатку.

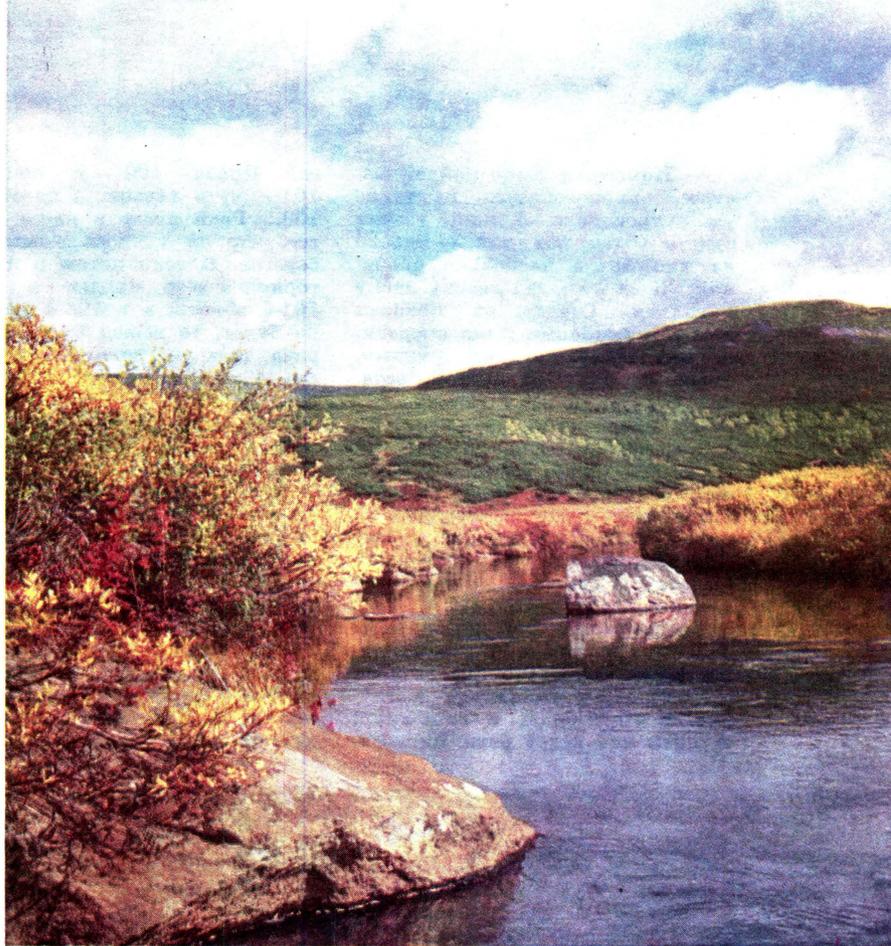
Отсюда уходим в маршруты. У каждого свое дело. Впрочем, на первых порах круг моих обязанностей не слишком определен. Наверное, так бывает со всеми, кто не умеет делать какое-нибудь одно дело, но делать отлично. Я должен в любую погоду уметь разжечь костер и жарить лепешки на камне; вьючить лошадей, привязывать их калмыцким узлом и путать на ночь так, чтобы они не стерли себе ноги; быть на болоте с лопатой весь день и при этом не обращать внимания на комаров. И многое другое, о чем городской житель имеет смутное и оттого радужное представление. В общем быть рабочим геологической партии. Людей со столь разнообразными обязанностями поначалу было двое: я и мой напарник Витя — студент-физик. Потом не стало ни одного. Нет, мы не убежали. Просто приобрели специальность — стали шлиховщиками.

— Берите лотки и лопаты, посмотрите, как это делается, — сказал как-то Леша, наш наставник.

И мы послушно двинулись за ним к реке. На берегу, откопав неглубокий шурф, он набросал земли с галькой в лоток и опустил его в воду. Земля сразу осела, и коричневая муть потянулась по течению. Разминая породу руками и легким движением встряхивая лоток, он смывал ненужную землю с галькой, и вода уносила ее прочь.

— Ясно? — И Леша показал нам лоток, на дне которого россыпью чернел тонкий шлих. — Вот до такой кондиции. — Леша был немногословен.

Мы молча наполнили лотки и опустили их в воду. Струя слизала все, оставив в лотках круглую гальку. Только через час, выпрямив затекшие спины, мы без гордости показывали друг другу наши первые пробы.



— Ничего, дальше пойдет быстрее, приспособитесь, не такое уж хитрое дело. В конце сезона будете мыть вот так. — Бросив на дно лотка несколько дробин, Леша насыпал сверху песок и гальки. Отмыв, он показал нам все дробинки и по очереди, не прикасаясь к ним руками, смыл их одну за другой, оставив тонкую полоску шлиха.

Мы неприметно вздохнули.

Так нашей основной работой стала шлиховка. По плану положено взять 1500 проб, и для этого надо облазить все речки, ручьи и даже высохшие русла. Другие заняты геологической съемкой, третьи... Словом, у каждого свое дело.

Скорее всего мы не найдем золотых россышей. Но если даже через несколько лет геологи отыщут здесь что-нибудь достойное, в этом будет и наш труд. А пока нас ведет река Янга-Ян-

гай. Проба 100 — у поворота, 101 — чуть дальше, а потом 102, 103... Река несет в наши лотки все, что ей удалось вымыть из берегов. И если потом в лабораториях кто-то найдет в пробе 101-й золото, а в 103-й его уже не будет, то вывод будет прост: река вымыла золотые крупинки где-то между 101-й и 103-й пробой. И тогда к месту, где мы так усердно встряхивали лоток между двумя этими точками, придут поисковики...

А мы? Мы можем даже не узнать об их открытии, так же как они не узнают о нас, — у них будет карта, и все. На карте не будет видно нас, идущих сегодня в новый дальний переход...

Мы продираемся сквозь стланик с топорами, и вдруг — обрыв. Назад — искать новые проходы. Местами путь проходит по краю крутых склонов,

и лошади идут очень осторожно. Между нагромождениями камней, переплетенных корнями кедровника, от дождей образуются глубокие промоины. Они скрыты от глаз в высокой траве. Попасть в такую яму опасно, и лошади это чувствуют. Они долго обнюхивают землю, прежде чем поставить ногу. И так шаг за шагом... Мы их не торопим. Мы доверяем им в эти минуты больше, чем себе.

Камчатские лошади особенные. Часто, возвращаясь ночью в лагерь, я бросал поводья на шею неказистого с виду Тепы, веря в чутье этой лошади. Тепа, пробираясь по зарослям и скользким камням быстрых ручьев, спускаясь по крутым склонам, всегда находил дорогу домой, а я только по ускоренному шагу да нетерпеливому ржанию угадывал, что палатка где-то недалеко.



...Уже пришел август, а мы все бродим, перебираясь из долины в долину. Вода в верховьях стала ледяной, и руки просто коленеют. Приходится то и дело отогревать их за пазухой. Но работу надо делать, а сделать ее, кроме нас, некому. И мы снова и снова продираемся сквозь заросли, долбим лопатами неподатливую прибрежную гальку и замерзшими руками месим в воде землю, чтобы на дне лотка увидеть темный, искрящийся от воды шлах... И так до вечера, пока не встретимся у костра. И тут...

— Идем мы по тропе, — рассказывает наш геофизик Валера. — Откуда она взялась в этом месте — непонятно. Потом-то я сообразил: медвежья это тропа — очень уж низко под деревьями шла, сгибаться надо было в три погибели. Боря шел впереди, со спины я один его рюкзак и видел, громадный, как стратостат. А я метров на пятьдесят сзади. Крутом трава, кустарник... Стало смеркаться. Впереди тихо ручей зажурчал. Я задумался... Поднимаю голову, смотрю: на тропу по ту сторону ручья выходит огромный медведь...

— Врешь, Валерка!

— У Борьки спросите!.. Я замер. Не знаю, что делать. Медведь стоит, смотрит на меня, а я стою смотрю на него. Жутко стало... У меня одна мелкашка, да и та за плечами. Что делать? И я закричал. Каким-то чужим голосом. «Пошел, говорю, пошел!.. Кому говорят?!» И вот — хотите верить, хотите нет — он пошел. Пошел по тропе за Борисом, а я за ними. Так мы и шли: впереди Борис, за ним мишка и сзади я. Потом мишке что-то не понравилось, он свернул в сторону и скрылся в траве.

Молчим потрясенные. Хватит таких рассказов! Спать!

...Заморозки пришли неожиданно. Снег выгнал комаров, будто их и не было. Мы ждем вертолет, он доставит нам письма, и на нем отработаем несколько дальних точек. Работа приближается к концу, и по вечерам в жарко натопленной камералке особенно шумно. Вокруг карт и образцов спорят геологи: смеются, обижаются, доказывают... Говорят, истина рождается в спорах. Здесь истина — еще и в камнях.

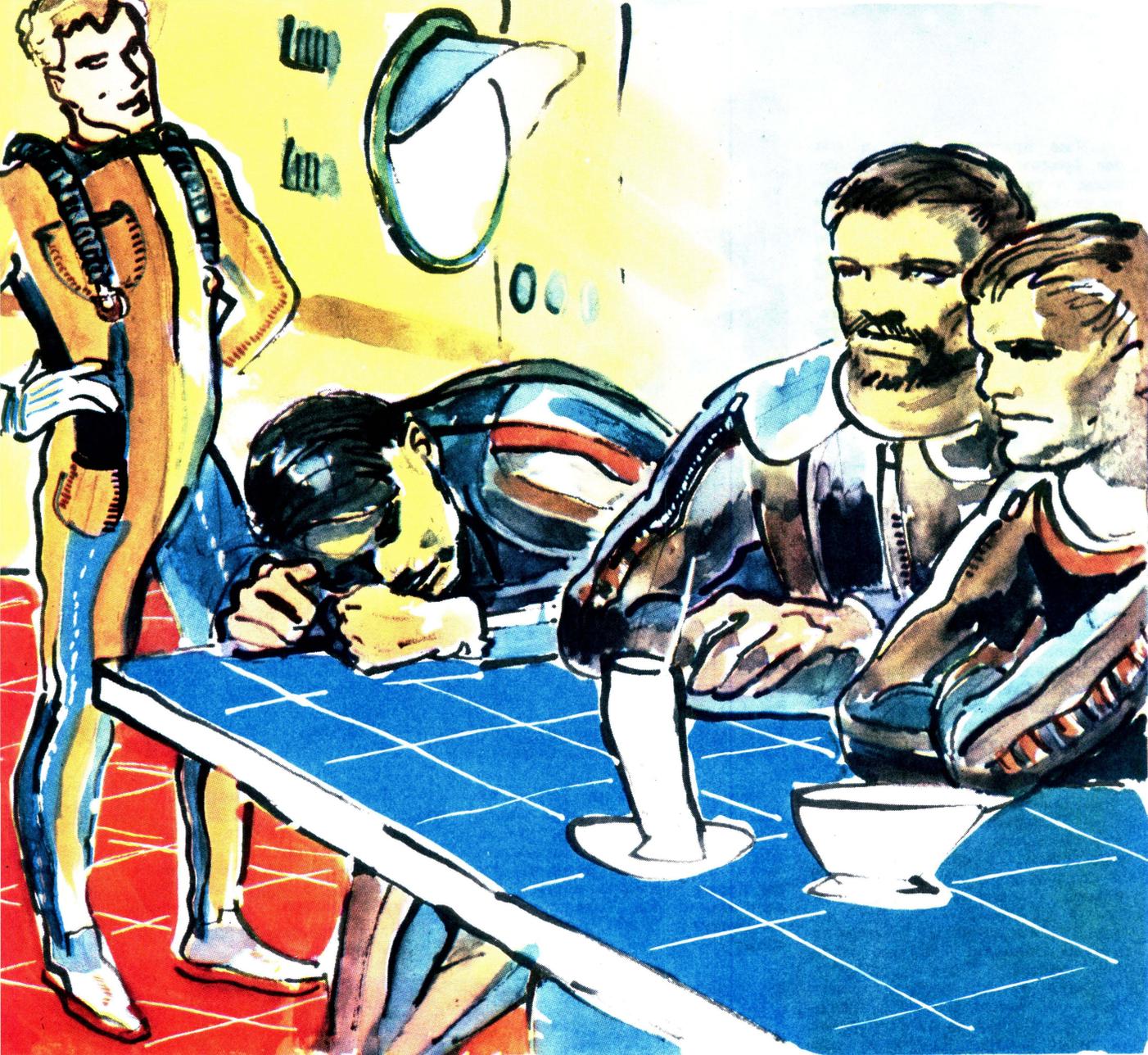


Только что мы все вместе пели. Есть у нас такая песня. В ней пляж у нас солнце, белое, чуть кислое вино и танцующие люди. Им тепло и радостно. Руки ближе тянулись к огню, лица становились задумчивыми. Я спросил Валу, нашего геолога:

— Ты ведь не первый год в поле... Годы проходят, не жаль? Она посмотрела на меня и серьезно ответила:

— Конечно, хочется и моря и солнца. Но придет весна, начнутся разговоры о маршрутах, сборы... И засосет где-то аж прямо до боли.





ВЛАДИМИР  
МИХАЙЛОВ

# РУЧЕЙ на ЯПЕТЕ

*Фантастический рассказ*

1  
**З**везды процарапали по экрану белые дуги. Брег, грузнея, врал в кресло все глубже. Розовый от прилившей крови свет застилал глаза, приглашая за-

быться, но пилот по-прежнему перетаскивал тяжелеющий взгляд от одной группы приборов к другой, выполняя главную свою обязанность: следить за автоматами посадки, чтобы, если они откажут, перехватить управление. За его

спиной Сивер впился взглядом в экран кормового локатора и шевелил губами от усердия считая еще не пройденные сотни метров, которым, казалось, не будет конца. Звезды вращались все медленнее, наконец, вовсе остановились.

— Встали на пеленг, — сказал Брег.

— Встали на пеленг, — повтори Сивер.

Япет теперь был прямо под кормой, и серебряный гвоздь «Ладоги» собирался воткнуться в него раскаленным острием, завершив тем свое многодневное падение с высоты в миллиарды километров. Вдруг тяжесть исчезла. Сивер собрался облегченно вздохнуть, но забыл об этом, увидев, как помрачнело лицо Брега.

— Мммммх! — сказал Брег, бросая руки на пульт, — не вовремя! — Тяжесть снова обрушилась. — Тысяча, — громко сказал Брег, начиная обратный отсчет. Он повернул регулятор главного двигателя. На экране прорастали черные скалы, между ними светились ровный пятачок. — Следи, мне некогда, — пробормотал Брег.

— Идем точно, — ответил Сивер.

— Кто там? — спросил Брег, не отрываясь от управления.

«Сейчас, — подумал Сивер, фокусируя изображение. — Сейчас».

— Похоже, какой-то грузовик. Видимо, рудовоз, — ответил он погодя.

— Сел на самом пеленге, — сердито сказал Брег. — Провожу отклонение. — Слаженный рокот нарушился, людей прижало к правому подлокотнику.

— Порядок, — сказал Сивер.

— Шестьсот, — считал Брег. — Триста. Убавлю, — оповестил Брег.

Сивер предупредил:

— Закоптышь этого.

— Нет, — проговорил Брег, — сто семьдесят пять, беру факел, сто двадцать пять, сто ровно, девяносто.

— А хотя бы. Чего ж он сел так, — сказал Сивер.

Скалы поднялись выше головы.

— Самый паскудный спутник, — сказал Брег, — надо было именно ему оказаться на их трассе. Сорок. Тридцать пять. Упоры! — Зеленые лампочки замигали, потом загорелись устойчиво. — Одиннадцать! — кричал Брег. Двигатель гремел. — Ноль! — устало сказал Брег. — Выключено!

2

Грохот упал; лишь тонко и редко позванивала, остывая, обшивка кормы да ласково журчало в ушах сразу утихомирившееся время. Сивер закрыл глаза; в них ходили зеленые волны океана. Открыл. Рубка была освещена обычным зеленоватым светом, от которого

меньше устают зрение. Брег потянулся и зевнул, они посмотрели друг на друга.

— Но ты здорово, — сказал Сивер. — И надо же: автомат скис на последних метрах.

— Я его подкарауливал, — ответил Брег. — Чувствовал, что он вот-вот. С этой спешкой мы его перегрузили, как верблюда. Теперь придется менять.

— Я думал, ты мне поможешь.

— Ну помогу, а потом займусь. Времени хватит, полагаю.

— Когда, ты считаешь, они придут? — спросил Сивер.

— Суток двое позагораем, а то и меньше, — сказал Брег, подумав.

— Только? По расчету вроде бы выходило пять дней. Я хотел здесь оглядеться...

— Тут одного дня за глаза хватит. Камень и камень, тоскливое место. Вот если бы они возвращались месяцем позже, на их трассу вывернулся бы Титан, там садиться благодать, и вообще цивилизация.

— Вот тогда-то, — сказал Сивер, — мы и врезались бы. Скажи спасибо, что это Япет — всего-навсего пять квинтиллионов тонн массы. Титан раз в тридцать массивнее.

— Чувствую, — улыбнулся Брег, — ты готовился. Только к Титану я и не подскочил бы как лихач. Я его знаю вдоль и поперек. Ты только не погрясай меня знаниями. Оставь для девушек. Кстати, их ты, пожалуйста, тоже не потрясаяй.

— Ну уж их-то мне и в голову бы не пришло, — сказал Сивер. — С героями надо осторожно.

— Правильно, — кивнул Брег. — Со мной-то стесняться нечего: раз дожил до седых волос, а все на посыльном корабле, значит явно не гений.

— Ну ладно, чего ты, — пробормотал Сивер.

— Я ничего, — спокойно сказал Брег. — Я и сам знаю, что не гений.

Они помолчали, отдыхая и поглядывая на шкалы внешних термометров, которые должны были показать, когда окружающие камни остынут, наконец, настолько, что можно будет выйти. Потом Сивер сказал:

— Да, герои — это... — Он закончил протяжным жестом.

— Не знаю, — проговорил Брег, — я их не видал в те моменты, когда они становились героями, а если бы видал, то и сам бы, может, стал.

— А кто их видал? — спросил Сивер. — Герои — это рекордсмены; уложиться на сотке в девять секунд когда-то было рекордом, потом — нормой мастера, а теперь рекордсменом будет тот, кто не выйдет из восьми. Так и тут. Чтобы летать в системе, не надо быть героем; вот и мы с тобой в ней путешествуем, да и все другие, сколько я их ни видал и ни показывал, тоже вроде нас. А вот за пределы системы эти вылетели первыми.

— Ну не первыми, — сказал Брег, он собрался вроде улыбнуться, но раздумал.

— Но те не вернулись, — проговорил Сивер. — Значит, первые — эти, и уж их-то мы встретим, будь уверен. У меня такое ощущение, что мне повезет и я сделаю прима-репортаж.

3

Они закрепили кресла как полгалосе на стоянке и неторопливо привели рубку в порядок, с удовольствием ощущая легкость, почти невесомость своих тел, естественную на планетке, в тысячу раз менее массивной, чем привычная Земля. Потом Сивер взял чемоданчик и медленно, разглаживая ладонями, стал укладывать в него пижаму, халат, сверху положил бритву. Брег ждал, постукивая носком ботинка по полу.

— Пижамы там есть, — сказал он.

— А я не люблю тех, — ответил Сивер, защелкивая крышку.

Лифт опустил их на грузовую палубу. Там было тесновато, хотя аппаратура Сивера и коробки с медикаментами и витаминами занимали немного места; «Ладога» не была грузовиком. Сивер долго проверял аппаратуру, потом, убедившись, что все в порядке, дал одну камеру Брегу, другую взял сам.

Они вышли в предшлюзовую. Помогая друг другу, натянули скафандры и проверили связь. Люк отворялся медленно, словно отвыкнув за время полета.

Башмаки застучали по черному камню. Звук проходил внутри скафандров, и от этого людям казалось, что они слышат ногами, как кузнечики. Они зажгли нащлемные фары. Брег медленно закивал головой, освещая соседний корабль, занявший лучшее, центральное место на площадке. Машина на взгляд была раза в пол-

тора ниже «Ладоги», но шире. Закопченная обшивка корабля сливалась с мраком; амортизаторы — не телескопические, как у «Ладоги», а шарнирные — вылезали в стороны, как локти подболевшего человека, и не вызывали ощущения надежности: частые утолщения показывали, что их уже не раз сваривали. Сивер покачал головой: зрелище было грустным.

— Да, — сказал он, — рудовоз класса «Не рыдай мене, мати». Что они делают в этих широтах? Погоди, вспомню сам. Ага, возят трансурановые с той стороны на остальные станции группы Юпитер — Сатурн. Правильно?

— Потрясай дальше, — сказал Брег.

— Это срам, — сказал Сивер, — что энергетика станций зависит от таких вот гробов. — А что он вообще делает здесь? Рудник на той стороне.

— Скорее всего техобслуживание. Рудовозам разрешено заходить для этого на станции, вот как эта, если они при этом никому не мешают.

— Нам они как раз мешают, — сказал Сивер. — Боюсь, что «Синей птице» некуда будет сесть.

— Если она и впрямь зайдет, — проворчал Брег. — Они могли изменить свои планы.

— И в самом деле, — сказал Сивер, — им не сесть. Она же, пожалуй, раза в два больше нашего, «Птица». А этот стоит — неудобнее нельзя, и расплылся.

Они снова обернулись, проводя лучами фар по кряжистому корпусу. На нем, почти на самой макушке, по рыхлой броне полз неторопливым жуком полировочный автомат, оставляя за собой тускло отблескивавшую полосу. Рудовоз охорашивался. Сделать это ему, пожалуй, следовало уже давно.

— Автомат типа «Помнишь ли ты», — усмехнулся Сивер. — Корабль запущен — дальше некуда. А между тем в этой зоне полагается быть инспектору. Готов поспорить, что он безвылазно сидит на Титане... Поэтому они и сели на автоматической станции, где нет людей и их никто не увидит.

Он умолк, оглябая вслед за Брегом глыбу, об острые края которой можно было порезать скафандр.

— И вообще космодром следовало построить там, где камней поменьше.

— Камни здесь появились, когда устроили космодром, — сказал Брег. — Взрывали скалы. И по-

том, каждая посадка и старт добавляют их: скалы трескаются от наших выхлопов. В других местах камней вообще нет: ни тебе атмосферы, ни колебаний температуры.

— Все равно, надо было строить на гладкой стороне.

— Фон, — сказал Брег. — Там уран и прочее. — Он взглянул на свой дозиметр. — Даже здесь этот кораблик поднял фон. Видишь? — Он показал Сиверу прибор.

— Что ж удивительного, если он нагружен трансуранами по самую завязку. Но теперь потрясешь, я вижу, ты меня, а не наоборот.

— Ну, — проворчал Брег, — я-то узнал это не из книг. Вот и пришли.

Они остановились возле небольшой, наглухо закрытой двери, ведущей в помещения станции, вырубленные в скале.

— Я зайду расположусь, — сказал Сивер, — а ты принеси остальное. — После паузы он, спохватившись, прибавил: — Если тебе не трудно, конечно.

— Нет, — ответил Брег, — чего ж здесь трудного.

#### 4

Обширная комната — каюткомпания станции была освещена тускло, и поэтому углы ее казались не прямыми, а острыми, глубоко уходящими в скалу. Автоматы, как им и полагалось, сэкономили энергию. Сивер поискал взглядом выключателя, затем хозяйским движением включил большие светильники и огляделся.

Трое с рудовоза сидели в конце длинного стола. Перед ними стояли алюминиевые бокалы с солонинками. Примитивная посуда заставила Сивера чуть ли не расстрогаться, словно он попал в музей или в лавку древностей. Возле стойки автомат-бармен, гудя и звякая, сбивал еще какую-то смесь. Автомат не внушал доверия. Сивер перевел взгляд на сидевших за столом и внутренне усмехнулся: трудно было бы придумать людей, более соответствующих своему кораблю. Трое были одеты кое-как, об установленной форме не приходило и думать. Один из них спал, опустив голову на брошенные на стол кулаки, другие двое разговаривали вполголоса.

— Этот шелкунчик сидел не там, а километром дальше, — говорил сидевший третьим от Сиве-

ра, — а они, наверное, увидели вспышки. Так что тут в любом случае был крест. Кто знал только?

— Они пе-еретяжелились и ползли на брюхе, — яростно сказал другой, — вот в чем причина.

От яркого света он зажмурился, потом повернулся и внимательно осмотрел Сивера. Сивер подмигнул и кивнул на спящего.

— Готов?

— Не-ет, — медленно, как бы задумчиво сказал обернувшийся. — Он просто устал.

Слова, выходя из его уст, смешно растягивались, и Сивер едва удержался, чтобы не фыркнуть.

— Вы изда-лека?

— Да с Земли, — небрежно ответил Сивер. — Только сели.

— Да-авно оттуда?

— Три недели.

— Ну что там, на Зе-емле?

— Все нормально, — сказал Сивер. — Земля есть Земля. Самая последняя новость: «Синяя птица» возвращается.

Заика кивнул.

— Их успели похоронить, — сказал Сивер, растолковывая, — а они возвращаются! «Синяя птица». Звездолет, который ушел к лиганту — помните, лилипут-гигант, то ли звезда-лилипут, то ли планета-гигант, — лигант, разысканный гравиастрономами на полпути к системе Альфа Центавра! — Он повышал голос, досадуя на равнодушие, с каким была встречена новость. — Первый звездолет, ушедший к ней, так и пропал. Думали, что и «Птица»...

— Зна-ачит, рано, — сказал заика. — Рано думали. Ну что, нашли они этот лигант?

— Ладно, — сказал сидевший третьим.

— Да уж наверное, — раздраженно проговорил Сивер. — И надо полагать, покружились около него достаточно, пока все не разведали. Иначе с чего бы им опаздывать на целый год?

— Это поня-атно, — сказал заика. — Только с облета немного увидишь, особенно че-рез инфравизоры. Им следовало сесть.

— Ладно, — опять проговорил третий.

— Первый корабль именно оттого и не вернулся, — наставительно сказал Сивер, — что решил сесть. Они сообщили на Землю о своем решении при помощи ракеты-почтальона. Больше о них ничего не известно. Так что «Птица» не могла сесть.

— Ра-азве «Птица» не сообщала на Землю, каковы результаты?

— Их первые сообщения разобрали кое-как, процентов на тридцать. Большие помехи, — разъяснил Сивер. — Для хорошей передачи им надо бы иметь корабль вроде моего: летающий усилитель. Едва хватает места для двух человек, остальное — электроника и энергетика. У них таких устройств не было. Наверное, в последнее время они передавали что-то...

— На-аверное передавали, — согласился заика и, держа соломинку между пальцами, принялся сосать из бокала.

— Пока мы поняли, что они возвращаются. И что-то насчет трех человек; надо полагать, — Сивер приглушил голос, — эти трое погибли. А всего их было одиннадцать.

Заика поднял глаза на Сивера, но третий предупредил его.

— Ладно, — сказал он еще раз. — А я ни-ичего, — пробормотал заика. — Просто я та-ак и думал. Не так плохо. Все-таки значительная часть дошла.

— Правильно, — кивнул Сивер. — Трое героев погибли, но остальные восемь человек возвращаются, и вы сами понимаете, Земля собирается принять их как надо. По сути, встреча начнется здесь. Для этого я и прилетел.

— Это хорошо придумано, — сказал третий. — А кто прилетел? Много?

— Я и пилот; думаю, хватит. Но перейдем к делу. Как я понимаю, это ваша машина? — Он кивнул куда-то вбок.

— По-охоже на то, — сказал заика.

— Серьезный ремонт?

— Да нет. Ни-ичего особенного.

— Значит, скоро уйдете.

Это был не вопрос, а утверждение.

— Хотели сутки отдохнуть, — сказал третий; в голосе его было сомнение.

Сивер доброжелательно улыбнулся. Размашистым движением отодвинув стул, он уселся у противоположного конца стола.

— Сутки, — весело сказал он. — А раньше?

— Ра-аньше? — спросил заика, выпуская соломинку.

— Скажем, через полсутки. Полировку вы закончите, а по вашим отсекам инспектор лазить не станет. — Он подмигнул и засмеялся, давая понять, что маленькие хитрости транспортников ему известны и он в принципе ничего против них не имеет. После паузы прозвучал вопрос:

— Мы меша-аем?

Сивер улыбнулся еще шире.

— Так получается. «Синяя птица» остановится здесь на денек другой — так сказать, побриться и начистить ботинки до блеска, прежде чем прибыть на старушку. Понимаете? Возвращаются герои, которые уже давно-давно не видели родных краев.

— Ну да, — сказал третий. — А мы мешаем.

— Да вы поймите, старики, — сказал Сивер. — Они герои. Я понимаю, вы, может быть, не меньше герои в своем деле. Только разница все же есть. А вы растопырились так, что «Птице» и сесть некуда. Представляете, какой там кораблина? И потом, ну, честно говоря, посмотрят они на ваше чудо. Вот, значит, чем встретит их благодарное человечество: ржавым сундуком с экипажем, одетым не по форме. А ведь я тут специально для того, чтобы вести прямую передачу на Землю. Репортаж. И вы, правду говоря, как-то в репортаж не вписываетесь. Еще раз прошу — не обижайтесь, старики, у каждого свое дело, и не надо усложнять задачу другим.

Двое внимательно слушали его, а один все так же спал за столом, пряча лицо в руках. Потом третий сказал:

— Значит, большой корабль.

— А вы что, — спросил Сивер, — никогда не видали?

— А вы?

— Ну, когда они стартовали, я еще учился... Но у меня есть фотография, наша, архивная, ракурс только не совсем удачный. — Он вытащил фотографию из кармана и протянул, заика взял ее, посмотрел и сказал: «Да», — и передал третьему, и тот тоже посмотрел и тоже сказал:

— Да. Значит, мы мешаем?

— И еще, — сказал Сивер. — Их восемь человек. Восемь человек в составе экипажа. А тут, на станции, всего десять комнат. Их восемь, я и мой пилот.

— А кто пилот?

— Брег, — сказал Сивер. — Пожилой уже.

— Встреча-ал?

— Нет, — сказал третий. — Может, слышал. Не помню. Значит, вас двое. А родные что же, друзья?

— Я же вам объясняю: настоящая встреча состоится на Земле. Там их и будут ждать все. А мое дело — передать репортаж.

— Ну что же, — сказал третий, глядя на занку, — мы, пожалуй, и впрямь поторопимся.

— Ты все-егда торопишься... — начал заика.

— Так что же решили? — спросил Сивер.

— Ладно, — сказал третий. — Попытаемся уложиться в ваши сроки. Раз уж так повернулось...

— Правильно, старики, — сказал Сивер. — Там отоспитесь. Хотя коллега ваш, я вижу, и тут не теряет времени. — Он кивнул на спящего. — Как его зовут?

Он задал вопрос не случайно: не принято было интересоваться фамилиями людей, которые не сочли нужным назвать себя, но спящий представиться не мог, и спросить о нем казалось естественным.

— Его? Край, — помедлив, ответил третий. Он произнес это негромко, чтобы спящий не проснулся, услышав свое имя, как это бывает с людьми, привыкшими к срочным пробуждениям.

— Край, — повторил Сивер, запечатлев имя в памяти и одновременно проверяя ее; нет, такого человека не было в числе одиннадцати, составлявших экипаж «Синей птицы» в момент старта. — Ну, значит, договорились?

— Мешать мы не хотим, — сказал третий. Считая разговор законченным, он взглянул на часы, замечая время, от которого теперь следовало вести отчет. — Кстати, — сказал он заике и, порыщавшись в кармане, вытащил корбочку с таблетками, дал одну заике, вторую проглотил сам.

— Спорамин? — сочувственно спросил Сивер.

— Антирад, — неохотно ответил третий. — Машина слегка излучает.

Сивер кивнул, думая о том, что в трюме «Ладоги» стоит несколько коробок с медикаментами и среди них одна с антирадом. Несколько секунд он колебался.

— У вас много?

— Вам нужно?

— Вообще-то фон здесь действительно несколько повышен...

Третий, не удивляясь, кивнул и протянул Сиверу таблетку. Сивер проглотил ее и с облегчением подумал, что люди с «Синей птицы» получают свои лекарства в целостности и сохранности.

— Береженный уберется, — сказал третий. Он поднялся в странно замедленном темпе, вышел из-за стола и подошел к стене, на которой был намалеван стандартный земной пейзаж.

— Ничего, а? — сказал он и взглянул на Сивера, словно ожидая подтверждения. Пейзаж был тошнотворен, но Сивер кивнул: он

был доволен тем, что разговор с извозчиками прошел без осложнений. Третий засмеялся, рот его оказался очень большим, растянулся от уха до уха, а взгляд веселым и пристальным. Сивер заметил это с удивлением: до последнего мига люди эти казались ему очень похожими друг на друга, быть может, потому, что главное внимание привлекали не их лица, а необычно потрепанная одежда. Поняв это, Сивер почувствовал легкое недовольство собой, но в это время прозвучал звонок, означавший, что кто-то входит в станцию, и, поскольку это мог быть только Брег с камерами, Сивер поднялся и вышел в коридор.

Брег уже успел внести камеры и теперь стоял, откинув забрало шлема и успокаивая дыхание. Сивер осмотрел камеры и убедился, что они в порядке. Потом кивнул пилоту.

— Раздевайся, поужинаем.

— Нет, — сказал Брег. — Хочу сначала наладить автомат. Не могу отдышаться, пока на корабле что-то не в норме.

— Ну что же, это правильно, — сказал Сивер, подумав. — Наладишь, приходи.

— Само собой. Что за ребята? Сивер пожал плечами.

— Ничего интересного.

— Не герои, — усмехнулся Брег.

Сивер нахмурился.

— Определенно. Ты зря смеешься. Я было тоже подумал... Нет, просто труженики космоса. Я часто думаю об этом. Должно же все-таки быть что-то, что поможет различить героев с первого взгляда. Люди совершили подвиг — и у них особенный блеск в глазах, и такое учащенное дыхание, когда они начинают понимать всю величину того, что только что совершено ими. И вот человек становится другим...

— Теория, — сказал Брег. — Все потрясаешь?

— Брось, милый, — сказал Си-

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО



вер, — логика! Да и корабль — типичный рудовоз. «Синяя птица» куда длиннее. Кстати, на фотонной тяге, это сказано во всех справочниках. А этот? У него и рефлектора-то нет.

Он проводил Брега и вернулся в кают-компанию. Двое снова сидели за столом, спящий шумно дышал. Сивер заказал ужин, взял тарелки и уселся.

— Где это вы так заездили машину? — спросил он.

— А что, заметно? — хмуро поинтересовался заика, даже не растягивая слов.

— Да ладно, — сказал больше-ротый. Заика встал. Он сделал это неожиданно порывисто, так

что стул отлетел и бокалы на столе звякнули; он взглянул на больше-ротого, развел руками и смущенно засмеялся. Заика оказался неожиданно большого роста, длинноногий. Подойдя к автомату-бармену, он выцедил смесь в стаканы, поставил их на стол и слегка тронул спящего за плечо.

— Про-оспишь все на свете.

— Пускай спит, — сказал больше-ротый. — Ему хватило. Успеем.

— Ну пусть, — согласился заика и, не садясь, отхлебнул из стакана. Соломинку он вынул.

Сивер поморщился: ко всему, брюки были чересчур коротки долговязому, а застежка одного из карманов кургузой куртки болта-

лась, полуоторванная. Сивер не любил нерях.

Заика, должно быть, почувствовал его взгляд: он оглянулся на Сивера и сказал, чуть улыбаясь:

— Не по фо-орме, да. Но мы успеем переодеться.

Сивер пожал плечами. Заика поставил полупустой стакан, подошел к стене с пейзажем, завозился, нащупывая кнопки. Найдя, он нерешительно толкнул пальцем одну из них. В желобе, тонко журча, заструилась вода. Скрытая подсветка делала ее золотистой и теплой. Заика уселся на пол и снял башмаки. Сивер зажевал быстро-быстро, чтобы не расхо-



таться. Заика опустил босые ступни в воду.

— Ух т-ты, — сказал он.

— Вода, — пробормотал большеротый, отпивая из стакана.

Заика вскопчил. Оставляя мокрые следы, он побегал к столу и взял стакан. Усевшись и вновь свесив ноги, поднес стакан к губам.

— Со-овсем другое дело, — сказал он.

Сивер отодвинул тарелку.

— Пожалуй, пора, — проговорил он задумчиво. Спустив тарелку в щель мойки, он прошел вдоль стен кают-компании, ища стеной контакт. Найдя его в углу, он вынул из сумки вольтметр и замерил напряжение.

— Вот еще новости, — пробормотал он.

— Тока нет? — сочувственно поинтересовался большеротый.

— Здесь двадцать вольт, а мне нужно двести.

— А на автоматических все сети низковольтные.

— Это я вижу, — проворчал Сивер. Он постоял около стены, раздумывая. — Ничего не поделаешь, придется тянуть силовой кабель от корабля. Хорошо, что есть резерв времени.

— Ду-умаете? — спросил заика, не оборачиваясь.

— Они придут не раньше чем через сутки.

— Они о-обещали?

— Да ладно тебе, — сказал большеротый, сердясь.

— В пределах Системы, — сказал Сивер голосом лектора, — они вынуждены будут убавить скорость: концентрация свободного водорода здесь куда больше, чем в открытом пространстве.

— Это спра-аведливо, — согласился заика.

Сивер подошел к столу, взял камеру и походил по каюте, прицеливаясь.

— Передача будет что надо, — сказал он. — Земля таких и не видывала.

— Мы еще не мешаем? — спросил большеротый. Чувствовалось, что он борется со сном.

— Еще нет, — сказал Сивер. — Мало света. Включите, пожалуйста, настенные. Так. Пожалуй, подойдет. Вы не могли бы встать сюда? Я примерюсь.

— Это для кино? — спросил большеротый нерешительно.

— Теле. Попозируйте немного Ну, представьте, что вы — командир «Синей птицы».

— Трудно. — сказал большеро-

тый, улыбаясь и окидывая Сивера тем же внимательным взглядом.

— Да нет, — с досадой сказал Сивер. — Очень легко. Семь с половиной лет вы были в полете. Теперь возвращаетесь. Могучие парни на великолепном, все перенесшем корабле...

— Попозируй, мо-огучий парень, — сказал заика. — Что тебе стоит?

Сивер строго поглядел в его спину.

— А вы не иронизируйте, — посоветовал он. — Итак, преодолено много препятствий, совершены подвиги, и теперь, когда у вас все в порядке...

— Стартовые не в порядке, — сказал заика, не оборачиваясь преждем. — Бо-ольшой разброс.

— Это ведь не о вас... Хотя, предположим, что стартовые немного не в порядке, это даже интереснее. Видите, у вас фантазия работает. Но вы их, конечно, уже исправили, прямо в пространстве, совершили еще один подвиг. Говорите об этом. Мне нужно видеть, как это будет выглядеть, надо выбрать лучшие точки, откуда можно передавать. Итак, вы — капитан...

Большеротый покачал головой.

— Боюсь, не получится.

— Слу-ушай, — сказал заика; на этот раз он повернулся. — А ты представь, что ты — ко-пилот.

— Или ко-пилот, — сказал Сивер. — Все равно.

— Да нет, — сказал большеротый грустно. — Я лучше не буду. Сивер вздохнул.

— М-да, — проговорил он выразительно, но все же взял себя в руки. — А ведь они заслужили, чтобы вы немного постарались.

— Могучие парни, — пробормотал заика. — Со-овершавшие подвиги. Легенда.

Сивер недружелюбно взглянул на него.

— Это факты, — сказал он.

— Плюс вы-ымыслы, — проговорил заика, шевеля ногами в воде. — Плюс домыслы. Все берется в скобки и возводится в ква-адрат... Умирая, кто-то сказал что-то. А как он мог сказать, если...

— Прошу, — четко произнес Сивер, — не оскорблять память погибших!

Спящий поднял голову, просыпаясь.

— Кто? — спросил он.

— Нет, — сказал большеротый, — отдыхай, спи. Все в порядке.

— Ага, — пробормотал проснувшийся. — Мы где сейчас? — Он пошарил рукой рядом со стулом. — Где?

— На станции. На вот.

Большеротый вложил стакан в пальцы проснувшегося.

— Выпей.

— Тут красиво?

— Кра-асиво, — отозвался заика у ручья.

— Ага, — сказал проснувшийся. — И ты здесь. — Он выпил. — Ах, хорошо, — сказал он. — Отлично. — Он повернул голову к Сиверу, и Сивер понял, что человек этот еще не проснулся по-настоящему: веки его были плотно сомкнуты, очень плотно, как если бы человек боялся, что даже малейший лучик света просочится сквозь них и коснется глаз. Человек повел рукой с опустевшим стаканом, нащупывая стол, и по привычке этого движения Сивер вдруг понял, что под этими веками вообще нет глаз, есть лишь пустые глазницы, предназначенные природой для того, чтобы в них были глаза, но глаз не было, и веки были сморщены и опали. Сивер нечаянно сказал:

— Ой...

— Здесь есть еще кто-то? — спросил слепой.

— С Земли, — сказал большеротый.

— Ага, — пробормотал слепой. — Ну да, станция. Отлично. — Спи дальше.

— По-огоди, — сказал заика. — Нам надо сняться часов через десять. Иначе мы помешаем.

— Кому?

— Тут готовится встреча героям, могучим парням. С великой помпой. Прямая передача на Землю. Двое: репортер и пилот.

— Неудобно, — медленно сказал слепой.

— Ка-апитан будет произносить речь, — сказал заика. — Представляешь?

— Нет, — сказал слепой после паузы. Потом тряхнул головой и потянулся. — А я выспался, — сказал он весело.

— Третья и четвертая магнитные линзы совсем никуда, — пробормотал заика.

— А мы без стартовых, — решительно сказал слепой. — Оттолкнемся маршевым, и все. Нет, это безопасно.

— Пожа-алуй, да.

— Ну, общий подъем, по-видимому? — проговорил большеротый.

— Раз так - общий подъем, —

сказал заика и стал натягивать носки.

— Ты вытри, — сказал больше-ротый. — На.

Он кинул смятый платок.

— А земляне нам не помогут? — спросил слепой, поворачивая лицо к Сиверу.

— Нам еще надо установить большие камеры на космодроме, — почти виновато сказал Сивер, — и прожекторы. — Иначе мы не сможем передать момент посадки. А нас только двое.

— Зря вы родных не привезли, — сказал слепой, проводя руками по одежде.

— Собирались по тревоге. А у них, сами понимаете, постоянно медвизы в космос нет. И конечно, здоровье небогатое после всего.

— Ну, поня-атно, — сказал заика. — Пошли.

— Погоди, — сказал больше-ротый, кивнув на Сивера. — А может, они нам отсюда помогут связаться?

— Пренебрежем, — сказал слепой. — Отсюда мы и сами.

— Нет, — сказал Сивер, — если мы можем чем-то помочь, не нарушая своих планов...

— Спа-асибо, — сказал заика. — Не надо.

Они вышли, держа ладони на плечах слепого, направляя его. Было слышно, как в гардеробной они открывают шкафчики и натягивают скафандры: гладкая пластическая ткань омерзительно свистела, и звякал металл.

— Это вас на руднике так? — запоздало крикнул Сивер вдогонку, но они уже надели шлемы и не услышали его. Тогда Сивер подошел к бармену и налил себе. Это был коктейль из фруктовых соков, обычный и не очень вкусный. Сивер пожал плечами.

6

Брег открыл ремонтный люк, вывел через него кабель. Вышел сам; они потянули кабель к станции. Черная, гладкая змея медленно извивалась между осколками камня. Брег, нагибаясь, тащил конец. Сивер подтягивал кабель к себе, чтобы облегчить труд пилота. В сероватом свете небольшого, но яркого Сатурна кабель отбрасывал тень, и тень эта, ползущая по камням, тоже казалась живым существом. Они дотащили конец кабеля до входа в станцию. Самое сложное осталось позади, подумал было Сивер, но Брег покачал головой: следовало еще каким-то образом ввести кабель внутрь, преодолев герметические двери и

избегав утечки воздуха из помещений, где запас его был ограничен. Пришлось идти на корабль за инструментами.

На обратном пути Сивер остановился и спросил:

— А ты подключил кабель?

Брег ответил:

— Ясно, а то чем бы мы вертели инструменты? — Он помахал плоским ящиком, взятым на корабле.

— Хорошо, а то я забыл, — признался Сивер.

Брег промолчал.

Они долго возились около станции, пытаясь пробить узкий канал под дверью. Электроэрозионный бур рассыпал фонтаны голубых искр, трансформатор калился на пределе, но вязкая порода поддавалась неохотно.

— Так мы провозимся до завтра, — проворчал Сивер. — Неужели нельзя придумать чего-нибудь?

— Здесь подошла бы обычная дрель. Со спиральным сверлом.

— Что ж ты не взял?

— Взял. Только сверл такого диаметра у нас нет. У нас ведь набор для внутренних работ.

— Грустно, — сказал Сивер.

Брег приложил ладонь к трансформатору, чтобы услышать его гудение, и, не колеблясь, выключил ток.

— Что будем делать? — спросил Сивер.

— Погоди, — сказал Брег. — А у этих нет такого сверла? У них как раз может оказаться.

— Светлая мысль, — согласился Сивер. — Может ты сходишь на их баржу?

— Сходи уж ты, — сказал Брег. — Я с ними незнаком.

Сивер разогнулся, покряхтывая.

— Старость не радость, — сказал он. — Дай какое-нибудь.

Порывшись в сумке, Брег вытащил плохо гнущимися в перчатках пальцами маленькое спиральное сверло и протянул Сиверу. Зажав сверло в ладони, Сивер отправился к рудовозу.

Сатурн стоял уже почти в зените. Под его лучами холодно отблескивали грани скал. Обогнув высокую глыбу, Сивер увидел старый корабль; вернее, верхнюю половину его, которая, казалось, висела в пустоте, ни на что не опираясь. Сивер замер на миг, изумившись, потом умехнулся. Все оказалось на месте; трудолюбивый автомат-полировщик, описывая виток за витком, успел пройтись уже половину корпуса, и очищенная и отполированная часть

обшивки голубовато светилась, отражая лучи, а нижняя, рыхловатая на поверхности и густо закопченная, поглощала свет и терялась в темноте. Вблизи она все же становилась видной, и можно было окинуть взглядом весь корпус корабля, нелепый и впрямь напоминающий старинный конический артиллерийский снаряд. Амортизаторы, числом шесть, все так же нависали над окружающими камнями, словно стрелы подъемных кранов. Подойдя совсем близко, Сивер поискал глазами название корабля — ему положено было находиться над люком, но эта часть еще была покрыта нагаром, и разглядеть ничего не удалось. Сивер, поднышавшись, постучал в крышку люка торцом сверла, но кора, в которую превратился верхний слой обшивки, глушила звук. Удивляясь про себя тому, как такой, давно уже созревший для переплавки корабль ухитряется еще проходить через контроль сверхбдительного космического патруля, Сивер несколькими скользкими ударами сбил корку нагара и постучал вновь.

Ждать пришлось долго; очевидно, люди были далеко, да к тому же требовалось время, чтобы один из них мог облачиться в скафандр. Наконец люк медленно распахнулся; на этой старой машине — а кораблю было, наверняка больше десяти лет, век же космических машин не длиннее собачьего — люк не откидывался, образуя площадку, и не расходился створками в стороны, а отодвигался назад, влекомый сгибающимися в шарнирах рычагами. Когда-то такие конструкции существовали, и если напрячь память, можно было, пожалуй, даже вспомнить, когда именно и на каких кораблях. Но Сиверу сейчас было не до того, да и воспоминания были ни к чему: он был не на свободной охоте, у него было конкретное задание, и очень важное к тому же, а искусством не отвлекаться он овладел.

На фоне отступившей крышки люка показался человек в скафандре; судя по габаритам, это был долговязый заика. Вытянув левую руку, согнутую в кисти, он указательным пальцем правой постучал по окошку на запястье, где виднелись часы, и затем погрозил этим пальцем, показывая, очевидно, что условленный срок не кончился. Сивер тоже показал свои часы, затем несколько раз провел над ними ладонью, как бы

говоря, что время сейчас не имеет значения и что он пришел не для этого. Он протянул свое маленькое сверло и двумя пальцами обозначил требуемый диаметр, плюс-минус пять миллиметров. Долговязый помедлил, затем, наверное, сообразил. Он осторожно взял сверло, затем сделал движение, приглашавшее зайти в тамбур. Сивер решил было переступить порог, но взглянул на свой дозиметр и отказался от этой мысли: фон в корабле был наверняка выше, чем вне его, но и так он был достаточно велик, чтобы заставить считаться с собой. Сивер отрицательно поводит рукой, обратив ее ладонью к долговязому; тот сразу понял, отступил, и пластина люка выдвинулась, закрывая вход.

Ждать пришлось минут пятнадцать, пока люк вновь открылся. Долговязый, появившись на пороге, подождал, когда Сивер поднялся к люку, и протянул корреспонденту маленькое сверло и еще одно — такое, какое было нужно. Сивер благодарно прижал руку к груди, долговязый поклонился в ответ; луч света от маленькой лампочки, освещавшей порог и верхнюю ступеньку трапа при открытом люке, упал на верхнюю часть шлема, старомодного, почти шарообразного, и осветил полустершееся слово — от него остались лишь буквы «СОЛ...». Сивер знал, что на его собственном шлеме, под фарой, золотом было написано слово «Ладога» — название корабля; так что рудовоз именовался, вернее всего, «Солнце» или еще как-нибудь в этом роде. Хорошо еще, что не «Галактика» — в старину обожали даже небольшим кораблям давать звучные имена. Сивер еще раз помахал рукой и двинулся в обратный путь, а долговязый немного постоял на пороге люка, глядя корреспонденту вслед.

Теперь работа пошла быстрее, несмотря на то, что сверло оказалось изрядно затупленным. Через час канал под дверь станции был высверлен и кабель протянут. Все щели тщательно запломбированы. Сивер облегченно вздохнул и вытер пот.

— Заработали по коктейлю.

— Не откажусь, — согласился Брег.

— Принеси. Вообще-то, наверное, придется мобилизовать ресурсы «Ладоги», звездолетчики вряд ли станут утолять жажду тем, что пили эти трое с «Солнца».

— Почему с «Солнца»?

— Похоже, так называется их сундук. — Сивер принялсь разбираться в многочисленных жилах кабеля. Он подключил пульт дистанционного управления телекамерами, монитор и сами камеры и принялся уже подключать дистанционный пульт радиостанции «Ладоги», когда Брег вынес стаканы со смесью соков.

— Долгонько, — сказал Сивер, беря стакан.

— Вспоминал, — сказал Брег. — Но такого названия никак не разыщу в памяти. «Солнце» — нет, не помню.

— И все-таки «Солнце». Так написано. Гаснущее солнце... Еще стучать в борт — опасался что сверло пройдет насквозь. — Он допил и вытер губы. — Правда, там, где прошел полировщик, металл начинает блестеть. Так что, по-видимому, на сей раз они дойдут до «Титана» благополучно, а в следующий рейс, я убежден, сюрвейер их не выпустит. — Сивер осматривал штекер фидера, предназначенного для питания пульта радиостанции. — Немного болтается. Я сейчас укреплю его, а ты отдыхай, потому что придется еще устанавливать камеры снаружи. Или лучше установи камеры, а потом отдыхай. — Сивер быстро действовал отверткой. — Ты ведь умеешь?

— Со Сказом я полетал немало, — проворчал Брег и снова взялся за работу. Брег захватил две камеры и скрылся в тамбуре. Сивер заизолировал соединение и минуту постоял, наблюдая, как мягкая лента схватывается и образует твердый футляр. Затем он подключил телепульт радиостанции и в последнюю очередь присоединил монитор к питанию и к антенному кабелю. — Теперь порядок, — сказал он сам себе, потер руки и включил монитор. Брег успел уже установить камеры и теперь появился в гардеробной и откинул шлем.

— Погоди, — сказал Сивер, — первая не совсем хорошо стоит, ты бы перенес ее поближе к центру.

— Опасно, — сказал Брег, — этот будет стартовать, он уже весь блестит. Странный металл...

Сивер ответил:

— Ничего, какие у него могут быть двигатели? Зато, когда сядет «Птица», мы ее дадим снизу, а их предупредим по радио, чтобы не очень газовали.

— Ну, как знаешь, — сказал Брег и вышел, не выражая ни

малейшего неудовольствия. Сивер включил при помощи телепульта вторую камеру и, пока Брег переносил первую, проверил поворотный механизм и трансфокатор. Все работало отлично. Брег снова появился в станции.

— Вот теперь отдыхай, — сказал Сивер.

— Если я не нужен, — сказал Брег, — я лучше пойду, доделаю свой автомат.

— Погоди, — сказал Сивер, — сейчас испробуем радиостанцию, тогда пойдешь. Возьми еще коктейль и захвати для меня заодно.

Он включил радиостанцию «Ладоги». Механизмы сработали, неясный шум наполнил помещение. Сивер медленно шарил в эфире, в районе той частоты, на которой работал передатчик «Синей птицы».

— Сейчас попробуем, — сказал он, — и вызовем Землю, сообщим, что у нас полный порядок. — Он смотрел на стрелку индикатора настройки, она покачивалась вправо-влево. Внезапно Сивер вздрогнул: из помех вырвалось слово, оно было громким, но хриплым и трудно различимым. — «Расстояние...» — едва слышно повторил Сивер. Снова слышался лишь громкий шорох, но Сивер уже включил автоподстройку. «Произведем посадку», — так же хрипло сказал репродуктор. «Квintанции не жду, отключаюсь, сеанс через два часа, привет вам, Земля, милые, стоп». Шорох в динамике опал.

Брег подбежал, расплескивая жидкость из стаканов; Сивер посмотрел на него счастливыми глазами и тихо проговорил:

— Это они.

— Где-то очень близко?

— Наверное, будут часа через два. Как стремятся! Я думаю, следующий сеанс они хотя бы проведут отсюда. Но вместо них это сделаем мы! — Сивер затоптался, будто хотел тотчас же бежать куда-то... — А эти еще тут? Ну-ка, взглянем...

Он снова включил монитор, направил камеры на рудовоз. Обшивка корабля была чиста, люк закрыт. Полукруглая решетка антенны медленно поворачивалась наверху. Зажглись навигационные огни, затем разом погасли, загорелись снова и теперь уже не выключались.

— Смотри, — сказал Сивер, — кажется, уходят. Наверное, тоже приняли эту передачу и поняли.

на стр. 62 ►



# ККК- СТО ОДИН ГОД ПРОТИВ ЧЕЛОВЕКА



В. БОЛЬШАКОВ  
М. БЕЛЕНЬКИЙ

День был такой солнечный и ярко-голубой, что в само существование злобы и ненависти не хотелось верить никому из тех, кто шел вдоль шоссе из Селмы в Монтгомери. Они шли, как паломники когда-то, и силу для длинного пути давала им вера в простые вещи: человеческий разум и человеческую справедливость. Они пели религиозные псалмы и старые негритянские спиричуэлс. Черные песни и белые. Они шли вместе — в одной колонне, потому что они одинаково ненавидели расизм и одинаково верили, что вот так, просто проходя по дорогам Алабамы, где черный обычно не рискует даже подойти к белому, они тем самым покажут всем, что расовая ненависть отжила свой век и пора забыть ее, забыть навек.

Мартин Лютер Кинг в своей знаменитой черной рясе шел тогда во главе этого знаменитого

похода из Селмы в столицу Алабамы. «Идите вместе, братья, — говорил он своим попутчикам, — идите вместе, и не устанете, и придете в землю обетованную». Когда они вышли из Селмы, их было всего 300 человек, а потом, уже в Монтгомери, их было двадцать пять тысяч. Они собрались у губернаторского дворца и прочитали вслух свою петицию супер-расисту губернатору Уоллесу. Уоллес не вышел к ним. Он смотрел на толпу из своей комнаты в бинокль — в бинокль каждое лицо становилось ближе: профиль, фас, будто фотографии в карточке полицейского участка. Толпа вскоре разошлась, потому что дело было сделано. День был все такой же яркий и солнечный.

Вместе с другими возвращались домой на своей машине и Виола Луиззо, которая приехала в Селму из Детройта, потому что «ну просто не могла в такой момент остаться в стороне и сидеть дома». Домой она так и не вернулась.

Вот как рассказывал об этом впоследствии на суде главный свидетель обвинения Генри Роу, который более пяти лет был агентом ФБР в Ку-клукс-клане.

«В тот день я вместе с Уилкинсом, Томасом и Итоном развезжал в машине по Селме. Вел машину Томас, рядом с ним был Итон. Я сидел слева на заднем сиденье, а Уилкинс — справа. Наконец мы остановились у светофора. Слева от нас остановилась еще одна машина. В ней сидели белая женщина и цветной мужчина.

Уилкинс сказал:

— Посмотри-на туда, браток, черт поберит, посмотри-на туда!

— Давайте проучим их! — заявил Томас.

А Итон сказал:

— Интересно, куда они направляются?

Когда дали зеленый свет, Виола Луиззо поехала дальше, и четверо последовали за ней. В пути уже Томас пошарил рукой под сиденьем, вытащил револьвер и сказал:

— Приготовьте оружие, братья! Я уже достал свою машинку».

По его собственным словам, Роу пытался уговорить Томаса повернуть назад. Но Томас настаивал:

— Нет, мы доберемся сегодня до этого автомобиля.

В это время обе машины шли на скорости 95—100 миль в час.

— Нажмем, ребятки! — сказал Томас.

Томас передал свой револьвер Уилкинсу и стал догонять машину Луиззо. Когда мы почти поравнялись с нею, Уилкинс сказал:

— Прибавь-ка газу.

Томас прибавил газу, и мы оказались рядом с водителем. Уилкинс высунул из окна руку. Мы увидели, что правившая автомобилем женщина повернулась и смотрела прямо на нас. В этот момент Уилкинс выстрелил в нее два раза через окно.

— А ну, ребята, поддайте огоньку! — крикнул Томас, и все мы начали стрелять».

Роу утверждал, что он только притворялся, будто стреляет из своего револьвера, но «Уилкинс и Итон разрядили свои револьверы в направлении рядом шедшего автомобиля». Они обогнали автомобиль, и Роу увидел, что он продолжает двигаться по дороге. «Я сказал:

— Эта машина преследует нас. Мне кажется, вы промахнулись».

— Я никогда не промахиваюсь, братишка, — ответил Уилкинс. — Эта сволочь мертва и уже жарится в аду».

...Ночью в Детройте, в квартире Луиззо, раздался звонок, и ее мужу Антони сообщили, что Виолы нет в живых, она убита. Антони всю ночь не спал и, едва дождав-шись утра, позвонил в Белый дом президенту Джонсону.

— Может быть, я чем-нибудь могу помочь вам? — спросил телефонист.

— Нет. Вы не можете, — ответил Антони. — Поймите, мою жену убили в Монтгомери. Я поговорю с президентом всего одну минуту. Поймите, это очень важно.

Антони Луиззо не дозвонился до президента. А вечером после того как полиция арестовала Уилкинса, Томаса и Роу по подозрению в убийстве Виолы — все они были членами Ку-клукс-клана, — президент выступил по телевидению. Он сказал, что Виолу Луиззо «убили враги справедливости, которые десятилетиями использовали веревку и ружья, смолу и перья для того, чтобы терроризовать своих соседей». Джонсон обещал начать широкую войну против Ку-клукс-клана. И первым намеченным им ударом должен был стать закон, запрещающий само существование клана. «Говорю вам, убирайтесь, пока не поздно» — грозно воскликнул тогда президент.

Прошло три года. И комиссия по расследованию антиамериканской деятельности собрала пухлые тома о деятельности Ку-клукс-клана. И наконец, в 1967 году признала, что деятельность эта не подходит под разряд «антиамериканской».

Подобного одобрения только и ждали расисты, выступающие всегда как ура-патриоты.

Также среди бела дня, 4 апреля нынешнего года — это произошло на глазах у всех собравшихся. В Мемфисе накануне национальные гвардейцы стреляли по демонстрации негров. А Мартину Лютеру Кингу, возглавившему ее, звонили в отель какие-то типы и говорили спокойно, как о погоде: «Убирайся отсюда, мы тебя прикончим! Это не угроза, это предупреждение». Кингу во впервой было слышать такие предупреж-

дения и угрозы. На него совершали покушение пятнадцать раз до этого, и он знал, что Ку-клукс-клан занес его первым номером в самый свой черный список. Кинг стоял на балконе гостиницы всего три минуты и разговаривал со своими помощниками. И вдруг упал, обливаясь кровью. А потом умер через час, не придя в сознание. Убийца же сел в автомобиль и скрылся.

ФБР объявило убийцей пастора Кинга некоего Джемса Рейя, незадолго до преступления отбывавшего в тюрьме двадцатилетний срок за вооруженный грабеж. Один из заключенных показал: Рей узнал от только что посаженного в тюрьму новичка, что ассоциация бизнесменов, связанная с Ку-клукс-кланом, предлагает вознаграждение в миллион долларов за голову Кинга. «Если я выберусь отсюда, — во всеуслышание заявил Рей, — я получу эти денежки». Через какое-то время Рей исчез из тюрьмы.

...Расовый террор в Америке пустил глубокие корни и тянет свою историю сквозь века.

Ку-клукс-клан получил свое имя сто один год назад.

Случилось это вскоре после окончания гражданской войны Севера и Юга, в таверне захолустного городка Пуласки, штат Теннесси. Собравшиеся там офицеры армии конфедератов основали тайное общество ревнителей расовой чистоты.

Идея была не нова. Еще задолго до гражданской войны на Юге среди плантаторов процветали расистские общества. Одно из них «Рыцари Золотого круга» — зверски преследовало лиц, увлеченных либеральными идеями, шедшими с Севера.

Поначалу действия бывших вояк-конфедератов были просто актами срываемой злобы. Войска северян оккупировали Юг, и прямое военное выступление было невозможно.

Но силы, сразу же поддержавшие активные антинегрятские выступления тайной организации, были столь значительны, что стало предельно ясно: дух непримиримости к идее расового равенства прочно утвердился в определенных слоях американского общества.

Один из экс-офицеров, сохранивший начатки гимназического премудрости, предложил сообщникам назваться «Рыцарями



куклоса», от греческого «куклос» — «круг».

— Мы станем основателями Ку-клос-клана, — решило очередное собрание.

Аллитерация этого словосочетания породила в мозгу основателей клана кабалистическую формулу тройного «К» — Ку-клукс-клан. С самого начала страшные деяния рыцарей мерзости перемешались с игрой. Мелкие буржуа, составившие основу ККК, жаждали фетишей. Для вящей таинственности они приняли особый язык, вставляя магическое «Кл» [начало слова «клан»] в обычные слова, что,

по мысли неискушенных в шифровке плантаторов, должно было сделать их разговор непонятным для чужаков: сами они стали клавалерами, таверны, где они собирались, превратились в клавверны и так далее.

Обитатели Пуласки стали частенько видеть в надвигавшихся сумерках всадников в белых простынях, мчавшихся во весь опор к лесу. Глубоко суеверные провинциалы дрожали от страха. И не напрасно — ночные кавалькады были предвестниками карательных экспедиций, и преступления — все более гнусные — нанизывались одно на другое. Черное пятно ККК расплодилось по всей стране, в особенности по бывшим рабовладельческим штатам — Алабаме, Луизиане, Джорджии, Северной Каролине.

Закономерно, что расизм всегда шел и идет бок о бок с самыми реакционными устремлениями. По этой причине Ку-клукс-клан резко усиливал свою деятельность при каждом социальном и политическом потрясении американского общества, при малейшей активизации демократических сил.

Едва в двадцатых годах хлопководы объединялись в профсоюз, как Ассоциация хозяев-текстильщиков обратилась за помощью к «великому дракону» — так величается одна из должностей в верховной иерархии клана. Обращение было сделано в предельно понятной форме: на банковский счет «дракона» они перевели два с половиной миллиона долларов.

— Мы объявим им террор, — услужливо отреагировал «великий дракон».

Через три дня белого фермера Майка Красса, считавшегося главным смутьяном, обогнал на дороге автомобиль. Раздалась очередь. Майк, свесив голову, поник на сиденье своего старенького «форда».

У входа на текстильные фабрики, разогнав агитаторов, встали отряды клановцев в черных рубашках, с железными палками в руках. Всем рабочим они всовывали в руки отпечатанные прокламации. Всего две строчки:

«Ты еще на работе!

ККК следит за тобой».

Так было в двадцатых годах. Новый прилив активности клана пришелся на пятидесятые годы — те самые годы, когда честная Америка поднялась на борьбу за всеобщие гражданские права. И снова на ряды демонстрантов реакция кинула свои штурмовые

батальоны — отряды клановцев. Снова на Юге и теперь уже на Севере США загорелись кресты, снова замелькали на бамперах машин три зловещные буквы ККК. А недавнее заключение Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, по сути дела, выдало главарям клана карт-бланш на дальнейшие подвиги во имя белой расы.

По всем городам Соединенных Штатов разошлись буклеты с тремя буквами на обложках: ККК. «Вы можете стать членом Объединенных кланов Америки, общества с ограниченной ответственностью, — говорится в этом рекламном проспекте, — если вы урожденный гражданин США, белый, христианского вероисповедания и умеренных нравов, протестант и если вы верите в господство белых и в американизм». Конечно же, нет, никакой антиамериканской деятельности высокопоставленная комиссия в программе Ку-клукс-клана не усмотрела!

...Поколесив вдосталь по дорогам Джорджии, блеклая от пыли «импала» въехала в столицу штата — Атланту. По улицам тугим потоком шли машины, они плотно стояли по обеим сторонам проездов, нечего было и думать поставить машину в центре. Тем не менее «импала» остановилась на углу возле большого универмага, прямо под знаком «Стоянка запрещена». Полицейский, маячивший неподалеку, нехотя сплюнул окуроч и стал медленно вытаскивать руку из кармана куртки. Однако водитель за рулем «импалы» не торопился отъезжать. Пальцы его левой руки, как по клавишам, бегали по верхней части баранки. Полицейский тоже вытянул левую руку и несколько раз встряхнул кистью — очевидно, она затекла.

Автомобилист хлопнул дверцей и, не глядя на полисмена, вошел в здание, поднялся на пятый этаж — туда, где помещаются деловые конторы, и передал свою визитную карточку секретарше. Через минуту он уже входил в кабинет генерального директора торговой фирмы. Тот поднялся навстречу посетителю с той безразлично-приветливой улыбкой, с которой принято встречать клиентов.

Поздоровались. В какой-то момент улыбка директора изменилась — он увидел, как посетитель многозначительно опустил боль-

шой палец, словно римлянин, обрекающий на смерть гладиатора. Ждет. Директор, в свою очередь, сделал маленький шагок назад.

— Вчик! — тихо спросил он. («Вы Человек Из Клана!»)

— Ячик, — ответил посетитель. («Я Человек Из Клана.»)

Завязался странный для постороннего уха разговор, где замелькали косноязычные слова «кли-граф», «клоран», имевшие вполне определенный смысл: гость перedal «резиденту» Ку-клукс-клана директивы о ближайших операциях в районе Атланты. Сидя наверху, посетитель не боялся, что тем временем полисмен прилепит на ветровое стекло его машины уведомление о штрафе. Он знал, что человек в фуражке с кокардой тоже член клана: встряхивание кисти в ответ на постукивание по рулю означает, что можно рассчитывать на его благожелательный нейтралитет.

А через неделю, в субботу, на обычно тихом загородном шоссе Атланты царил странное оживление. Несколько десятков широкобоких машин, переваливаясь, потянулись в одном направлении. За рулем — обычные горожане: коммерсанты, торговые агенты, банковские служащие. В этот многоцветный кортеж затесался и обшарпанный автофургон. Через несколько сотен метров машины съезжают с дороги и скучиваются на широкой площадке, заросшей пахучей травой. Тишина. Надо подождать еще несколько минут, прежде чем наступит полная темнота. И только тогда участники этой моторизованной когорты подадут признаки жизни.

Но что это стало с теми, кто лишь четверть часа назад мирно катил по дороге? Все облачились в длинные белые балахоны с широкими рукавами, у каждого на голове острроверхий капюшон, который одним движением можно сбить на лицо, и тогда остаются лишь прорези для глаз.

Дальнейшие приготовления еще более напоминают маскарад. Из фургона появляются деревянные крест шести метров в высоту, его обматывают смоченным в керосине тряпьем и вкапывают посреди поляны. Рядом устанавливают трибуну, подсоединяют микрофон к громкоговорителям. И вот вспыхнул крест, отбрасывая лохматую рвущуюся тень на балахоны, и голос начал вещать с нажимом, старательно нагнетая таинственность и жуть:

— О господи, благодарим тебя

за то, что ты создал нас белыми. По твоей воле мы собрались здесь, чтобы покарать...

И будут произнесены страшные по сути и мерзкие слова, решающие участь какой-нибудь негритянской семьи, осмелившейся поселиться в квартале, где дотеле жили лишь белые, либо белого коммерсанта, который, несмотря на неоднократные угрозы, продолжает принимать на работу негров.

Для своих приговоров Ку-клукс-клан использует специальные карательные группы обычно из двух-трех клансменов. Как только жертва определена и алиби обеспечено, они приступают к делу. Ночью, подальше от людских глаз, приговоренного сбивают с ног и заталкивают в багажник машины. Затем где-нибудь в глухом месте машина останавливается. С пленника срывают одежду и бьют кожаными ремнями или резиновыми шлангами. Нередко забивают до смерти. Это делают тренированные специалисты, именуемые «кнутобойцами». Но есть еще и «подрывники» — специалисты по поджогам и взрывам негритянских церквей, и «снайперы».

Летом 1964 года клановцы выстрелом из ружья убивают в штате Джорджия негритянского учителя Лэмюэля Пенна.

В Джексонвилле, штат Флорида, в том же году клановцы подбросили бомбу в дом негритянского мальчика, принятого по решению суда в школу для белых.

В Маккомбе, штат Миссисипи клановцы сожгли четыре церкви, 13 жилых домов и магазинов, линчевали десять активистов движения за гражданские права негров.

В том же штате трагически погибли от руки клана Швернер, Гудман и Чини. В этом убийстве, нашумевшем на весь мир, участвовали одиннадцать человек во главе с местным шерифом.

А в августе 1965 года в Хейнсвилле, округ Лоундес, того же штата Алабама, неизвестный среди бела дня застрелил из автомата двух активистов из Студенческого координационного комитета ненасильственных действий, прибывших для регистрации негров-избирателей. Округ Лоундес прославился тем, что всегда абсолютным большинством избирал в губернаторы расиста Уоллеса. И несмотря на то, что по числу жителей негров в этом округе было больше, чем белых, ни одного негра даже в местных органах власти никогда не было. Пос-

ле покушения один из помощников шерифа сказал о студентах: — Надеюсь, что оба сукина сына умерли.

В октябре 1966 года в Милуоки сам «великий дракон» Иллинойса Тернер Чейни подбросил бомбу в зал, где должен был выступить главный редактор газеты американских коммунистов «Уоркер» Карл Уинтер.

В прошлом году во время «жаркого лета» негритянских выступлений против расистов клан развернул кампанию террора по всем южным штатам. В Миссисипи клановец в упор выстрелил в Джеймса Мередита, который вышел тогда в свой знаменитый поход по дорогам этого «змеиного штата».

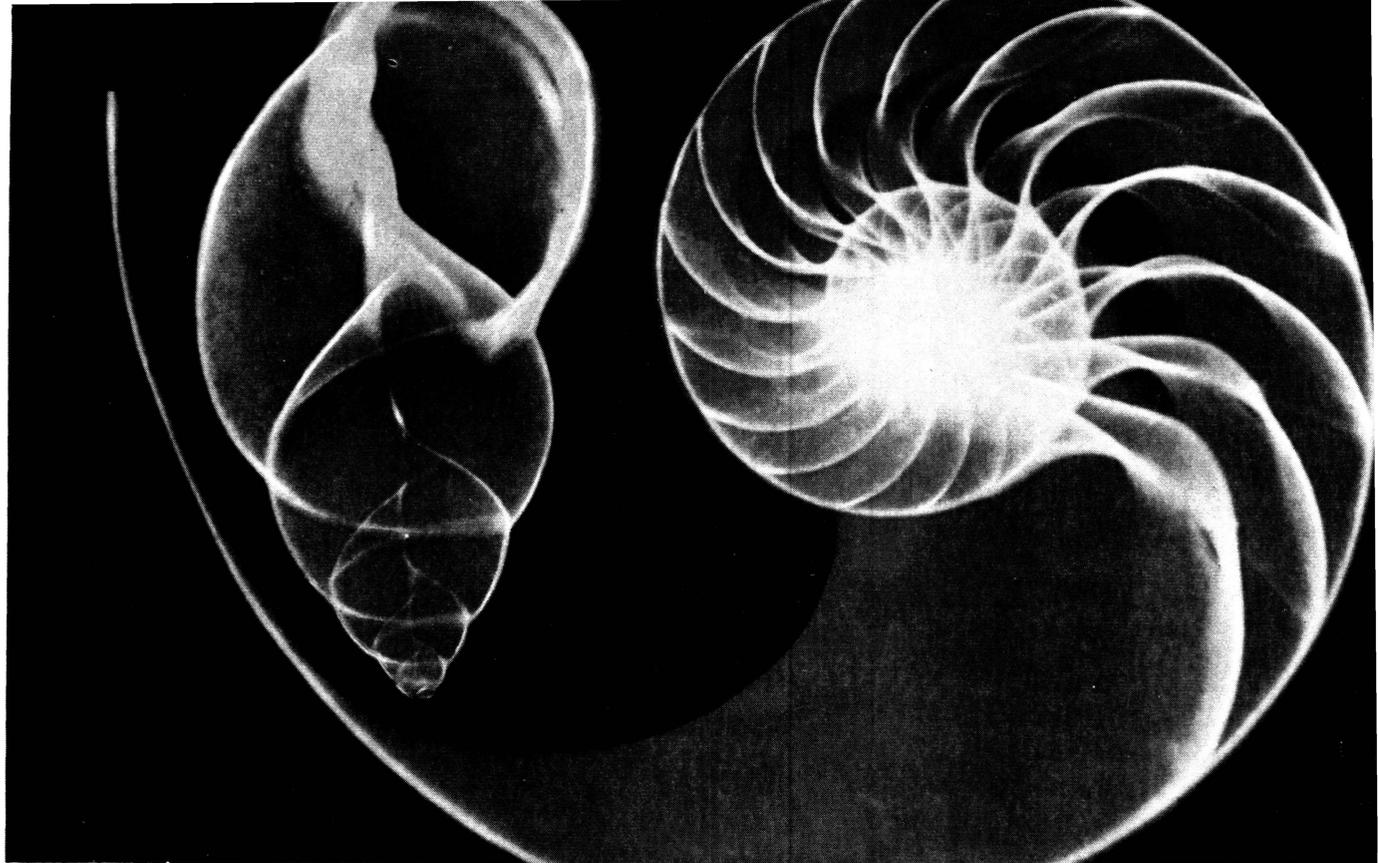
Выступая на собрании «великих драконов» 11 штатов, «великий дракон» штата Теннесси — того самого, где был убит Кинг, — заявил: «Я потерял левую руку на одном из холмов Кореи и, если потребуются, отдам жизнь, чтобы помешать движению за гражданские права, в котором преобладают коммунисты и негры, захватить власть в нашей стране».

Программу своих действий он подтвердил и в интервью, опубликованном во многих изданиях: «Негры должны признать, что если они живут в нашей стране, то обязаны этим только доброй воле белых».

Вопрос: Но 20 миллионов негров оспаривают это утверждение!

Ответ: Именно поэтому и существует клан. Нельзя ожидать, что белые уступят управление страной другой расе. Между тем в настоящее время белый теряет свое превосходство вследствие закона о гражданских правах. Этот подлый и гнусный закон задуман лишь для того, чтобы сеять беспорядок».

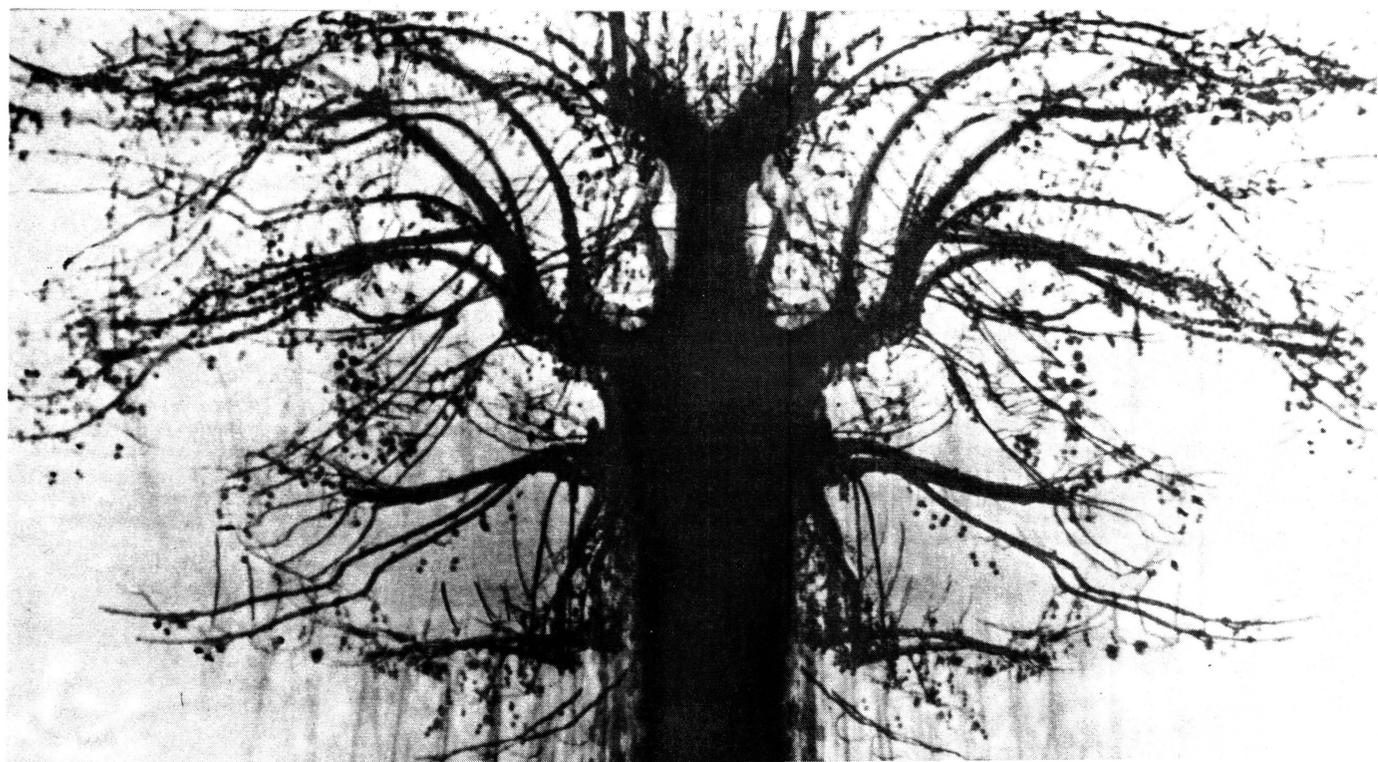
Да, двадцатидвухмиллионный негритянский народ не согласен жить из милости в своей стране. В 135 городах США сразу же после того, как весть об убийстве в Мемфисе облетела страну, вспыхнул огонь негритянского возмущения. В ответ на бесчинства, на горящие кресты Ку-клукс-клана запылали целые кварталы. «Это вторая гражданская война. Настоящая война — такая же, что была сто лет назад», — так говорят и пишут сейчас в США о нынешнем жарком лете негритянских волнений, начавшемся еще в апреле. Это война за право целого народа называться людьми.

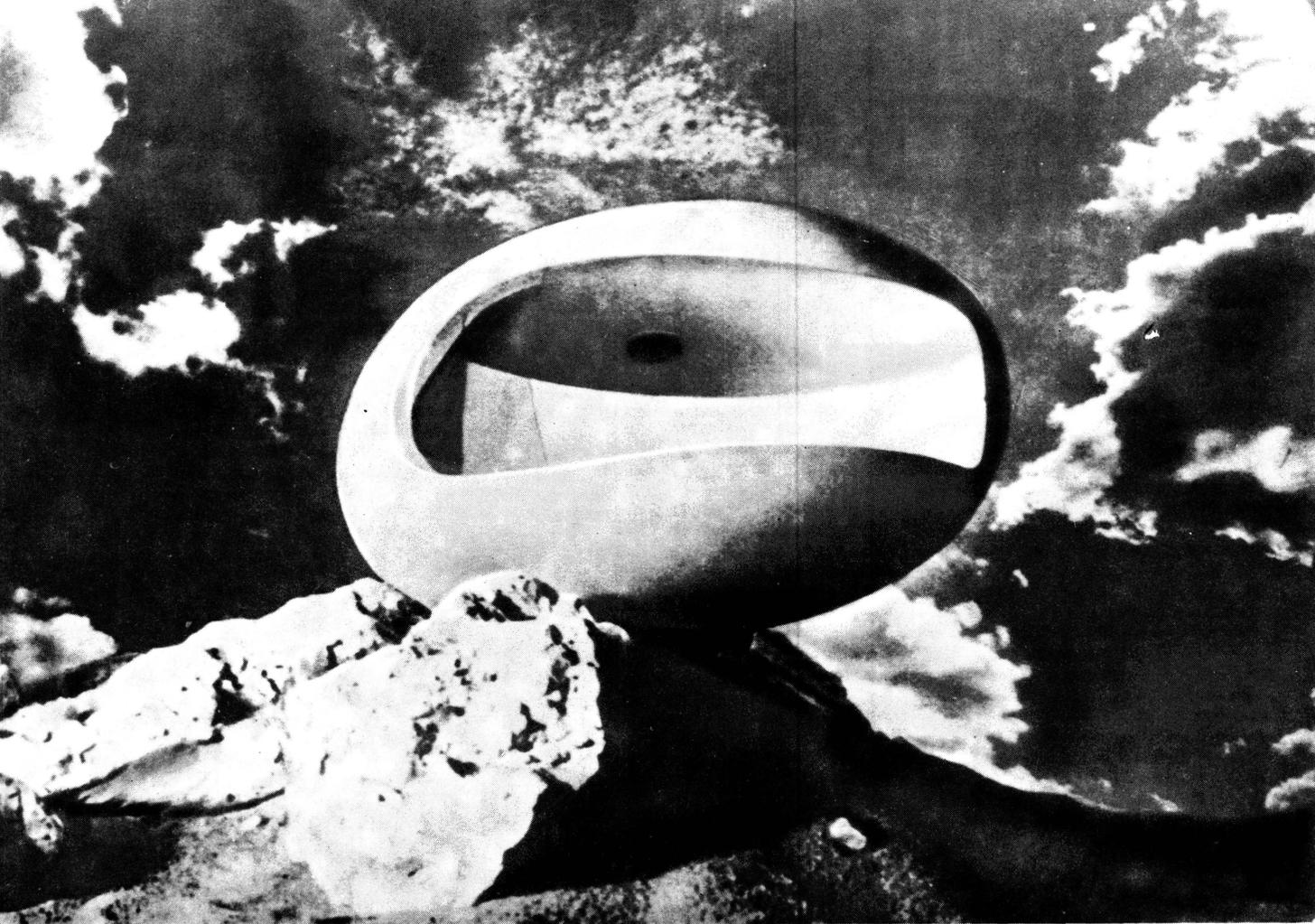


# ГАРМОНИЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ

О БИОАРХИТЕКТУРЕ, НОВОЙ СТРОИТЕЛЬНОЙ НАУКЕ, РАССКАЗЫВАЕТ ПРОФЕССОР М. С. ТУПОЛЕВ, ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ КОНСТРУКЦИИ ЖИЛЫХ ЗДАНИЙ МОСКОВСКОГО АРХИТЕКТУРНОГО ИНСТИТУТА:

...Вначале взгляд зодчего видел в природе лишь гармонию красоты. И лишь ее заимствовал человек-строитель у природы, возводя на земле свои здания. В легких африканских постройках угадываются очер-





тания цветов и деревьев, а в древних восточных пагодах — стройные, поднявшие вершины к небу ели. Ле Корбюзье, один из крупнейших архитекторов современности, говорил не раз, что при строительстве своего знаменитого Чандигарха, города в Пенджабе, он старался вдохнуть в здания красоту природы.

До недавнего времени, пытаясь копировать природу, строитель видел лишь внешние ее формы. И мало кто задумывался, что природа не только красиво «построена», но едва ли не идеально «рассчитана», что, создавая любое из своих творений, шлифуя его столетиями, природа связывала в нем воедино гармонию красоты с гармонией целесообразности — придавала ему ту единственно верную форму, которая идеальна с точки зрения инженера.

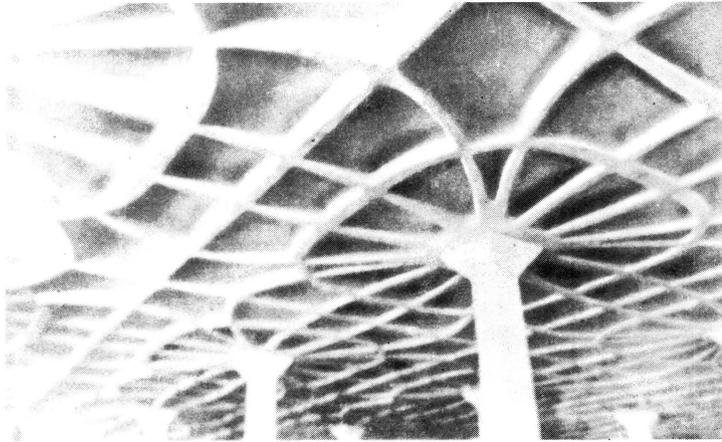
...Здесь стоит привести такой пример. Допустим, что архитектору вдруг пришла в голову мысль возвести здание, напоминающее своим видом... паутину. Конечно, чтобы подобное сооружение отвечало всем инженерным требованиям, сложное переплетение такой «архитектурной» паутины появилось бы на ватмане лишь как результат длительных математических подсчетов, обосновано было бы положение каждой отдельной ниточки. А паук тклет свои сложные сети, лишь подчиняясь выработанному веками инстинкту. У каждого из видов пауков «конструкция» паутины своя собственная. Любая из них для инженера идеальна, раз природа проверила ее веками... Так нельзя ли, не прибегая к сложным расчетам, просто ско-

**Морская ракушка, выброшенная природой на берег? Да. Лишь увеличенная в тысячи раз, спроектированная по тем же «законам», по которым «работала» природа...**

пировать природную паутину, увеличив ее во столько-то раз, воплотив в сталь, бетон, стекло?

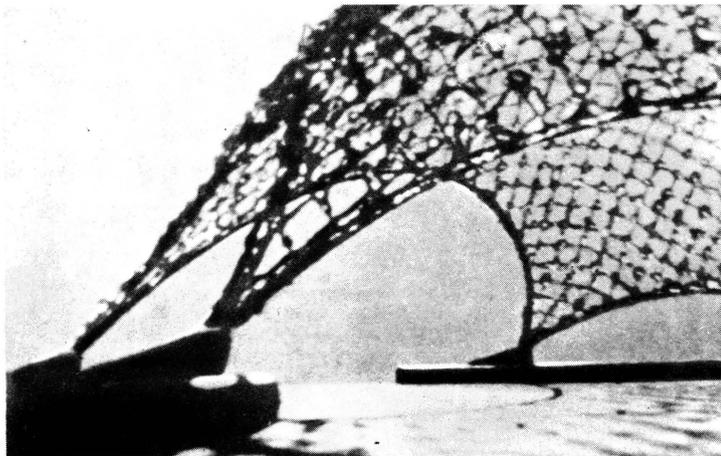
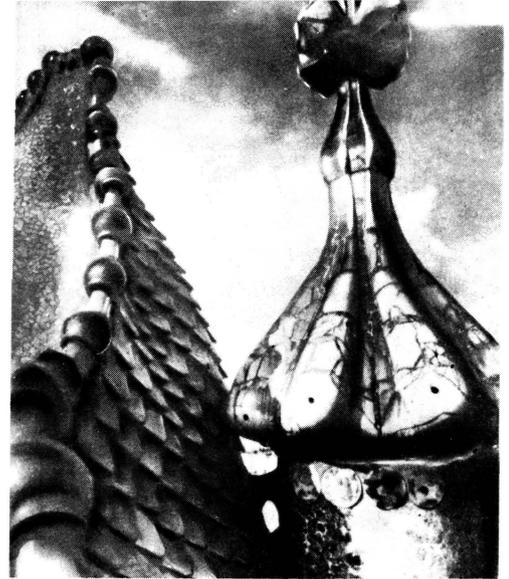
Разумеется, проблемы биоархитектуры нельзя понимать так упрощенно, хотя суть этой науки, возникшей в последние годы вслед за бионикой, этот пример раскрывает достаточно наглядно. Поиск идет не с целью только скопировать, но и изучить инженерное решение природы, разобраться в законах, по которым она рассчитывает свои конструкции...

Выяснилось, например, что конструкция Эйфелевой башни в Париже чуть ли не в точности соответствует «конструкции», выбранной природой для берцовой кости человека! Но в том-то и дело, что в случае с Эйфелевой башней инженер и природа пришли к единому решению независимо друг от друга: Эйфель не копировал природу, а рассчитывал свою башню методами сугубо математическими. И инженерные решения человека и природы оказались едиными. А биоархитектура — это уже **НАПРАВЛЕННЫЙ И ОСОЗНАННЫЙ ПОИСК** архитектурных форм, идеально рассчитанных самой природой, поиск в природе той самой «гармонии целесообразности», о которой писал бразильский поэт и архитектор Жоакин Кардозу:

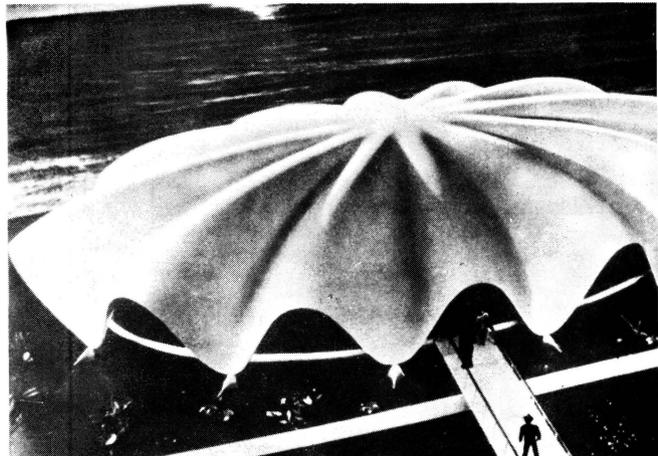


Рассчитанный природой жесткий карнас — прожилки зеленого листа — лег в основу перекрытия здания фабрики «Гатти», возведенного в Риме по проекту П. Л. Нерви.

Проект этого здания в Барселоне тоже навеян природой. Но возведено оно до рождения биоархитектуры — здесь архитектор А. Гауди следовал лишь гармонии красоты...



В ферме этого моста точно скопирована тысячами отработанная конструкция паутины.



А эту форму здания — гостиница «Ла Конча» в Сантурче (Пуэрто-Рико) — архитектор подсмотрел в осеннем лесу, где опавший лист, еще не потерявший упругость и прочность, распрямляется даже после того, как вы наступили на него...

*...И в призрачном утреннем свете  
Вместо ветвей и цветов  
Гармонию целесообразности  
Природа рождает для взгляда...*

И все чаще и чаще, обращаясь к природе, каждый раз заново поражаясь многообразию ее инженерных решений, архитектор находит в ней готовые прообразы своих зданий или их отдельных деталей. Например, возводя большой экран для Берлинского зеленого театра, его опору выстроили по той же схеме, по какой природа «построила» скорлупу диатомовых водорослей. И здесь вместо сложных расчетов, предшествующих обычно созданию новой архитектурной конструкции, строители лишь точно воспроизвели в ней пропорции, подсказанные природой, ограничившись лишь физическими испытаниями.

И по тем же законам «гармонии целесообразности» архитекторы подчас возводят дома, похожие на морские раковины. Известный архитектор Э. Сааринен у природы заимствовал решение одного из самых интересных своих сооружений — нью-йоркского аэровокзала, крылья которого изогнулись над землей, как напряженные крылья парящей птицы.

...В том, что архитектура, как чуть раньше техника, двинулась сегодня к природе, разумеется, нет ничего случайного. Еще Энгельс утверждал, что с развитием науки и познания природы «люди будут не только чувствовать, но и сознавать свое единство с природой».

Родилась биоархитектура, надо сказать, не случайно именно в наши дни, потому что только недавно строители получили в свое распоряжение такие строительные материалы, которые позволяют инженерно решить некоторые сложнее и причудливейшие архитектурные формы так же, как их построила природа.

Конечно, век биоархитектуры еще только начался. И не приходится говорить о ней так, как мы говорим сейчас о кибернетике или астрофизике. Но уже ясно, что в ряде случаев и микроскоп и скальпель натуралиста могут стать для архитектора такими же рабочими инструментами, как линейка и карандаш. И что биоархитектура, делающая сегодня первые шаги, будет становиться все смелее и смелее. Тогда поднимутся на земле, может быть, здания, словно возведенные по проектам величайшего из архитекторов — Природы...



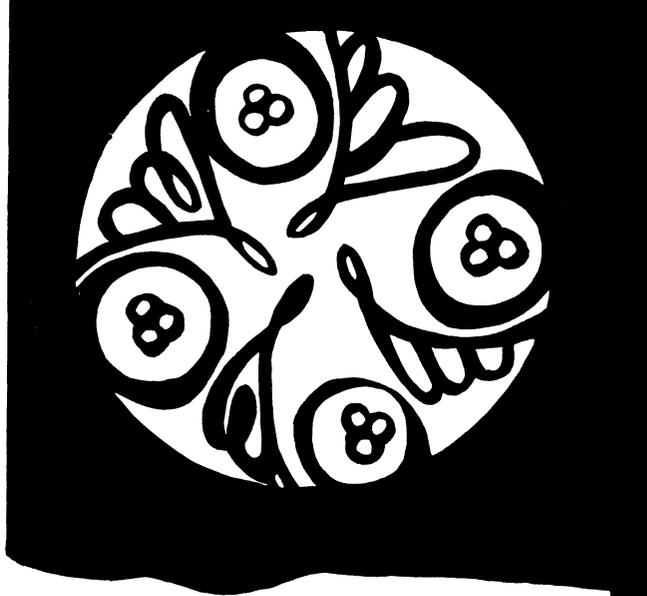
Можно ли найти среди пейзажей вид печальней, чем пустыня? Бескрайние песочные пространства горбатятся под ветром и только весной пускают к себе, как временного постояльца, видимую жизнь. Потом старательно, как бы коря себя за оплошность, летнее солнце выжигает хилые ростки. Раздробленная в крупу и просеянная через сотни ветров бывшая скальная твердь далеких южных или северных пиков собирается здесь. Вихри-мусорщики вновь и вновь тщательно сортируют и перекалдывают на песчаных свалках новые крохи состарившихся минералов.

Тут, в барханных волнах, ничто, кажется, не радует глаз. Тем удивительнее наблюдать человеческое жильё в этих скупых местах. Будь то выгоревшая рыжая юрта с привязанным верблюжонком. Или палатка изыскателей... А то поднимутся перед тобой вдруг в жарком мареве, словно подтаявшие и невесомые, минареты древнего глиняного города, возведенного на песках.

Как правило, за давностью истории в старых поселениях забывают, зачем и кто первым решил здесь строиться. А потому придумывают легенду, часто красивую или немудрящую, расцвеченную безмянными выдумщиками. Хива не исключение. Она тоже начинается с давней сказки.

Сын легендарного пророка Нуха Сим, скитаясь по нескладной земле, утомился и решил переночевать на песчаном бархане. Бархан оказался на территории Хорезма. По всей видимости, Сим придерживался среднеазиатских караванных дорог. Но не в этом дело. Во сне Сим увидел знамение и, поспешая, чтобы ничего не забыть, тут же сгреб на песчаный бархан глину и вылепил макет будущего города. А отдохнув, выкопал по соседству колодец Хейвак. Так, говорят, началась Хива...

Я приехал в город к полуночи. Шофер попутной полуторки остановил машину у двухэтажного домика-гостиницы и резко взял с места, высветив фарами ветки деревьев. Постепенно шум его машины исчез во тьме. Осталась тишина, изредка прерываемая звонкими треллями невидимых насекомых. За кустами кто-то тронул гитарную струну, и она одиноко загудела, будто жалуясь.



# ИЧАН-КАЛА

*Город за глиняной стеной.*

Короткие мясистые цветы испускали аромат удивительной силы и густоты. Казалось, запах можно зачерпнуть ладонью...

В гостинице неожиданно ока-

зались свободные места. Под толчками всюду похлали стосвечные лампочки. Пузатые диваны не жились под прохладной холстиной покрывал. Пристанище

Три города Средней Азии привлекают особенное внимание искусствоведов — Бухара, Самарканд и Хива. Каждый из городов интересен по-своему, своими неповторимыми чертами, своей историей.

Хива возникла в X веке и стала быстро развиваться, так как была расположена на оживленных торговых путях. Но тот облик ее, который известен нам сейчас, начал вырисовываться лишь в XVII веке. В это время Хива уже столица Хорезма.

Знаменитые дворцы и мечети Хивы построены в XVIII—XIX веках. Большинство их стоит в Ичан-кале (внутреннем городе), окруженном крепостной стеной.

Время политических и экономических неурядиц, что пережила этот край, не прошло бесследно для его культурного развития. К XVIII веку был уже утерян частично опыт возведения монументальных зданий, были утрачены отчасти и секреты изготовления знаменитых солнечных изразцов. Хивинские строители, имея перед глазами знаменитые здания Бухары и Самарканда, старались следовать традиционным формам. Мечети и мавзолеи Хивы в основном повторяют образцы, построенные ранее, но они выглядят грузными, приземленными, они потеряли стройность и строгость.

И все же хивинские мастера и художники, преодолевая устоявшиеся каноны, сумели создать ряд талантливых произведе-



Фото  
автора

Крепость на закате.

командированных и в полночь привычно жило своей суетной жизнью. Хлопали двери.

В комнате напротив моей засыпал под кровать огромный

этнодик пожилой человек в легкомысленной велосипедной шапочке. Оказался он московским художником. Три недели путешествует по среднеазиатским горо-

дам, обгорел под солнцем и утомился от обилия впечатлений. Собираясь домой, заскочил в Хиву, скорее просто посмотреть, чем поработать, но застрял здесь накрепко.

Яркой самобытностью выделяются в Хиве дворцы и жилые дома. Здесь мастера, не связанные канонами, давали волю фантазии. Образцом для них было хорезмское народное жилище. (Примером может служить дворец Аллакули-хана — Таш-хаули, виртуозно отделанный множеством художников, керамистов, резчиков по мрамору, ганчу и дереву.) Потому Хива интересна прежде всего как городской комплекс определенного времени.

Ныне вокруг древней крепости выросла новая Хива, уплотнившая в себе вместе с мудростью древнего зодчества современные достижения строительной техники. А Ичан-калу правительство Узбекской ССР объявило государственным архитектурным заповедником. Для сохранения и приведения в порядок всех древних зданий в Хиве создается специальная реставрационная мастерская.

В. ЕГОРОВ,  
сотрудник научно-методического совета  
по охране памятников культуры

„...ТО ЧУДУ  
ПОДОБНО...“

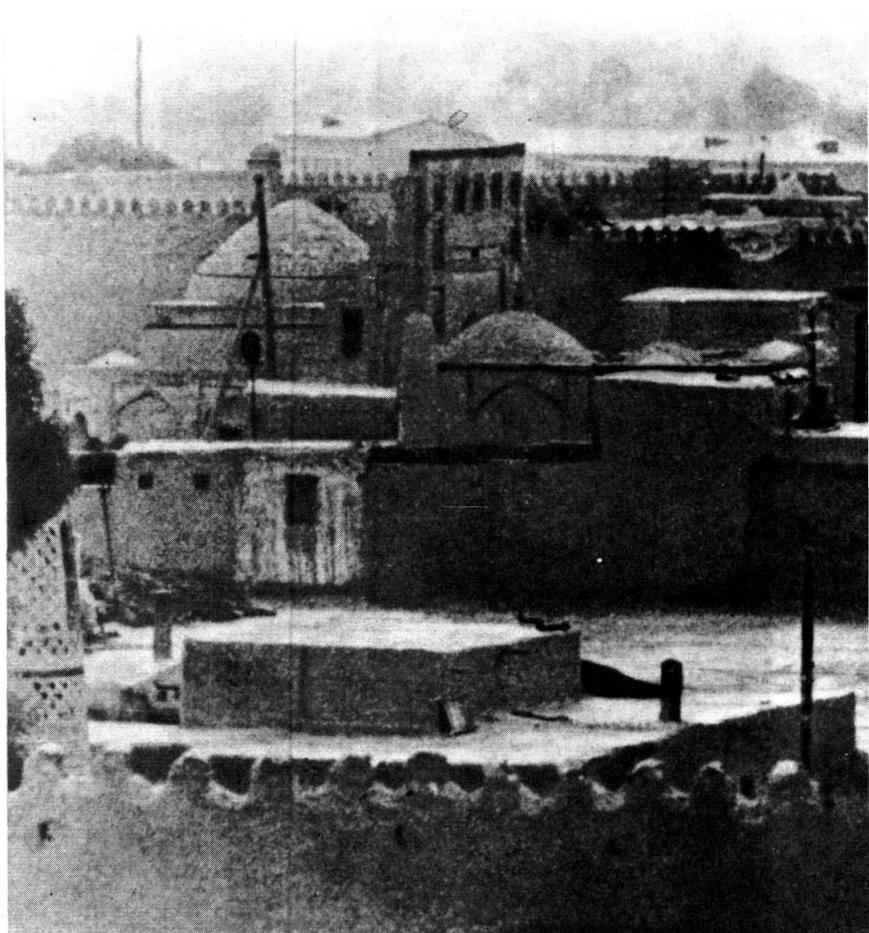
потому что сил у него уже нет, чтобы изо дня в день торчать с этюдником на улицах и воевать с очарованием этого города. Потому что этот город — он ткнул пальцем в темное окно — так объективно хорош, что художнику тут и добавить нечего... Забегая вперед, скажу, что он не уехал. Все пять дней, что был я в Хиве, мы виделись с ним. Про свой отъезд он больше не упоминал, но и работ новых не показывал. Так я и не узнал, смог ли он преодолеть колдовство хивинских красот.

Теперь самое время внести некоторые уточнения. Есть две Хивы. Новый город: асфальтированные улицы, обсаженные кустами роз, большой парк, народная библиотека, Дом пионеров, где на глиняной крыше стоит сделанная руками ребят космическая ракета, «газики» нефтяников, снующие у перекрестков. И старый город за глиняной стеной. Несмотря на все очевидные преимущества первого, мировой своей славой Хива обязана памятникам старого города. И нет ничего удивительного, что мне хотелось познать очарование древнего города. О нем я и хочу дальше рассказать.

...Постепенно гостиница затихала. Одна за другой погасли лампы. Ночные сквозняки раскачивали портьеры, освобождая на время путь лунному свету. Я вышел на улицу. Художник в двух словах рассказал, как найти Ичан-калу, и теперь я шел не торопясь, с удовольствием находил ориентиры в незнакомом городе. Улица переступила канал, спрятанный в прозрачной тени деревьев. Свернула налево и разбежалась надвое у стены старого города. Стена не вздымалась круто. Она спускалась к пересохшему уличному арыку пологим склоном, была разбита дождями, а быть может, и ядрами осаждавших крепость войск. За десять веков земли Хорезма пережили многие сечи...

На фоне звездного неба резко чернели круглые шершавые зубцы стены Ичан-калы. Что-то вроде тропинки вело к темному пролому. Добраться туда было просто, и через минуту я уже стоял на гребне, как на кромке кратера.

Город лежал внизу. Глиняные кубики домов с плоскими крышами словно нарезанные куски пирога. Черные мелкие ущелья улиц, местами пересеченные лун-



▼ Сейчас они убегут, и улица снова станет древней.





▲ Свет еще не тронул минареты. Утро.



ными полосами. Башни минаретов. Маслянистые блики на изразцах куполов.

Эхо моих шагов убежало вперед, в темень кривых переулков, и возвращалось уже откуда-то сбоку. В плитах мостовых саженными коваными колесами арб были выбиты глубокие колеи. В этих колеях стояли лужицы. Наверное, над городом пролился недавно редкий дождь. Ни души. Да и кого можно встретить в этот час здесь, в лабиринте глиняных стен, покрытых тьмой? Над пустынным городом медленно поворачивался низкий свод неба, и черные башни минаретов гляделись неуклюжими стрелками на звездном циферблате.

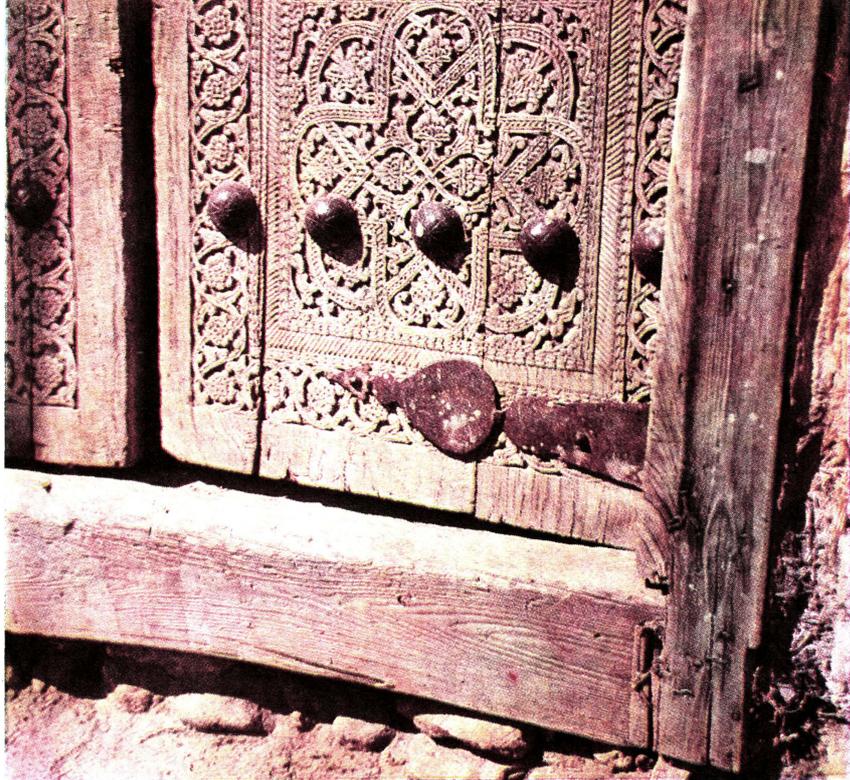
К людям меня вывел осел. Он выступил из тьмы закоулка, потоптался и опять исчез там, откуда так неожиданно появилась. За углом, у крыльца, напоминающего крыльцо русской избы, две женщины хлопотали у округлой печи. Они то ли еще не ложились, то ли уже встали. От ночной свежести узбечки спасались теплыми безрукавками да несильным жаром печи. Пекли лепешки. Ответили на приветствие, улыбнулись без удивления и больше не глядели на меня. Подбрасывали в алюющее жерло печки золотистой соломой, раскатывали тесто, а потом, подцепив толстой рукавичкой сырую лепешку, одним ловким движением прилепляли ее к внутренней стенке печи. Пока хлеб не поспел, присаживались у крыльца на корточки и молча глядели на темные стекла соседнего дома, где колдовским отсветом вспыхивало пламя их печи.

На кошке росла горка лепешек. Одну, еще горячую, крупкую и прозрачную по краям, женщины протянули мне. Лепешка была огромная, но я съел всю... И посидел рядом с ними еще немного, потому что жаль было сразу уходить от уюта их печи, запаха хлеба и человеческого гостеприимства.

Художник поднял меня утром с трудом.

— Так все самое интересное прозаем, — торопил он. — Сегодня день базара.

Тот, кто приезжает в Хиву, должен обязательно посмотреть этот город в базарный день. Ибо это все равно что попасть в Лужники в День физкультурника. В это утро Хива просыпается



▲ В резную дверь можно было войти. Я не посмел...

рано. Просыпается от скрипа и грохота арб, мотоциклетного треска, воплей ишаков и конского ржания. С окрестностей съезжается народ. Людской поток течет во все ворота Ичан-калы (их четверо). Протиснувшись через узкий проход между медресе Аллакули-хана и караван-сараем, толпа выплескивается на солнечный, цветастый и разноязычный рынок...

Нельзя понять, кто продает, а кто покупает. Парень в папахе из газеты сует тебе под нос связку сухих табачных листьев, а сам тем временем щупает, приценивается к яркой ткани на соседнем прилавке. Узбек-столяр, повернувшись спиной к сработанным им детским кроваткам-качалкам, выкладывает мелочь за сухую маленькую тыкву — бутылку. Над базаром стоит веселый гвалт — зывают к товарам громко, но без сквалыжной натуги, скорее радуясь, что можно вот так обратиться на себя внимание, влиться в разногосицу праздника.

Устав от крика, суетни и торгов, хивинцы отправляются по домам или садятся тут же, на базаре, в сумеречной прохладе чайханы пить зеленый чай, изредка заеда я его подтаявшей карамелькой. Приезжие после базара идут в соседние магазины. Запасаются всем, кому что нужно, и с удивлением щупают бре-

зент большущей запыленной байдарки. Байдарку никто не покупает, и, отчаявшись, продавцы выставили ее из магазина прямо на тротуар.

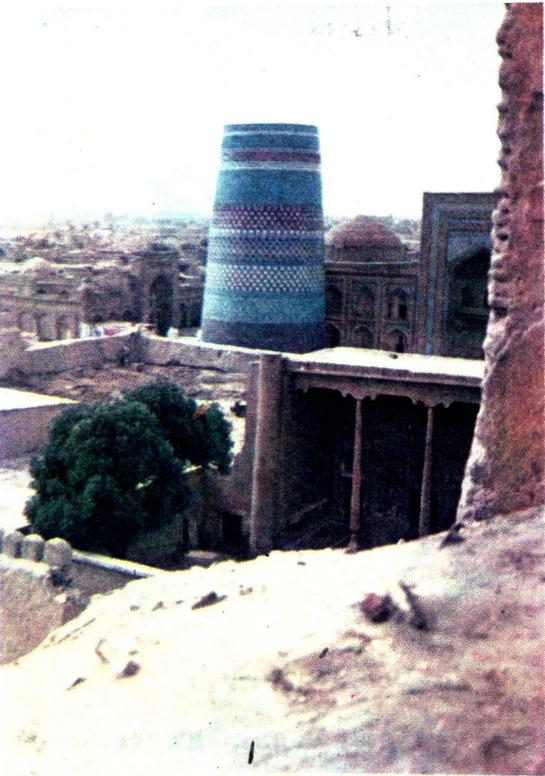
Когда солнце переваливает zenith, базар уже не тот. Он потерял всю праздничность, устал и хочет продать и купить все побыстрее. В это время многолюдье перекочевывает с рыночной площади на улицы Ичан-калы.

На рынке, в толкотне, мы с художником потеряли друг друга. И по городу потом бродил я один, втайне радуясь, что не надо делиться с кем-либо вслух своим восторгом и удивлением...

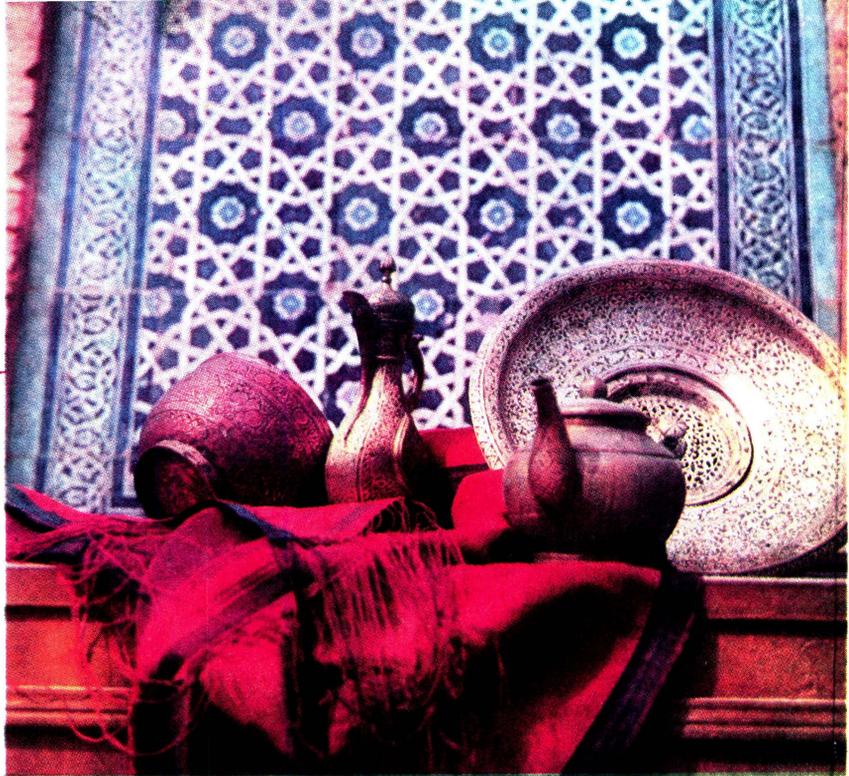
Постепенно схематичный план Ичан-калы, что видел я накануне со стены, начал превращаться в обжитый город.

У западных ворот — Ата-дарваза — поднимается старая крепость с остатками замка Акших-бобо. Отсюда, стоя меж сухих зубцов, можно видеть далеко-далеко. До тех границ, где пестрота построек и лиловый дым садов переходит в расплавленное марево пустыни.

Внизу, прямо перед тобой прямоугольник с зазубринами стен — медресе Мухаммед-Рахим-хана, а по правую руку — башня-коротышка: Кальта-минор — недостро-



*Эта башня могла стать минаретом, но...*



*Вещи легли рядом, и я понял, что они созданы, чтобы быть вместе.*

енный минарет. Он должен был стать самой высокой башней старых среднеазиатских городов. Диаметр его основания внушает уважение — почти пятнадцать метров! Но Мухаммед-Амин-хан, в честь которого при жизни должен был подняться этот своеобразный памятник, не вернулся в Хиву после поражения в битве с враждебными кочевыми племенами. И строители бросили свою затею...

Чуть подалее, словно гигантский глиняный палец в перстнях, сверкает изразцами минарет Ислам-ходжа. Рядом с ним — бирюза купола мавзолея Пахлаван-Махмуда, самого большого купола в Хиве. Даже издали он выглядит великаном. А вблизи на размеры внимания уже не обращаешь — столь великолепны изразцовый его наряд и позолоченное навершие. Несколько лет назад керамисты кишлака Мадыр вместе со старейшим хивинским мастером Рузметом Машариповым восстановили все ветхие кладки и обновили облицовку купола мавзолея...

...На хивинских улицах валяются белые сочные ягоды тутовника. Прохожие безразлично давят их ногами. Но ягоды сыплются и сыплются. Отчасти сами по себе, и еще ветер тербит ветки, а чаще — трясут деревья мальчишки. Я сидел у хауза — квадратного

бассейна с цветущей водой, пил пиво и наблюдал, как два карапуза ползают по сукам над самым хаузом и вытряхивают из лисовы ягоды. Ягоды падали в воду, но пацаны не горевали. Видно, им доставлял удовольствие сам процесс. Они гомонили, как галчата, пока чайханщик нарочито сурово не крикнул им что-то. Мальчишки аккуратно спустились с веток и молча исчезли. Оказалось, что чайханщик, как истый хивинец, беспокоился о дереве.

Понял я это из разговора моих соседей по столу. Один из них, явно приезжий, белобрый и белокожий, не одобрил чайханщика. На что второй, видимо приятель белобрысого, вконец обожженный азиатским солнцем, стал растолковывать:

— Считаю: город отсюда продолжается на ноль пять километра. Плюс километр полей и садов. Итого полтора километра. Дальше песок. На севере, до Арала — песок, и на юг... — Он на мгновение замолчал, со значением глядя на собеседника, и, торопясь, отпил полкружки, представив сам, как много вокруг песка без жизни и без воды. И продолжал: — Дерево здесь берегут. Сломал ветку или дерево срубил — никто не простит тебе. Другое дело — что-нибудь посадить, скажут спасибо. Саксаул, например, у него корни... —

он искал с чем сравнить их длину, не нашел и ткнул, наконец, через хауз, — во-он до той стены. Корни песок держат...

Его приятель молча pokrutil головой, выражая удивление и заинтересованность. Видно, он ничего не слышал о древних городах, проглоченных песками, а может, просто не хотел поддерживать разговор о пустынях, невидимых отсюда, от стола с кружками прохладного пива.

Пришло время мне уезжать. Уже билет был в кармане, и я отправился проститься с городом. Быстро прошел знакомым, побывшимся маршрутом — от северных ворот к медресе Хурджум, оставил на скастье медную монетку в каменной нише с наглухо заколоченной резной дверцей...

На закатном небе разливалась матовая желтизна, на ее фоне обычно пестрый Кальта-минор выглядел фиолетовой глыбой. Выходил я в западные ворота, навстречу набегавшим сумеркам. Шел той дорогой, которая где-то наверняка упиралась в пески, раскинувшиеся до самого Небит-Дага, и дальше — до Челекена и Каспия, на сотни километров без звука и огонька. Я свернул направо и прошел чуть впереди женщины, несущей полные ведра воды...

**Н**е так давно я провел несколько месяцев в Аргентине и вот там-то встретил Себастьяна. Он был гаучо, южноамериканским эквивалентом североамериканского ковбоя. Как и ковбой, гаучо ныне становится редкостью, так как большинство ферм, а в Аргентине — эстансий (поместий), механизмуется.

Я поехал в Аргентину в силу двух причин: во-первых, мне хотелось отловить некоторых диких животных Аргентины и привезти их в отечественные зоопарки, и, во-вторых, я хотел сделать фильм о животных, об их жизни в естественных условиях. Одному моему другу принадлежало поместье, находившееся милях в семидесяти от Буэнос-Айреса, в районе, известном своими дикими животными, и когда он пригласил меня на две недели, я принял приглашение с радостью. К сожалению, когда подошло время ехать, у моего друга объявились дела, и он мог лишь отвезти меня в поместье, представить меня там, чтобы затем тотчас вернуться в город.

Он встретил меня на маленькой станции и, пока



ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ

## СЕБАСТЬЯН

мы тряслись в двухместной коляске по проселку, сказал, что к моему приезду все готово.

— Я вас определю к Себастьяну, — сказал он, — и все будет в порядке.

— Кто такой Себастьян? — спросил я.

— Ну, просто один из наших гаучо, — несколько расплывчато объяснил мой друг. — То, чего он не знает о здешних диких животных, знать и не стоит. Он будет вашим хозяином в мое отсутствие, и вы спрашивайте у него все, что вам надо.

После обильного завтрака мой друг предложил мне познакомиться с Себастьяном, и мы, оседлав лошадей, поехали по золотистой траве, блестящей на солнце, через заросли гигантских — в рост лошади — лопухов. Примерно через полчаса мы подъехали к небольшой эвкалиптовой роще, посередине которой стоял длинный низкий побеленный дом. Большая престарелая собака, лежавшая в пропеченной солнцем пыли, подняла голову и равнодушно залаяла, а потом снова заснула. Мы спешились и привязали лошадей.

— Себастьян сам построил этот дом, — сказал мой друг. — Он, наверно, за домом, у него сиеста.

Мы обогнули дом. Там, привязанный к двум тонким эвкалиптам, висел огромный гамак, а в нем лежал Себастьян.

Сперва он мне показался карликом. Впоследствии я обнаружил, что в нем примерно пять футов и два дюйма, но в огромном гамаке он казался крошечным. Его невероятно мощные и длинные руки свешивались по обе стороны гамака. Они загорели до цвета красного дерева, поверх кожи вилась изморозь белых волос. Лица его не было видно, потому что оно было покрыто черной шляпой, которая ритмично

поднималась и опускалась, а из-под нее доносился густой устрашающий храп. Мой друг схватил Себастьяна за свисавшую руку и энергично потянул ее, наклонился и изо всех сил прокричал в ухо спавшему: «Себастьян... Себастьян! Проснитесь, у вас гости». Шумное приветствие оказалось совершенно безрезультатным: Себастьян продолжал храпеть. Мой друг взглянул на меня и пожал плечами.

— Он всегда так крепко спит, — пояснил он. — Послушайте, беритесь-ка за другую руку и давайте вытряхнем его из гамака.

Я взялся за другую руку, и мы посадили спящего. Черная шляпа скатилась, обнаружилось загорелое пухлое лицо с большими закрученными усами, тронутыми никотинным золотом, и парой белоснежных бровей, изогнутых наподобие козлиных рогов. Мой друг схватил его за плечи и потряс, громко выкрикивая его имя, и вдруг под белыми бровями раскрылась пара сердитых черных глаз и сонно посмотрела на нас. Узнав моего друга, Себастьян мучительно заревел и вскочил на ноги. «Сеньор! — завопил он. — Как я рад видеть вас... Ах, простите меня, сеньор, за то, что я спал, как свинья в хлеву... простите, пожалуйста. Я не ожидал вас так рано, а то бы я встретил вас как полагается».

Когда мой друг представил меня, он выкрутил мне руку, а потом, обернувшись к дому, зарчал: «Мария... Мария!» В ответ на этот бьющий по нервам крик появилась привлекательная женщина лет тридцати. Себастьян с явной гордостью представил ее как свою жену. Затем он стиснул мое плечо своей мощной дланью и серьезно уставился на меня.

— Что вы хотите, кофе или мате, сеньор? — спросил он невинным тоном. К счастью, мой друг

предупредил меня, что Себастьян составляет свое первое мнение о людях по тому, что они предпочитают — кофе или мате, аргентинский зеленый напиток, настой целебных трав. По его мнению, кофе — это отвратительное поило, пригодное лишь для горожан и прочих отщепенцев рода человеческого. Итак, я сказал, что предпочитаю мате. Себастьян обернулся и взглянул на жену.

— Ну? — скандовал он. — Разве ты не слышала, что сказал сеньор? Неужели гости так и будут стоять здесь, умирая от жажды в то время, как ты смотришь на них, словно сова в дневное время?

— Вода кипит, — спокойно ответила она, — а гостям не придется стоять, если ты попросишь их сесть.

— Не пререкайся, женщина, — взревел Себастьян, ощетинив усы.

— Простите его, сеньор, — сказала Мария, улыбаясь и влюбленно глядя на своего мужа, — он всегда волнуется, когда приезжают гости.

Лицо Себастьяна стало кирпично-красным.

— Волнуется? — с негодованием закричал он. — Волнуется? Кто волнуется? Я спокоен, как дохлая лошадь... Пожалуйста, садитесь, сеньоры... Тоже мне, волнуясь... Простите мою жену, сеньор, у нее талант к преувеличениям. Она бы сделала изумительную политическую карьеру, если бы родилась мужчиной.

Мы присели под деревьями, и Себастьян закурил небольшую, но едкую сигару и продолжал добродушно жаловаться на недостатки жены.

— Не надо было мне больше жениться, — признался он. — Беда в том, что мои жены не переживали меня. Я теперь женат в четвертый раз. Хороня каждую свою жену, я говорил себе: «Себастьян, больше ты никогда не женишься». Потом вдруг... раз!.. и я снова женат. Мой дух хочет оставаться в одиночестве, но плоть слаба, а вся беда в том, что у меня больше плоти, чем духа.

Он уныло посмотрел на свое великолепное брюхо, а потом поднял голову и подарил нас широкой обезоруживающей улыбкой, сильно обнажив десны, в которых сидели остатки двух зубов.

— Наверно, я всегда буду слабым, сеньор... да и мужчина без жены все равно, что корова без вымени.

Мария принесла мате, и маленький горшочек пошел по кругу. Пока мы по очереди потягивали напиток через тоненькую серебряную трубочку, мой друг объяснил Себастьяну, зачем я приехал в поместье. Гаучо воодушевился, а когда мы сказали, что ему, возможно, придется сниматься в фильме, он взбил усы и бросил на жену лукавый взгляд.

— Ты слышала? — спросил он. — Меня будут показывать в кино. Попридержи-ка язык, моя девочка, потому что, когда женщины в Англии увидят меня на экране, они все приедут сюда добиваться моего внимания.

— С чего это они сюда приедут, — сказала его жена. — Такого добра, наверно, везде много.

Себастьян удовлетворился тем, что бросил на нее уничижающий взгляд, а затем повернулся ко мне.

— Не беспокойтесь, сеньор, — сказал он. — Я сделаю все, чтобы помочь вам в вашей работе. Я сделаю все, что вы хотите.

Он сдержал слово — в тот вечер мой друг уехал в Буэнос-Айрес, и следующие две недели Себастьян почти не отходил от меня. Энергия у него была изумительная, темперамент — огненный, и вскоре он полностью заправлял всеми моими делами. Я просто говорил ему, чего я хочу, и он делал. И чем необыч-

нее и труднее были мои просьбы, тем с большим удовольствием он выполнял их. Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь умел так заставлять работать людей, как Себастьян, и интереснее всего, что делал он это, не уговаривая, не умащая, а оскорбляя и высмеивая, употребляя множество блестящих сравнений, которые не раздражали людей, а заставляли их корчиться от смеха и работать усерднее.

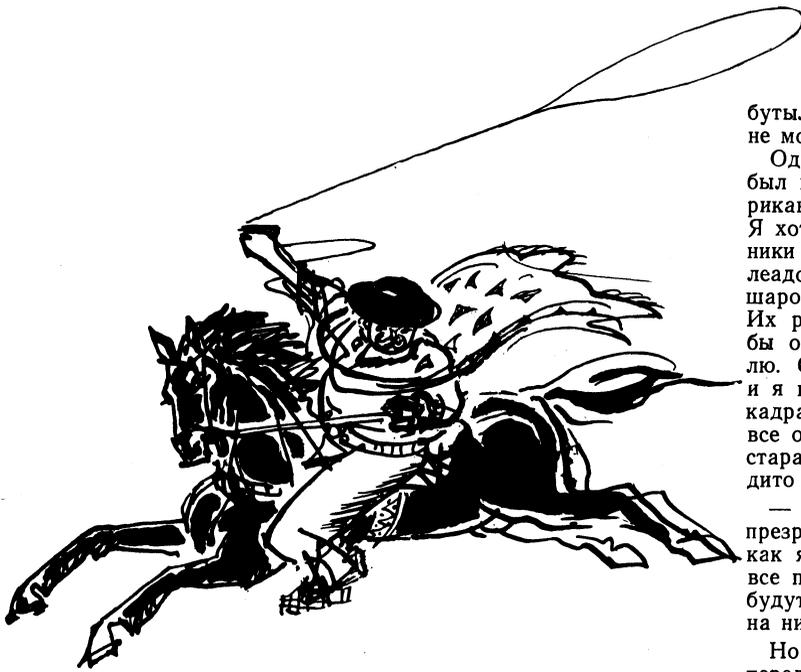
— Вы посмотрите на себя, — ядовито орал он, — вы только посмотрите на себя... двигаетесь, как улитки на костылях... Меня удивляет, что лошади не пугаются вас, когда вы переходите в галоп, даже я слышу, как ваши глазные яблоки гремят в ваших пустых черепах... Если собрать все ваши мозги, их не хватит даже на то, чтобы сварить суп для клопа...

И пеоны радостно хохотали, удваивая свои усилия. Считая его шутником, люди, разумеется, очень хорошо знали, что он не требует от них того, что не может сделать сам. И вряд ли нашлось бы дело, с которым бы он не справился — среди пеонов о какой-нибудь невыполнимой задаче всегда говорили как о чем-то, что «даже сам Себастьян не может сделать». Верхом на крупном вороном коне, в своем пурпурно-голубом пончо, складками ниспадавшем с плеч, Себастьян был живописной фигурой. Он галопировал по поместью и, бросая со свистом лассо, показывал мне различные способы поимки молодых быков. Этих способов примерно шесть, и всеми Себастьян владел одинаково искусно. Чем быстрее мчалась лошадь, чем пересеченнее была местность, тем, казалось, точнее были его броски, и у вас создавалось впечатление, что бычок, как магнитом, притягивает к себе лассо и что Себастьян не может промахнуться.

Если Себастьян был мастер лассо, то по части бича он был гением. Он никогда не расставался с этим смертоносным оружием, состоявшим из короткой ручки и длинного тонкого жала. Я видел, как он на полном скаку вытянул бич из-за пояса и точно срезал верхушку чертополоха. Вышибить сигарету из губ курящего было для него детской забавой. Мне рассказывали, что в прошлом году один приезжий выразил сомнение по поводу способности Себастьяна управляться с бичом, и Себастьян доказал ее, располозова рубашку на спине этого человека и при этом ни разу не задев кожи. Хотя в качестве оружия Себастьян предпочитал бич (он был

Рисунки И. ГОЛИЦЫНА





как бы продолжение его руки), он также очень ловко владел ножом и топориком. Последним он мог расщепить спичечную коробку надвое с расстояния в десять шагов. Положительно, Себастьян был не тот человек, с которым следовало бы портить отношения.

По большей части мы с Себастьяном охотились ночью, когда животные, ведущие ночной образ жизни, выходят из своих нор. Вооружившись факелами, мы покидали поместье тотчас после наступления темноты и возвращались обычно где-то между полуночью и двумя часами ночи, добыв два-три экземпляра животных. В этой охоте нам помогал любимый пес Себастьяна, ублюдок очень преклонных годов, зубы которого были съедены до основания. Это животное было превосходной охотничьей собакой, так как если даже оно ловило дичь, причинить ей вред беззубыми челюстями оно не могло. Загнав какого-нибудь зверя, собака давала нам знать, где находится.

В одну из таких ночей я увидел, как велика была сила Себастьяна. Собака обнаружила броненосца. Нас было трое — Себастьян, я и один пеон. Преследуя броненосца, мы с пеоном обогнали Себастьяна, у которого была далеко неспринтерская фигура. Мы с пеоном подбежали к норе в тот самый момент, когда в ней наполовину исчез броненосец. Мы бросились на траву — я схватил броненосца за хвост, а пеон — за задние ноги. Броненосец вонзил длинные когти передних лап в стены норы и закрепился так, словно его залили бетоном. Потом животное вдруг рванулось, и пеон выпустил его ноги. Броненосец протискивался все дальше в нору, и я почувствовал, как хвост выскальзывает из моих рук. В этот момент подоспел тяжело дышавший Себастьян. Он оттолкнул меня, схватил броненосца за хвост, расставил ноги по обе стороны норы и дернул. Полетели комья земли, и броненосец выскочил из норы, как пробка из

бутылки. Одним рывком Себастьян сделал то, с чем не могли справиться двое.

Одним из существ, которое мне хотелось снять, был южноамериканский страус. Подобно своему африканскому кузену он бегаёт, как скаковая лошадь. Я хотел заснять старинную охоту на страусов. Охотники преследуют страусов верхом и вооружены булавами. Это оружие состоит из трех деревянных шаров, соединённых довольно длинной веревкой. Их раскручивают над головой и бросают так, чтобы они опутали ноги птицы и повергли ее на землю. Себастьян организовал для меня такую охоту, и я весь последний день снимал ее. Так как в этих кадрах должно было появиться много пеонов, то все они с утра вырядились в свои лучшие костюмы, стараясь перещеголять друг друга. Себастьян сердито обзирал их со своего коня.

— Посмотрите-ка на них, сеньор, — сказал он, презрительно сплевывая. — Все разоделись, сияют как яйца куропатки и возбуждены словно щенки, и все потому, что они думают, будто их глупые рожи будут показывать в кино... Мне противно смотреть на них.

Но я заметил, что и он тщательно расчесал усы перед началом съемки. Мы провели целый день на палящем солнце, и, отсняв последнюю сцену, все нуждались в отдыхе — все, кроме Себастьяна, разумеется, который, казалось, ни чуточки не устал. По дороге, домой он сказал мне, что устраивает прощальный вечер в мою честь, и на нем будут присутствовать все обитатели поместья. Будет много вина, танцев, песен — его глаза сияли, когда он говорил об этом. У меня не хватило духу объяснить ему, что я смертельно устал и хочу спать. Пришлось приглашение принять.

Праздество состоялось в дымной кухне, освещенной дюжиной мерцавших керосиновых ламп. Оркестр состоял из трех гитар и играл очень живо. Нет нужды говорить, что душой общества был Себастьян. Он выпил вина больше всех и все же остался трезв; он играл на гитаре; он пел очень много песен — от вульгарных до патетических; он съел колоссальное количество закусок. Но, кроме всего прочего, он танцевал, танцевал неистовые танцы гаучо с такими прыжками и приседаниями, что дрожали балки под крышей. Шпоры его высекали искры из каменных плит пола.

Мой друг, приехавший за мной из Буэнос-Айреса, появился в середине вечера и присоединился к веселью. Мы сидели в углу, пили вино и наблюдали за пляшущим Себастьяном, а пеоны хлопали в ладоши и одобритительно орали.

— Какая невероятная энергия, — заметил я. — Он работал сегодня больше всех, а теперь никто не может его переплясать.

— Вот что делает с человеком жизнь в пампе! — откликнулся мой друг. — И все-таки это удивительно для человека его возраста, верно?

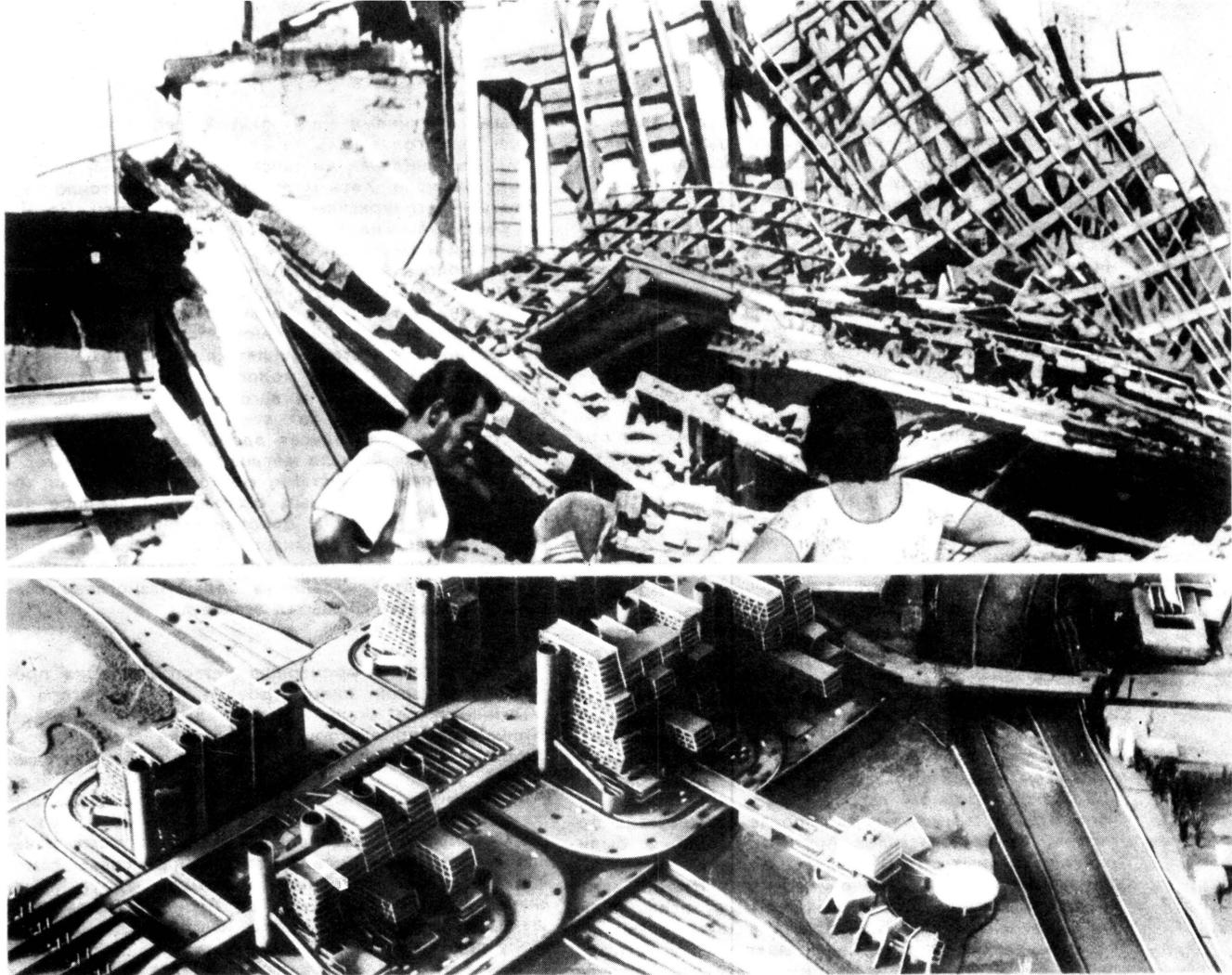
— А сколько же ему лет? — спросил я между прочим.

Мой друг удивленно посмотрел на меня.

— Разве вы не знаете? Примерно через два месяца Себастьяну исполнится девяносто пять.



Перевел с английского  
Д. ЖУКОВ



В. ПОНИЗОВСКИЙ

## КАПЛЯ КРОВИ

**С**права — облицованные ледниками горные громады. Под нами — ровное, выжженное солнцем Косово поле с петляющим руслом Вардара. А впереди — вставшие из марева башни большого города.

— Скопле! — показал на дома летчик.

Я припал к иллюминатору. Самолет пошел на посадку. И мне тогда особенно явственно, буквально во всех деталях, в красках и перепадах настроений и чувств вспомнилась история, которая кровно связала меня и еще двадцать пять советских ребят с жителями этого города.

Это было четыре года назад...

Мы показывали ладони, на которых синим химическим карандашом было написано «А+» или «А—», «В+» или «В—», или еще какой-нибудь знак. Мы называли свои фамилии и свои страны. Парень в форме бойца югославской Народной армии заполнял бланк. Другой парень, как этикетку, наклеивал этот бланк на банку, из которой торчал белый рубчатый шланг, и давал каждому маленький значок на булавке — алую каплю крови.

С банками в руках мы друг за другом прохо-

дили в соседнюю комнату, болезненно белую и настоящую на запахе камфоры, ложились на высокие, застланный белой пахучей клеенкой стол. И лежали, пока банка с этикетками не наполнится нашей кровью.

Потом мы уступали стол другим — очередь была длинной, и желающие бунтовали в узком коридоре.

Немного пошатывало, немного шумело в голове, как в первую минуту после приземления на аэродроме. Особенно на солнце, на пирсе, когда собирались у катера «Нептун» и ждали еще «не сдавших».

Потом все расселись на скамьях вдоль бортов. Рядом со мной сидел Ваня Корнийчук, студент из Ужгорода, скромняга парень. Он обычно мало говорит, зато много думает и слушает. И часто улыбается. Сейчас он тоже улыбался. И, глядя на

---

**ЕСЛИ ПАРНИ ВСЕГО МИРА...**

него, я почему-то вспомнил: он копил деньги на выходной костюм. А потом, когда скопил, взял и купил туристскую путевку в Югославию, пусть костюм пока повисит в магазине. Рядом с Ваней сидели Вера Штырова и Нина Панкова, учительницы с Алтая. Впрочем, Нина стала сибирячкой совсем недавно — после того, как окончила пединститут в Подмоскowie. А еще сидели на скамьях «Нептуна» (отчего-то вспомнилось: «На златом крыльце сидели...») самая молодая из нас — телняница Таня Яровая, задумчивая Маша Томашкевич — медсестра, студент и шахтер Степан Вошук, комсомольский работник из Минска Ян Дерч и другие. А попеременно с нами — югославы, итальянцы, англичане, французы, датчане и два немца. Мы плыли по игравшему волной морю. Локоть каждого из нас был одинаково туго перебинтован, а на рубахе у каждого была приколата булавка с поблескивавшей алой каплей. И мы знали: это и есть братство, хотя об этом и не стоит говорить.

Да мы и не говорили. Мы возвращались к себе, в наш лагерь.

Этот лагерь на берегу Адриатического моря — Ядран-моря, как называют его югославы, — стал «нашим» всего два дня назад, накануне катастрофы. Море у полуострова Истрия лениво и по утрам прохладно. Море здесь великолепное, хотя и не такое синее, как на ультрамариновых открытках и проспектах. По утрам оно белесое, днем — зеленатое, удивительной чистой прозрачности. Можно даже сравнить с хрусталем, только это будет не совсем точно, потому что в глубине оно зеленое.

В международном лагере, куда мы приехали, чтоб отдохнуть и позагорать после путешествия по стране, самих югославов почти не было, а были люди из разных стран, но больше всего — из ФРГ.

В столовой тон задавали они — громче всех говорили, громче всех пели и больше всех пили пива. Когда мы впервые вошли в стеклянный аквариум зала, некоторые, не скрывая улыбок, уставились на нас. Почему-то мы им сразу не понравились, хотя не успели еще и рта раскрыть.

Девушка лет двадцати — Ингетраут Кольбах, как мы узнали позже, студентка из Трира, обернулась к своему соседу Зигфриду и сказала:

— А, вот и наше организованное стадо прибыло.

— Подожди, мы еще устроим с ними дискуссию о моральном кодексе современного человека! — в тон ей отозвался Зигфрид.

Перед ужином, когда стали подползать сумерки, один из западных немцев, сутулый и длиннорукий, подошел к нам и попросил, чтобы мы подарили ему «Ленин-абцайхен» — значок на подвеске, он давно хочет иметь именно такой. Мы пообещали принести в столовую.

— Лучше я подожду там, — показал он в густую тень под платаном.

Сразу после ужина начались танцы, тут же около столовой, у искусственного пруда, подсвеченного цветными фарами.

Я отыскал глазами Ингетраут и Зигфрида. Вид у Зигфрида был предельно безразличный. Он так и не снял черные очки, хотя солнце сменили голубоватые люминесцентные плафоны. Время от времени Зигфрид опускал голову на плечо партнерши или прикасался влажными губами к ее глазам, губам, шее. Ингетраут была эффектная — с голубым бантом в черных, пронизанных лентой искусственной седины волосах, с крупными, в грецкий орех, го-

лубыми бусинами на открытой шее. Глаза у нее были тоже голубые.

Мы не танцевали ни твист, ни пришедший ему на смену мэдисон. Хотя мэдисон, пожалуй, стоило танцевать — это красивый и ритмичный танец. Но мы не умели. Мы сидели на плетеных стульчиках около площадки и смотрели. Зигфрид и Ингетраут поворачивали головы в нашу сторону и прыскали от смеха.

Почему? Может быть, их развлекала длиннейшая, до колен, темная коса Веры Штыровой или выносливые брюки Вани Корнийчука? Или то, что мы приехали не просто поваляться на белых камнях Адриатики, а до этого колесили по всей стране в стеклянных автобусах и вагонах? Я уже знал, что сама Ингетраут Кольбах все лето раскатывала на собственном «мерседесе» вдоль Венецианского залива и вот уже больше месяца живет в этом лагере.

...За соснами и кустами, резко освещенными холодным люминесцентным светом, были черное небо и черный залив. И цепочки огоньков рыбацких барок, в которых ловили ставриду на свет прожекторов. В искусственном пруду светились цветные фары — будто глядели из воды разноглазые чудища. И звенел, громышал оркестр.

А на рассвете произошла катастрофа. Она произошла за сотни километров от нашего лагеря, и мы ничего не знали. Потом хлынули сообщения. Кричали репродукторы, шепелявили транзисторы. Люди вырывали друг у друга экстренные выпуски газет.

Первый подземный удар остановил часы на железнодорожном вокзале в Скопле в 5 часов 17 минут. Город еще спал. Пятью минутами раньше с аэродрома Скопле стартовал рейсовый самолет. Он делал круг над городом, и вдруг пассажиры увидели, как внизу, по обоим берегам Вардара, рушатся дома, целые кварталы домов, и к небу поднимаются клубы пыли.

Эпицентр землетрясения находился под главной площадью города. Первый толчок был в десять баллов. Он продолжался двадцать секунд. За двадцать секунд целый город — третий по величине и один из красивейших в Югославии — превратился в руины. 170 тысяч человек остались без крова. Сто... двести... тысяча человек погребены под развалинами. Число жертв росло с каждым часом, а подземные толчки продолжались.

К вечеру в лагере — на стенах спальных корпусов, на дверях столовой и конторы — появились белые листы с красными крестами и черным типографским текстом:

«В связи с трагедией, которая случилась в Македонии, просим граждан добровольно дать кровь для раненых. Те, кто желает сдать кровь, могут прийти в Дом народного здоровья.

Райком Социалистического трудового народа Югославии».

Вечером все собрались у танцплощадки. Вместо микрофона толпились переводчики.

— Другари, просим почтить минутой молчания память погибших в Скопле!

Все встали. Было очень тихо. Только военными зуммерами пронзительно звенели цикады. Я оказался рядом с Зигфридом. Он тоже стоял молча, опустив руки по швам. Лицо его сделалось пункцовым. И я увидел, что он с трудом сдерживает смех.

Переводчики на разных языках зачитывали текст

«Призыва» и объявляли, что запись желающих начнется в шесть утра в канцелярии.

Мы пришли в контору за несколько минут до шести, чтобы быть первыми. Но оказалось, что девятнадцать номеров в списке уже заполнены. Самой первой стояла фамилия Степана Стояновича, директора лагеря. Потом — сотрудника МИДа Влады Обрадовича и всех югославских ребят-студентов, подрабатывавших в лагере в качестве официантов, маляров и строителей.

Но зато нас было двадцать пять. Целая страница тетради в крупную клетку.

Пришли худой заспанный верзила и маленькая женщина. Верзила держал ее за плечо, почти не сгибая руку в локте.

— Где запись?

И поставил: «Миссис и мистер Томас».

Пришли две датчанки-студентки — Эльза Янсон и Ида Динсен...

Когда собралось человек шестьдесят, из Ровиня протарахтел катер «Нептун».

— Ну, а где же ребята из ФРГ? — не удержавшись, спросил кто-то, глядя на приезжих. — Ведь их в лагере полно!

— Некоторые сделали взносы, подарили по пять тысяч динаров, — сухо сказал директор.

— Мы из ФРГ, — послышался голос с кормы.

Я обернулся и увидел знакомого сутулого немца и еще одного парня.

Из нешироких дверей Дома народного здоровья вылез длинный хвост очереди, он спустился по лестнице и завернулся клубком...

Мы вернулись в лагерь в полдень. Мы сходили с катера гуськом. Разные. Но у каждого из нас локоть был туго стянут белым бинтом.

Группа парней и девушек стояла на берегу и смотрела на нас. Я увидел Зигфрида и Ингетраут. Они показывали на нас пальцами и смеялись. Мне только не было теперь понятно, на кого они все-таки показывали: ведь шли и югославы, и англичане, и французы, и датчане, и те двое из ФРГ...

Минуло уже много времени с того дня. И вот в прошлом году я приехал в Скопле. Да, город еще хранит следы трагедии. На разрушенной стене вокзала стрелки часов так и показывают пять семнадцать. И трещины на старых домах — как заживленные шрамы на лице человека. И бараки-временки. И много пустырей. Да и трудно было бы предположить, что город, первый камень которого был заложен древними иллирийцами много столетий до нашей эры, за такой короткий промежуток времени может восстать из праха. Но стоят шеренги новых белых кварталов в самом городе — и восемнадцать новых поселков окрест. Новые школы и клубы, кинотеатры и библиотеки. Восстановлены старые промышленные предприятия, построены новые.

И все же главная примета Скопле — не новые дома, а многолюдные улицы. Теперь здесь населения на сорок тысяч человек больше, чем было до того драматического июля. Как раз в те дни и вечера, когда я бродил по его говорливым улицам, в Скопле проходила международная Неделя солидарности, посвященная четвертой годовщине со дня катастрофы.

Древний город вновь вздымает свои стены по берегам Вардара. Он живет. Он строится. Он улыбается. Он любит. И наверное, помнит людей, которые ему помогли.



Л. ВАДИМОВ

## МАСКИ «ЦАМА»

„...Да будет навеки усада с миром без войны, со здоровьем без боли, с зимой без снега, с пастбищем, всегда покрытым травой...»

У народа не было своей письменности, и только память человеческая берегла эти великие строки народного эпоса. И были хранители этой памяти, ходившие от кочевья к кочевью хурчи и улигирчи — певцы и сказители... И когда над кочевьями зажигались первые звезды, а около юрт, застывших среди бесконечной — от горизонта до горизонта — монгольской степи, вспыхивали недолгие костры, они рассказывали о подвигах легендарного Гесерхана, справедливого и храброго батыра. Свои рассказы они перемежали танцами и пантомимами, по-

Сокровища  
НАЦИОНАЛЬНЫХ  
культур



вестующими о борьбе Гессер-хана против злых сил.

Постепенно все более и более усложнялись эти представления, все более и более канонизировались отдельные сцены, которые органично переплетались с другими традиционными народными танцами и пантомимами, издавна сопровождавшими в Монго-

лии свадьбы, рождения, праздники урожая... Так зародился в Монголии театр — один из древнейших и наиболее массовых видов монгольского народного искусства. И когда в XVII веке вместе с ламаизмом из Тибета проник в Монголию буддистский праздник — пантомима «Цам», он быстро впитал в себя элементы народного монгольского



театра. А среди масок этой пантомимы, масок богов и чудовищ появляются персонажи народных сказаний.

...И после того как под звуки духового инструмента — ганлина доходили до предельного накала пляски свирепых божеств-докшитов, после танца Джамсарана—бога войны, с головой, увенчанной

пятью черепами, на сцену выходил... веселый и добродушный старик, который своими комическими прыжками веселил собравшихся, — Цаган-убугун, покровитель всех скотоводов.

...Сейчас маски «Цама» словно отдыхают от своих многовековых плясок за стеклами музеев.

**Фото А. ГОРЯЧЕВА**

# РУЧЕЙ НА ЯПЕТЕ

▼ со стр. 40

Торопить их не придется. — Он почувствовал, что начинает испытывать даже симпатию к людям с рудовоза, которые так хорошо все поняли. — Вызываю Землю! Он повернулся к пультам, но Брег сказал:

— Погоди. Этот сейчас стартует, мы не пробьемся сквозь помехи.

— А ничего этот кораблик, если его оттереть, — сказал Сивер. — Даже жаль, что ему больше не придется летать.

— Об этом не нам судить.

— Уверен, что он вылетал уже все сроки.

— А вот посмотрим, — сказал Брег. Он подошел к библиотечному шкафчику, который гостеприимно раскрылся перед ним, и, порывшись, обнаружил справочник космического регистра между томами Салтыкова и Стендаля. Полистав его, Брег пожал плечами и сказал: — Такого названия все же нет. Ничего связанного с Солнцем. Впрочем, погоди-ка... — Он снова занялся справочником.

Сивер уселся поудобнее, подвинул пульт по столу, принаравливаясь.

— Попробуем свет... — пробормотал он и повернул выключатель. Сильные прожекторы «Ладоги» извергли потоки света. Сивер немного подумал, промывчал что-то и включил главный прожектор, укрепленный в поворотной опрае на самом носу. Обшивка рудовоза вспыхнула, словно холодное пламя охватило ее.

— Вот, — сказал Сивер, — то, что требовалось. А что это он? Погляди-ка...

Брег повернулся к экрану монитора. Было видно, как корабль замигал ходовыми огнями.

— «Благодарю», — вслух прочитал Брег.

Сивер усмехнулся.

— Думают, что это в их честь иллюминация, — сказал он.

Огни все мигали.

— «Счастливо оставаться», — прочитал Брег. — Слушай, — сказал он торопливо, — они и в самом деле стартуют! У них еще есть время, но они стартуют!

— И хорошо, — сказал Сивер.

— Ты отдал сверло?

— Нет, — сказал Сивер. — Забыл.

— Напрасно, — сказал Брег. — Так не делают. — Он не спеша достал сверло из инструментальной сумки и стал ногтем счищать загустевшую, перемешанную с пылью смазку с хвостовика инструмента. Затем коротко выругался. Сивер недоуменно поднял брови. Через секунду он настиг Брега в гардеробной, пилот рвал скафандр из зажимов.

— Вызывай же их! Быстро! — прорычал Брег.

Сивер пожал плечами.

— Они уже втянули антенну. Ну, что там, старая железка, стоит ли? — Но все же стал влезать в скафандр, который Брег уже держал перед ним. В тамбуре пилот танцевал на месте от нетерпения. Они выскочили из станции в тот миг, когда корабль трижды промигал: «Внимание... Внимание... Внимание!» Брег резко остановился, хватаясь за глыбы, чтобы не взлететь высоко.

— Смотри! — сказал он негромко. Согнутые ноги амортизаторов стали медленно выпрямляться в коленях, словно присевший корабль хотел встать во весь рост; в то же время он еще и вставал на цыпочки, упираясь теперь в грунт лишь концами пальцев, и дальше — становясь на пуанты, как балерина. Ровно обрезанный снизу корпус поднимался все выше, но не весь: нижняя, самая широкая часть его так и осталась на уровне приподнявшихся пяток, с которыми была намертво связана, а остальное уходило вверх, вверх...

Брег опустил на колени и стал смотреть снизу вверх. Нос корабля поравнялся с вершиной «Ладоги» и продолжал расти. Брег, наконец, увидел, что хотел, потому что быстро поднялся и ухватил Сивера за плечо.

— Немедленно назад! — прокричал он. — В станцию! Ну же!

Сивер возразил:

— Лучше посмотрим отсюда, мне не приходится видеть...

— И не придется, кретин! — рявкнул Брег и толкнул Сивера ко входу. В станции они, не снимая скафандров, кинулись к монитору.

Корабль теперь стоял неподвижно. Брег повернулся к пультам и начал поворачивать внешние камеры так, чтобы они смотрели на корабль снизу вверх и давали

самым крупным планом. Сивер взглянул на экран, на Брега, опять на экран; объективы приблизили нижнюю часть корабля и взглянули на нее искоса вверх, и Сиверу показалось, что он увидел бездонное озеро с тяжелой, спокойной водой, знающей, что под нею нет дна.

— Понял? — крикнул Брег.

Сивер не успел ответить.

Скалы дрогнули. Сивер ухватился за стол: планету качало. Миллионы фиолетовых стрел ударили в камень. Полетели осколки. Сивер замычал, мотая головой. Корабль висел над поверхностью Япета, выпрямившийся, стройный. Фиолетовый свет исчезал, растворялся, становился прозрачным и призрачным, но люди с «Ладоги» представляли, какой ураган гаммаквантов бушует теперь за стенами станции. Корабль поднимался все быстрее.

— Мои камеры! — закричал Сивер. — Черт бы его взял!

Он быстро переключил. Первая камера ослепла, дождь осколков еще сыпался сверху. Сивер вновь включил вторую. Корабль был уже высоко, он светился, как маленькая, но близкая планета.

— Красиво, — уныло сказал Сивер. — Он мне удружил. Все шло так хорошо, и под конец разбил камеру.

— Да зачем тебе камера?

Сивер покосился на пилота.

— Кто мог знать, что рудовоз окажется на фотонной тяге?

— Да почему рудовоз? — с досадой спросил Брег. — Кто сказал, что это рудовоз?

Несколько секунд они молчали, глядя друг на друга.

— Да нет, брось, — сказал Сивер. — Не может быть.

— На, — сказал Брег.

Он толкнул толстое сверло, и оно покатилося по столу, рокоча.

Сивер взял сверло и прочитал выбитую на хвостовике, едва заметную теперь надпись: «Синяя птица». И следующей строчкой: «Солнечная система».

7

— Их так и делали, первые субзвездолеты, — сказал Брег, — при посадке они складывались, корпус почти садился на зеркало. Если на планете плотная атмосфера и ураганные ветры, им ина-

че было бы не устоять. Ждали, что такие планеты будут. Гордились, что впервые в истории вышли за пределы солнечной системы. Эта надпись под названием — от такой гордости. Она, конечно, не для тех, кто мог с нами встретиться: они все равно ее не поняли бы. Она для самих себя. Для тех, кто летел и кто оставался. Солнечная система! Как сразу милее становится свой дом, когда смотришь на него со стороны!

— Ага, — без выражения сказал Сивер. — Вот как. — Он сидел на стуле и глядел на земной пейзаж на стене. Вода все еще булькала в желобе, в единственном ручье на Япете. Сивер поднялся и выключил воду. — Мы его не догоним? — спросил он равнодушно.

— Нет, — ответил Брег, — у нас же автомат разобран.

— Ну да, — сказал Сивер, — вот и автомат разобран. — Он умолк. Брег выключил камеру, потом начал отсоединять кабель от пульта.

— Погоди, — сказал Сивер. Брег взглянул на него.

— Чего ждешь? — спросил он. — Больше ничего не будет. — Он надел на кабель изолирующий наконечник и тщательно завинчивал его.

— Ну да, — повторил за ним Сивер. — Больше ничего не будет. — Что будем делать с кабелем? — спросил Брег.

— Оставим, — сказал Сивер. — Кому-нибудь пригодится. Только не мне... Если это были они... Я хамил. Почему они не сказали? А я даже не подумал... Вернее, подумал, но не понял. Я дурак!

Брег сказал:

— Наверное. Ничего, ты еще молод, а они — не последние герои на Земле и в космосе.

— Молчи, не надо, — сказал Сивер.

— А я и молчу, — сказал Брег.

Они вышли из станции и направились к кораблю. Сивер сказал: — И все же почему?..

Брег ответил:

— Наверное, они не хотели легенд. Они хотели просто выпастыся или посидеть, опустив ноги в воду. У них на корабле нет ручья. — Кончив закреплять груз, оба поднялись вверх и сняли скафандры.

— Да, — сказал Сивер, — а на Япете они нашли ручей. А пейзаж был плохой.

— Им было все равно, — проговорил Брег. — Им была нуж-

на Земля. — Он подошел к автомату. — Займемся-ка трудотерапией: замени вот эту группу блоков.

— Давай, — торопливо согласился Сивер и стал вынимать блоки и устанавливать новые. Потом, вынуд очередной сгоревший, он швырнул его на пол. — Нет, — сказал он, — все не так. Это не они! Там не было человека с фамилией Край. Совершенно точно! Ну, проверь по справочнику! — Он вытащил корабельный справочник из ящика с наставлениями и техническими паспортами. — Ну, посмотри!

— Да нет, — ответил Брег, прозванивая блоки, — я тебе и так верю.

— Нет! — сказал Сивер. — Нету! Понятно?

— Тогда посмотри, нет ли такой фамилии в другом месте, — сказал Брег, задумчиво глядя мимо Сивера. — Поищи, нет ли такого в экипаже «Летучей рыбы».

— «Летучей рыбы»?

— Той самой, что не вернулась отсюда.

Пожав плечами, Сивер перелистал справочник. Он нашел «Летучую рыбу», прочитал и долго молчал.

— Кем он был там? — спросил Брег после паузы.

— Штурманом, — сказал Сивер, едва шевеля губами.

Они снова помолчали.

— Они садились там, — тихо сказал Брег. — Сиделись, чтобы спасти его — единственного уцелевшего. Да так оно и должно быть.

— Сиделись на лиганте и смогли подняться?

— Выходит, так, — сказал Брег. — Не сразу, наверное. — Он снова нагнулся к автомату, а Сивер еще стоял неподвижно, потом медленно потянулся за очередным блоком и стал срывать с него предохранительную упаковку.

— Выходит, их осталось всего трое, считая со спасенным? И они смогли привести корабль?

— Да, — сказал Брег, — спать им было, пожалуй, некогда.

— Но ведь, — нахмурился Сивер, — в живых должно остаться восемь!

Брег грустно взглянул на Сивера.

— Просто мы оптимисты, — сказал он. — И если слышим число «три», то предпочитаем думать, что это погибшие, а вернутся восемь. Но иногда бывает наоборот. — Он взял у Сивера блок

и аккуратно поставил его на место, затем проверил.

— По-твоему, лучше быть пессимистом? — спросил Сивер обиженно.

— Нет. Но оптимизм здесь в том, что трое вернулись оттуда, откуда по всем законам не мог возвратиться вообще никто.

Брег установил на место фальшпанель автомата.

— Ну, можно лететь, — сказал он.

Сивер уселся в кресло.

— Жаль, — сказал он, — что нельзя махнуть куда-нибудь подальше от Земли.

— Нельзя, — сказал Брег и включил реактор. Замерцали глаза приборов, пульт стал похож на звездное небо.

— Он слепой, Край, — сказал Сивер, — он больше не видит звезд. Я думал, он потерял глаза на рудниках.

— Нет, — Брег покачал головой, — на рудниках пилоты даже не выходят из рубки, там вообще нет людей, автоматика.

Сивер только зажмурился.

— Слушай, — спросил он, — а если бы ты был все время со мной, ты разобрался бы?

Брег ответил, помедлив:

— Думаю, что да. Для меня каждый пилот — герой, если даже он и не был на лиганте, а просто возит руду с Япета на Титан. Потому что и в системе бывает всякое. Ну, уселся?

Сивер опустил голову, кивая, и не поднял ее.

— Что мне скажут на Земле? — пробормотал он. — Меня теперь куда больше не пошлют.

— Нет, отчего же, — утешил Брег, — пошлют со временем. Но вот они — они никогда уже не будут возвращаться в солнечную систему и останавливаться на Япете. Это бывает раз в жизни и, наверное, могло получиться иначе. — Он несколько раз зажег и погасил навигационные огни, затем трижды промигал слово «внимание», хотя внизу не осталось никого, кто нуждался бы в предупреждении.

— Я хотел... — отчаянно сказал Сивер.

— Да что ты мне-то объясняешь! — сказал Брег. Он положил руку на стартер, автоматически включилась страхующая система.

— Действует, — слабо улыбнулся Сивер.

— Теперь его хватит надолго, — ответил Брег. — Наблюдай за кормой.



УИЛЬЯМ НЕГЛИ

## С ЛУКОМ НА ЛЬВА

Охота с луком несколько тысяч лет назад была смертельно опасным, но жизненно необходимым делом. Сейчас она стала спортом. Но от этого, конечно, не стала менее опасной: неверно пущенная стрела может стать для охотника-спортсмена последней. Ведь он



# С КРЮЧКОМ НА КРОКОДИЛА

Мне не раз доводилось разговаривать с охотниками на крокодилов. Однако никого из них я не видел в деле.

Но однажды мне повезло. Меня познакомили с человеком по имени Дарси, о котором шла слава как об «охотнике из охотников» на всем побережье залива Карпентария, что на самом севере Австралии.

К моему удивлению, не стоило больших трудов упросить его взять меня на охоту: Дарси «шел войной» на крокодила-людоеда.

— Охотиться будем на Ропера. На этой реке крокодил объявлялся уже несколько раз. Его пытались подстрелить, но безуспешно. Местные жители в панике.

Итак, мы погрузили на «лендровер» все то, что нам могло пона-

добиться для охоты, и отправились на Ропера.

До Ропера нужно было ехать целых два дня, и за это время любопытство не один раз заставляло меня возвращаться к разговору о страшном крокодиле, но Дарси либо невозмутимо молчал, либо отделялся скупыми фразами.

— Узнаем, когда приедем, — говорил он. — Пока все это только слухи. Мало ли что говорят!..

— А как вы считаете, нам удастся его... ну хотя бы увидеть?

— Повезет — увидим, если он еще там...

Крокодил все еще был там и наводил ужас на аборигенов, которые разбили стоянку на обоих берегах реки. Накануне нашего

приезда он перевернул каноэ, в котором сидела девушка.

Крокодил появился здесь, по-видимому, месяца два назад. Впервые его заметили, когда он плыл к берегу со сковородкой в пасти. На следующий день хищник схватил собаку...

Люди здесь были накрепко привязаны к реке: рыбачили и охотились в ее устье на дюгоной. А после того как крокодил утащил мальчика, который, стоя в каноэ, охотился с копьем на крабов, люди боялись даже подходить к воде.

— Дарси, вы думаете, что все это проделки одного крокодила? — спросил я у охотника.

— Скорее всего да.

Мы принялись готовиться к охоте. Дарси отобрал трех самых смекалистых юношей и долго о чем-то разговаривал с ними. В конце концов Дарси сказал, что уж завтра он непременно придумает, как лучше разделаться с «этим наглецом».

Утро Дарси начал с осмотра пятнадцати каноэ, вытасненных на берег специально для нас. Он выбрал самую маленькую лодку. Затем мы занялись проверкой своего снаряжения.

## На охотничьих тропах

ставит себя в те же условия, в которых находились первобытные люди.

Если же рядом, страхуя охотника, стоит человек с мощной винтовкой — то какая это охота? И где здесь спорт, если это похоже на самое простое убийство?

Я был уверен в том, что придет время и я докажу, хотя бы самому себе, что способен на безупречно «чистую» охоту.

Готовился я к ней долго. Каждый день часами стрелял из тяжелого лука, бегал на дальние дистанции. Иной раз неудачи в прицельной стрельбе приводили меня в отчаяние. Но в конце концов я почувствовал, что готов.

Я получил разрешение на охоту в Мавинской охотничьей концессии, в Анголе. Мне выделялся проводник и помощник Жоржи Альваса де Лима.

В базовом лагере я рассказал Жоржи об охоте с луком, похвастал своими успехами в стрельбе, но стоило мне заикнуться о том, что я отказываюсь от стра-

ховки, как Жоржи начал решительно протестовать. Тем не менее он продолжал внимательно следить за моими тренировками. В конце концов он понял, что я вполне серьезно отношусь к своим планам.

Мы вышли из лагеря ранним утром, пока еще стояла прохлада. Путь наш лежал к реке Ваямба, где, как нам сказали, два огромных льва терроризировали местное население. В то время мы еще, разумеется, не знали, что нам придется убедиться в этом на собственном опыте...

Мы прибыли на место уже к вечеру. Перед самым заходом солнца развесили приманки, соорудили для себя укрытие и стали поджидать появления гостей. Они объявились довольно скоро. Львы шли прямо на нас, не обращая никакого внимания на тушу антилопы, подвешенную в качестве приманки. По их степенному шагу мы поняли, что они уже успели пообедать двумя другими приманками, которые висели подалее

от нашей засады, и сейчас, по-видимому, интересовались в первую очередь содержимым нашего убежища.

Львы, которые живут в этих краях, отлично видят через густосплетение ветвей кустарника. Они знают, что колочая чаща зачастую скрывает людей. Мы почувствовали себя очень неудобно. У Жоржи было только двенадцатизарядное ружье-хлопушка, способное разве что вспугнуть мелкую дичь, а мне пускать стрелу было неподручно. Оставалось одно — ждать и надеяться на то, что, может быть, звери все же заинтересуются приманкой и оставят нас в покое. Но львы двигались прямо на наш заслон. Один заходил справа, другой слева. Тот, что слева, оказался у убежища первым. Он просунул свой нос между ветвей и стал рассматривать Жоржи буквально с расстояния четырнадцати дюймов. «Уж не напрашивается ли он нам в компанью?» — попытался я пошутить про себя. Второй лев остановился

— Дарси, а может, этот негодник — просто беззубый старик? Ведь говорят, что он очень большой. Может, ему лет двести?

— Он хоть и здоровенный, но это вовсе не значит, что он стар. Размеры не зависят от возраста. Взять людей — молодой человек может быть большого роста, а старик — маленького. Щенки одного помета вырастают и в больших и в маленьких собак. Лошади бывают большие и маленькие. Почему крокодилы должны отличаться от прочих животных? Нет, сначала нам нужно его увидеть.

Наконец мы столкнули в воду наше каноэ и поплыли вверх по течению. За вторым поворотом Дарси наклонился и резко, одним гребком, затормозил, но инерция была слишком велика, чтобы каноэ остановилось сразу же. Лодка продолжала идти прямо на большого черного крокодила, лежавшего изогнутой громадой на песке ярдах в трехстах от нас. У меня даже мурашки по телу побежали. Я начал грести в обратную сторону, но Дарси спокойно сказал:

— Мы опоздали. Он наблюдает за нами. Удерживайте каноэ так, чтобы вас он видел, а меня нет. Я ползу в воду. Старайтесь, чтобы он все время видел только вас. Отвлекайте его внимание, а я постараюсь подкрасться к нему.

Я загородил собою Дарси, и он, скользя с винтовкой за борт

каноэ, поплыл к берегу. Выйдя на берег, Дарси исчез между деревьями. Я маневрировал по излучине так долго, что Дарси, по моему, мог уже двадцать раз подкрасться к крокодилу. Наконец я снова увидел охотника. Он осторожно подбирался к берегу сквозь заросли. Но вдруг крокодил, сохраняя равнодушный вид, соскользнул в воду и исчез. Даже трудно было поверить, что он только что лежал здесь на солнышке.

Наконец Дарси выбрался на берег и глянул на то место, где прежде лежал крокодил. Потом он стал осматривать следы, а я погнал каноэ к берегу. Против ожидания Дарси не был обескуражен.

— Шестнадцать или семнадцать футов, — сказал он, показывая на отпечатки тела крокодила, четко вырисовывавшиеся на мокром песке. — Да, здоров...

— Но каким образом он узнал, что вы подкрадываетесь к нему? Может, вас выдал какой-нибудь шум?

— Нет, — сказал Дарси. — Я шел тихо. Но этот крокодил хорошо изучил людские хитрости. Возможно, его встревожило как раз отсутствие звуков.

— Значит, мы никогда не ущем его, — сказал я. Меня просто обескуражило предположение, что крокодил обнаружил Дарси именно потому, что тот подкрадывался совершенно неслышно.

— Не надо расстраиваться, — рассмеявшись, сказал Дарси. — Чем больше у него побед, тем бесцелнее он будет.

Ночью мы снова решили испытать свое охотничье счастье. Мы обнаружили крокодила на том же самом месте. Он долго смотрел на нас, пока мы не приблизились ярдов на сто, а потом точно так же, как это было днем, равнодушно плюхнулся в воду, сделал круг, нырнул и был таков. Но и эта неудача не поколебала оптимизма Дарси.

— Мы испробовали только два обычных способа, — сказал он как ни в чем не бывало. — Наш крокодил, наверно, уже знаком с такими штучками. Но у меня в запасе еще есть такая ловушка, в которую он непременно попадется...

Перед тем как возвратиться на нашу стоянку, Дарси повесил на ветку керосиновую лампу над тем местом, где мы оба раза видели крокодила.

— Это просто для того, чтобы ввести его в заблуждение. Я хочу, чтобы он покинул эту тихую заводь.

На следующее утро из деревни по указанию Дарси вышли две группы охотников. Одна группа отправилась вверх по реке, к колонии летающих лисиц. Другая — на поиски кенгуру.

— Если зам попадется динго,

## На охотничьих тропах

футах в десяти и тоже с любопытством уставился на нас...

Они стояли долго, не проявляя ни малейшего желания уйти. Мы растерялись. И вдруг Жоржи взо мной и скажи:

— А знаешь, Билл, правый лев хорош...

Я не нашел ничего лучшего, как ответить ему в тон:

— Совершенно верно. Очень даже приличный лев!

Потом-то мы посмеялись вдоволь над нашей непринужденной беседой, но в тот момент мы шутили от страха.

Львы не исчезали, и мы стали истошными голосами звать носильщиков. Но те не отзывались. Зато львов наш рев, похоже, смутил: они отошли на тридцать-сорок шагов и сели. Темнота сгустилась. Мы полоснули по львам лучом фонарика. Никакого результата. Трудно сказать, как повернулись

бы события дальше, но тут послышались громкие крики носильщиков. Видимо, это-то и заставило обоих шутников убраться в свои.

Утром, проверив приманки, мы увидели, что антилопы обглоданы до косточки. Теперь мы не сомневались: после обильной пищи львы пойдут на водопой. Мы отправились на их поиски на машине.

Львов мы обнаружили на опушке леса. Я перебрался в открытый кузов и натянул тетиву. Львы, увидев нас, стали уходить быстрой рысью. В дикой тряске Жоржи вел вездеход между деревьями. Я не спускал с прицела большого льва, но тот быстро уходил в чащу. Вскоре мы потеряли его из виду и остановились.

Я решил было вылезти, перебраться через борт и... замер: лев был в пяти шагах от нас. Он припал к земле, положил на гигант-

ские лапы морщинистую морду и, оскалив огромные зубы, шипел, словно котенок. Он был явно испуган. Однако в любой момент страх его мог перейти в ярость. Тогда ему хватило бы одного прыжка, чтобы очутиться в кузове.

— Где лев? — спросил Жоржи.

— Да ты что, не видишь?! — закричал я. В панике Жоржи нажал на газ. Льва будто ветром сдуло. Мы вернулись в лагерь не солоно хлебавши.

На следующее утро приманки остались нетронутыми, хотя рядом виднелись следы крупного самца. Мы были обескуражены. Ваюмбские львы оказались большими хитрецами.

На следующий день милях в пятнадцати от лагеря мы обнаружили начисто обглоданные кости антилопы, а рядом отпечатки ог-

тащите его ко мне, — сказал им Дарси. — Несите его на руках, потому что это собака, а собаке полагается пахнуть человеком. Но летающих лисиц и кенгуру несите на копыях.

Охотники вернулись с летающими лисицами и одним динго. Кенгуру они не встретили, но Дарси был доволен.

— Это даже хорошо. Кенгуру надо беречь. Я уже поставил ловушку и заготовил пару крючков. Сейчас мы наживим на них летающих лисиц.

Ловушка была простым устройством и приводилась в действие тонким тросом, снятым с лебедки «лендровера». Трос был так ловко замаскирован среди корней мангров, что Дарси пришлось показывать мне его специально. Дарси шагнул в ил и положил приманку — динго — на корни мангров.

— Когда крокодил зацепится за трос, он уже войдет в ловушку. Чем сильнее трос натянется, тем скорее ловушка захлопнется. А теперь пошли насаживать наживку на крючки.

Это были обычные крючки, на которых ловят акул. Один Дарси закрепил над водой, другой — в иле. На каждый крючок он насадил по летающей лисице.

На следующее утро, едва проснувшись, я кинулся к нашим ловушкам. Динго не тронут, на первом крючке приманка на месте,

на втором — тоже. Попытки Дарси заразить меня оптимизмом ни к чему не привели: я считал, что мы потерпели полный провал.

На следующее утро крокодил неподвижно лежал в иле под деревом. Он попался на крючок, который, правда, зацепил его только за угол рта. Трос натянулся до отказа — крокодил, несомненно, мог вырвать дерево с корнями одним рывком своего могучего тела. Или перекусить трос. Или разогнуть крючок.

Дарси направил каноэ вниз по реке, не показав и виду, что заметил крокодила. Мы шли параллельно берегу. Я не слишком налегал на весло. Как только мы на секунду-другую пропали из его поля зрения, оказавшись у него за спиной, Дарси вскинул винтовку и выстрелил крокодилу точно позади уха. Массивный хвост дернулся, окатив нас грязью. И это было все.

Мы вылезли из каноэ и по мелководью добрались до крокодила. Мертвый хищник-людоед лежал у нас в ногах. Восемнадцать футов. По меньшей мере тонны две. Огромные, изъеденные временем зубы. Ему было, наверное, лет сто. Целый век он ухитрялся спастись от гарпунов и винтовок охотников. И вот окончил жизнь на крючке, попавшись, как мелкая рыбешка. Может быть, его подвела старость?

— Дарси, почему он не выпрямил крючка или не порвал троса?

— Крокодилы всегда перестают сопротивляться, если чувствуют, что их поймали, — ответил Дарси. — Однако он мог легко бы уйти, если бы мы его вспугнули.

Мы постояли еще немного, а потом Дарси сказал:

— Он чувял, что не надо трогать наживки. Для такого большого крокодила летающая лисица — это все равно что орех для голодного человека. Но желудок его был пуст, а мозг стар и утомлен необходимостью непрестанно прислушиваться и наблюдать. Поэтому-то он и клюнул на нашу удочку. Но даже если бы его не подвел его желудок, мы бы поймали его каким-нибудь другим способом.

— А что, есть еще и другие способы?

— Да. Есть такой фокус с сетью, основанный на использовании приливов и отливов. Я как-нибудь покажу вам его. Есть ловушка с захлопывающимися воротами, которую я научился применять на заливе Лиммен. Способы есть. В некоторых из них настолько трудно найти какую-нибудь логику, что их применяют очень редко, но тем не менее крокодилы на эти штуки попадают...

Перевел с английского  
Д. ЖУКОВ

## На охотничьих тропах

ромных лап. Это вновь вселило в нас охотничий азарт.

И вот мы снова сидим в нашем укрытии. Минут через двадцать раздался голос Жоржи:

— Смотри, какая к нам идет великолепная львица!

Я высунулся из убежища и увидел огромную львицу светло-коричневого цвета. Она ступала размеренно и величаво. Стояла такая мертвая тишина, что до нас доносилось дыхание зверя. Я уже видел желтые зубы и большие коричневые глаза львицы. Когда она смотрела на солнце, зрачки ее суживались.

Львица вонзила зубы в тушу антилопы, и мы услышали хруст костей. Затем она попыталась перевернуть тушу на другую сторону. Не тут-то было! Перевернуть привязанную приманку — дело не из легких. Львица стала ходить вокруг антилопы. На это я и на-

деялся. Я подсчитал, что на то, чтобы выпустить стрелу, мне потребуется три-четыре секунды...

Львица снова приблизилась к приманке, отхватила кусок мяса и, громко чавкая, принялась за «обед». Я схватил лук, встал и выстрелил. Стрела сорвалась с тетивы и со свистом исчезла. Львица натужно приподнялась и, отбежав в сторону ярдов на двадцать пять, взглянула на наше укрытие.

— Билл, ты промахнулся? — не скрывая своего огорчения, спросил Жоржи и полез было за второй стрелой.

Ответом ему был рев львицы. Я увидел, как она медленно и тяжело затрусила прочь. У дерева, одиноко стоявшего невдалеке, она остановилась и рухнула наземь. Тут Жоржи понял все.

Перевел с английского  
А. ПРАВДИН

### В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

**О невероятных приключениях, необыкновенных подвигах и блистательных победах достойного Алешадре — Мюнхгаузена из бразильской сертаны рассказывает писатель Грасиано Рамос.**

**О потомках ассирийцев, о народе, пронесшем сквозь века свой язык, свою культуру, само имя свое, — очерк советского историка К. Бар-Маттая.**

# С БУЙВОЛОМ НА ТИГРА

У Гуляма Али, в доме которого я однажды остановился, было десятка два буйволиц, и все они давали молоко. Доили их обычно раз в сутки часов в десять-одиннадцать утра, в остальное же время дня они паслись в лесу без всякого присмотра. Но с недавнего времени в лесу объявился опасный зверь — это был тигр, старый одноухий разбойник. Необычайно смелый и хитрый, он задрал уже нескольких буйволиц.

Узнав об одноухом разбойнике, я задумался: как же его отучить нападать на буйволиц? Для того чтобы избавиться от хищника, существует довольно распространенный способ — устроить мачан<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Мачан — помост, который устрояется на дереве для охоты. — Прим. пер.

над тушей буйволена и терпеливо ждать. Вслед за этим обычно получаешь дешевые комплименты и поздравления в связи с «проявленным героизмом».

Меня это не устраивало. Всю свою жизнь я был сторонником того, чтобы тигры никогда не переводились в джунглях, чтобы заросли рождали трепетное чувство присутствия зверя, чтобы следы в камышах заставляли учащенно биться сердце, чтобы всегда чувствовать напряжение, ожидая молниеносного прыжка притаившегося где-то рядом властелина джунглей.

Тогда я и стал думать о том, как бы отвадить обнаглевшего тигра от буйволиц, не причинив ему большого вреда. И однажды меня осенило! Я вспом-

нил две сказки, которые мне рассказывали в детстве. В одной из них говорилось о желтом тигре, который вначале испугался расшвирипевшего буйвола, а потом подружился с ним. В другой говорилось о тигре, навсегда потерявшем охоту нападать на слона после того, как тот его ранил. Из этого я сделал вывод: каким бы храбрым тигр ни был, но если однажды он получил отпор, то вторично нападать на своего врага не станет.

И еще я вспомнил о моем приятеле-охотнике Хусейне, жившем на севере Индии, неподалеку от Катадских джунглей. Как-то он сказал мне, что у него есть буйвол, который не побоятся сразиться с тигром. Этот буйвол якобы уже победил двух тигров. Правду он говорил или хвастал — сказать не могу, но, услышав рассказ Хусейна, я подумал: «А не попробовать ли мне использовать этого буйвола против одноухого? Вдруг он действительно сумеет проучить тигра?»

На другой день я написал Хусейну, попросив его в следующий вторник прийти в деревню Калигарх, заодно прихватив и буйвола.

В назначенный день Хусейн вместе с буйволом был на месте. Буйвол был очень страшен с виду. Ошейник с острыми железными шипами, выкрашенный красной краской лоб, прикрытые кожаными щитками колени, налитые кровью глаза и падавшая с губ пена — все это говорило о том, что буйвол Хусейна — животное весьма незаурядное. По крайней мере подойти к нему я не осмелился.

В Калигархе в это время находилось три стада буйволов, всего около пятидесяти голов. За последние пять месяцев одноухий растерзал четырех буйволиц. Мало того, он настолько обнаглед, что почти каждую ночь открыто прогуливался у ограды загона и угрожающе рычал.

Вот уже три вечера подряд я слышал рычание тигра, раздававшееся неподалеку, но возле ограды я его ни разу не видел. В эту ночь я решил бодрствовать: с появлением буйвола в меня вселилась уверенность, что тигр обязательно придет. Кроме того, меня разбирало любопытство: как же поведет себя хваленый буйвол. В общем я устроился на своем



## На охотничьих тропах

мачане (друзья все-таки уговорили меня воспользоваться им, хотя я по-прежнему не собирался стрелять), а Хусейн, разнальгав буйвола, выпустил его за ограду загона.

Ночь, однако, прошла спокойно. Утром стадо погнало на водопой, а буйвола Хусейна привязали к дереву. Позавтракав, я с удовольствием растянулся на своем матрасе и уже собирался было заснуть, как вдруг ко мне подбежали два запыхавшихся, взволнованных мальчугана и закричали, перебивая друг друга:

— Сахаб! Тигр убил буйволицу!

— Когда? — спросил я, вскакивая.

— Только что!

Я бросился к месту происшествий.

На берегу канала, вытянув на песке левую ногу, тяжело дыша, лежала смертельно раненная буйволица. Мясо на ноге было выдрано, и виднелась белая кость. На шее зияла огромная рваная рана с отчетливыми следами тигриных зубов.

Пастухи рассказали, что тигр подкрался к стаду, когда буйволы стояли в воде и из-за густого тумана не заметили опасности. Они опомнились только тогда, когда тигр вцепился в глотку буйволице, выволок ее из воды и ударом лапы повалил на песок. Учувя людей, тигр успел еще раз вцепиться ей в ногу, вырвал кусок мяса и исчез в тумане.

Я решил немедленно действовать и, позвав Хусейна, сказал ему, что мы сейчас же вместе с буйволом отправляемся в погоню за тигром.

Туман уже немного рассеялся. Следы тигра были хорошо видны на влажном песке. Они вели в сторону гор, где, как я знал, стояли хижины крестьян, занимавшихся рубкой хвороста. Первое время мы шли уверенно: впереди буйвол, за ним на расстоянии десяти шагов — Хусейн, потом я. Но на склоне горы следы начали теряться. И здесь нас выручило острое обоняние буйвола. Обнюхав землю, он уверенно зашагал вперед.

Гора была покрыта золотистым бхабхаром<sup>1</sup> высотой в несколько футов, и тигр легко мог спрятаться в нем. Поэтому мы двигались с большой осторожностью. За час прошли не больше километра. Вскоре тропинка сузилась, и идти

стало труднее. С одной стороны тропы была глубокая пропасть, с другой — довольно крутой, хотя и не глубокий овраг, поросший сухой травой.

Вокруг стояла безмятежная тишина. Молчали деревья, молчали горы, вершины, покрытые снегом, игриво переливались в ярких лучах полуденного солнца.

Буйвол вышагивал неторопливо, помахи я хвостом и опустив голову, словно охотничья собака. Иногда он останавливался, чтобы полакомиться молодой порослью кустарника или щипнуть травы. Время от времени его что-то настораживало. Тогда он поднимал голову и беспокойно оглядывался по сторонам.

Вскоре мы спустились в долину. Здесь тоже ничто не нарушало тихого безветрия дня. Из поросших травой ям ласково смотрели белые цветы. Я взглянул на часы и ахнул — стрелки показывали четыре часа дня! Значит, мы шли уже девять часов! А в пять солнце здесь уже начинает садиться...

Вдруг у заросшей сухой травой канавы, у самого дальнего края долины, буйвол остановился, замер и стал напряженно смотреть в одну точку. Прошел несколько шагов. Снова встал. Хусейн многозначительно посмотрел на меня. Сомнений не было — тигр где-то рядом. Я дал знак Хусейну, и мы спрятались за выступом скалы.

Буйвол злобно фыркнул и двинулся в сторону кустов. В то же мгновение перед ним появился огромный ошестинившийся тигр. Буйвол оторопел и на мгновение замер, но в следующий миг, грозно выставив рога, бесстрашно ринулся на тигра. От топота могучих ног буйвола задрожала земля, по скосам канавы посыпались камни и песок. Одноухий взвился в мощном прыжке, отскочил назад и оказался футов на восемь выше буйвола. Буйвол остановился и, задрвав голову, озадаченно смотрел на него. И тут тигр с грозным рычанием бросился сверху на буйвола. Дальнейшее показалось мне невероятным, но буйвол успел увернуться, и тигр со всего размаху шлепнулся о землю. Не медля ни секунды, буйвол бросился на врага. Тигр все же успел отпрыгнуть от страшных рогов и стремительно вскочил буйволу на спину. Тот мощным движением сбросил тигра на землю. Тигр вскочил и

прыгнул, пытаясь вцепиться буйволу в глотку, но, уколотившись об острые шипы ошейника, снова вскочил буйволу на спину. Я решил, что теперь нашему охотнику пришел конец и он уже не сможет сбросить рассвирепевшего зверя.

Но буйвол, словно расшалившийся ребенок, ловко перекувырнулся на песке, и тигр, не ожидавший такого маневра, оказался под тяжелой тушей противника. Буйвол, задрвав ноги вверх, с ожесточением катался по ревешему от боли тигру. Все попытки тигра вылезти из-под буйвола были безуспешны. Еще минута, и с тигром все было бы кончено. Однако это вовсе не входило в мои планы, я не хотел, чтобы одноухий погиб столь бесславно! Я выскочил из укрытия. Хусейн замахаля руками и закричал:

— Куда, бабу-джи?!<sup>1</sup> Разве ты не видишь, как рассердился буйвол? Не подходи, не то он бросится на тебя!

Не слушая Хусейна, я подбежал ближе и выстрелил из обоих стволов ружья в воздух. Систошным криком из травы шархнулись попугаи. Когда дым рассеялся, я увидел, что буйвол растерянно стоит неподалеку, а обессиленный тигр, едва передвигая лапами, ползет по склону горы. Было видно, что буйвол основательно помял его.

Но тут настала моя очередь. Возбужденный боем буйвол с ревом бросился на меня. В два счета я вскарабкался на пятиметровую скалу и, с трудом переводя дыхание, посмотрел вниз. Буйвол в ярости рыл копытом землю у подножья скалы.

— Рахмат! Рахмат! Иди сюда! Иди ко мне, Рахмат! — старался усмирить его Хусейн.

Через некоторое время буйвол присмирел и послушно направился за хозяином.

— Можешь спускаться, бабу-джи, — успокоил меня Хусейн. — Теперь не тронет.

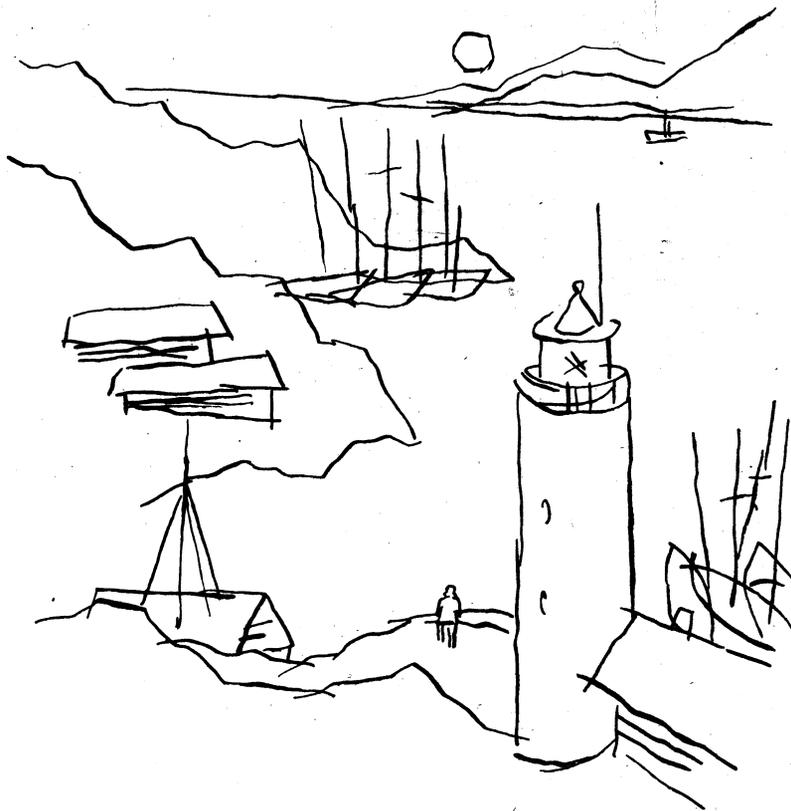
В лагерь мы вернулись поздно вечером.

Через три месяца мне снова довелось побывать в Калигархе. Пастухи говорили, что после того случая тигр больше ни разу не нападал на буйволов, хотя по-прежнему живет в джунглях.

Перевел с хинди  
В. АНДРИАНОВ

<sup>1</sup> Бабу-джи — уважительное обращение к старшему. — Прим. пер.

<sup>1</sup> Бхабхар — высокая трава, похожая на камыш.



Б. ПИСЬМЕННЫЙ,  
наш спец. корр.

Рисунок автора

## ХРАНИТЕЛИ ОГНЯ

**Т**ам на сопках сейчас трава и много цветов. Север спрятался в долинах, в расщелинах скал и объявляется вдруг в июле неожиданным снегом, который тут же растает.

Тогда же, зимой, сопки, хирургически белые, с резкими ультрамариновыми тенями, горбались по сторонам накатанной снежной дороги, ведущей с аэродрома. Стояло яркое солнце. Придорожный седой кустарник и низкорослые березы сухо искрились в чешуе инея, а наш «газик», управляемый молоденьким мичманом, подпрыгивая, бежал за грузовыми машинами с мычащими мурманскими номерами — МУА... МУА... Чтобы не пробить головой крышу, мы с попутчиком цепко держались за поручни. И он рассказывал мне

о своем «малыше» — своем рыболовном тралышке и всякое про жизнь. От него и услышал я о маяках Баренцева моря:

— Кажется, привыкаешь, что дом далеко. По полгода, считай, в чужой воде. Далеко... отсюда не видно. И работы с этой рыбой непростор, только и мечтаешь — выспаться. А вот обратно идем и только за Нордкапом наш первый огонь заметим — Вайдагубский маяк, — так, поверишь, никто и заснуть не может... Как свет в окне. Уже дома, считай. Глаза проглядишь, темень кругом, и только это окошко мигает.

В порту мы распрощались, сказав друг другу чуть грустные обязательные слова: «Быть может, свидимся...» Рейсовый катер был уже готов к отходу. Острый ве-

тер пряного посола свободно гулял по причалу. Деревянные сваи стояли ледяными сапогами в смоляной воде, а на бортах и тросах заснеженных сейнеров, на стоящих над морвокзалом буквах — «Мурманск» — гирляндами висели сосульки. Вспенивая воду и простуженно гудя, катер вытянулся кормой из причальной стаи, лег на курс. Сбоку потянулся в каменистых «кошках» берег...

За поворотом показался мыс и поселок. Море понемногу задерживалось серым одеялом тумана, а воздух над сушей был ясен и пронизан светом. Я увидел обрыв, сходящий к узкому причалу, застывшие у него катера гидрографической службы, прибрежные валуны в треснувшей коросте льда и над всем этим — башню маяка...

Приоткрыв тяжелую тесаную дверь дома, примыкающего к самой башне, я попал в светлый дизельный зал. Вахтенный, розовощекий паренек в грубошерстном свитере, как на троне, сидел в резном, антикварного вида кресле, удивительном здесь, среди намасленных дизелей и сигнальных панелей.

— Старика нашего повидать вам, вот кого, — сказал он мне, разобравшись, зачем я приехал. — Он где-нибудь поблизости, даже когда и не его смена. Больше тридцати лет за огнем глядит... Мне и годов-то столько не будет...

Вахтенный угостил меня «Шипкой» и, быстро войдя в роль гида, показывал мне учебную комнату, ремонтный цех, уставленный толстостекольными фонарями. В аппаратной ритмично щелкал часовой прерыватель, когда контакт срывался с кулачка, и тут же индикатор, вделанный в панель, гас, обозначая, что маячный огонь наверху погас тоже. Особый режим работы, отличающий каждый маяк, рисовался тонким зубчатым кольцом на зеленом экране осциллографа.

— Теперь здесь молодые все больше, новые ребята. — Вахтенный загасил сигарету в широкой медной гильзе. — Ветераны на пенсию, как везде... А если посмотреть, ну и «завод» у нашего старика, куда мне! В каждую деталь сам вникнет, блеск тут наводит, точно на эсминце. Найдете его, словом, он всегда рядом...

Он оказался действительно недалеко. На уступе горы над маяком, где начиналась деревян-

ная лестница, ведущая к причалу, стоял он лицом к морю. Был он уютный, даже домашний. Мягкие голубые глаза, ушанка по-мальчишески завязана на затылке, теплые валеночки.

Компанию обрадовался. Стали вместе смотреть на море. Я рассказывал, как добрался, спрашивал. Спросил и про кресло.

— А вон он, парусник. Оттуда оно, — старик, оборотившись налево, показал по берегу на темную, будто скала, выглядывающую из-под воды грудую. — Давно тут ходил. Быстрый, красивый... уткнулся теперь в бережок.

На резком ветру рваные клочья тумана тащились по воде. Ветер менялся, обжигал холодом, перехватывая дыхание. Когда он чуть стихал, жизнь казалась прекрасной.

— Как мороз, так и туман. Вместе ходят. — Старик глубже надвинул ушанку. — А вот раз так морозило — залив застыл, ледоколом дорогу рубили: редкий в наших местах случай. Так тогда — с узкой воды — тумана не сделалось. Сменчивая погода. Только и служба теперь — сам черт не страшен. Ведь что ни маяк, тут и радио и звуковой сигнал, а без локатора на борту судно к воде не подпустят. Так что маячнику теперь нужно и в оптике и в электронике докой быть. Ребята у нас — пареньки безусые. Им, казалось, только в футбол играть. А их от книжки не оторвешь. Мячик, правда, погоняют, а хотите — и телевизор смастерят. Профессора, черти! Раньше того и знать не знали. Если бог помилует, то и ладно...

С отцом ходил еще я по рыбу. На дочатых яляках. Носы у них крученые, — он рукавицей описал загогулину, — через лед волоком, а там громче песни кричи... Известное дело, поморское... Уж как по нездоровью запретили мне плавать, я сюда, на маяк, все с морем рядом... — Повернувшись, он глянул опять на остов старого парусника, будто собираясь сказать что-то, да махнул рукой. Помолчали. — А вы про наш маяк что особенное слышали, а?

— Нет, — сказал я, — про этот нет. Вот про самые первые маяки нашел я в Британской энциклопедии, что это были среднеземноморские вулканы. По дыму их древние мореходы выверяли курс. И конечно, про Александрийский маяк полуострова Фарос. Еще за две с половиной тысячи лет до нашей эры надстраи-

вали его один за другим Птолемеи, пока не сделался он четырехсот футов высоты и почтительно стал одним из семи чудес света...

— Это в Египте который? Поди, и жарко там? — Старик стал притопывать на месте. — Здешний маяк младенец, со мной почти одногодок. Айда его поглядим, чуду-свету нашу. Ветер там потише, да и стекла проверить надо.

Мы двинулись по берегу, наступая в проложенные ранее снежные следы. Потемнело. Лампы на мачтах чертили зигзаги в темноте. Войдя в башню, по винтовой лестнице добрались до верхней площадки. В центре мягко вспыхнула импульсная лампа в литой стеклянной колбе. Снаружи — светофильтр и внешний прозрачный фонарь.

— Во-о-он еще береговые огоньки. — Побережье внизу изломом уходило вправо. — Сейчас другой загорится... Все вместе они дают кораблю точный фарватер. А движение здесь — одних иностранцев полтысячи в год пройдет.

Очищая подмерзшие стекла, старик так живо спрашивал и рассказывал сам, будто задумал опровергнуть легенду о безмолвных северянах, от которых слова не дождешься.

— За этот самый аппарат маячнику головой отвечать, — говорил он, — присягу такую дают. Правда, приходилось и свой же маяк рушить. На Пикшувее мысе. Княжев там был, Прокофий. В сорок первом немцы совсем близко подошли. Расколол тогда он эту линзу, захватил проблесковый аппарат и ушел последний на шлюпке-двойке в Ура-Губу...

Понятное дело, — говорил старик, улыбаясь, — для книжки там или кино нужны тяжести всякие. И чтоб красиво... Вот, скажем, островные наши маяки, на которых всего три сруба, девять человек и ветер. То занесет там дома по крыши, дежурный с маяка утречком туннели к дверям копают. То штормом постройки порушит, забросает морской волной снег — растопят на обед, а вода — горечь горькая. То еще что... Но нам-то, поймите, нужно не это. Нужно, чтоб маяк светил. И нету у нас перевыполнения плана. Служба такая. Все должно быть в норме, и баста! Только сто процентов!

...К ночи потеплело и стихло. На воду падал крупный синий снег. Меня устроили на маячном мотоботе в каюте капитана. На

иллюминаторах трогательные занавески, под морскими часами надпись — заводить в понедельник в 12.00. Вода укачивала. И все же не спалось. Отыскал на полке «Лоции Баренцева моря, издание исправленное и дополненное». Оказывается, всего лишь в 1843 году было составлено первое описание нашего северного «лапландского» берега от речки Вормеи до Карских ворот. Трудные берега, и трудное море. Читая о многочисленных здесь опасностях, вообразил я, закрыв глаза, тот старый парусник, заброшенный в открытое море. Широкие тугие паруса под сумеречным низким небом. Неверно пляшет горизонт. Воздух кругом как дрожащая мутная стекловидная масса. Изображение встречного судна плывет и трясется: среднее — мачтами вниз. («Нередки вызываемые рефракцией миражи», — сообщает лоция.) Магнитная буря сбивает с толку компас. Куда же плыть?

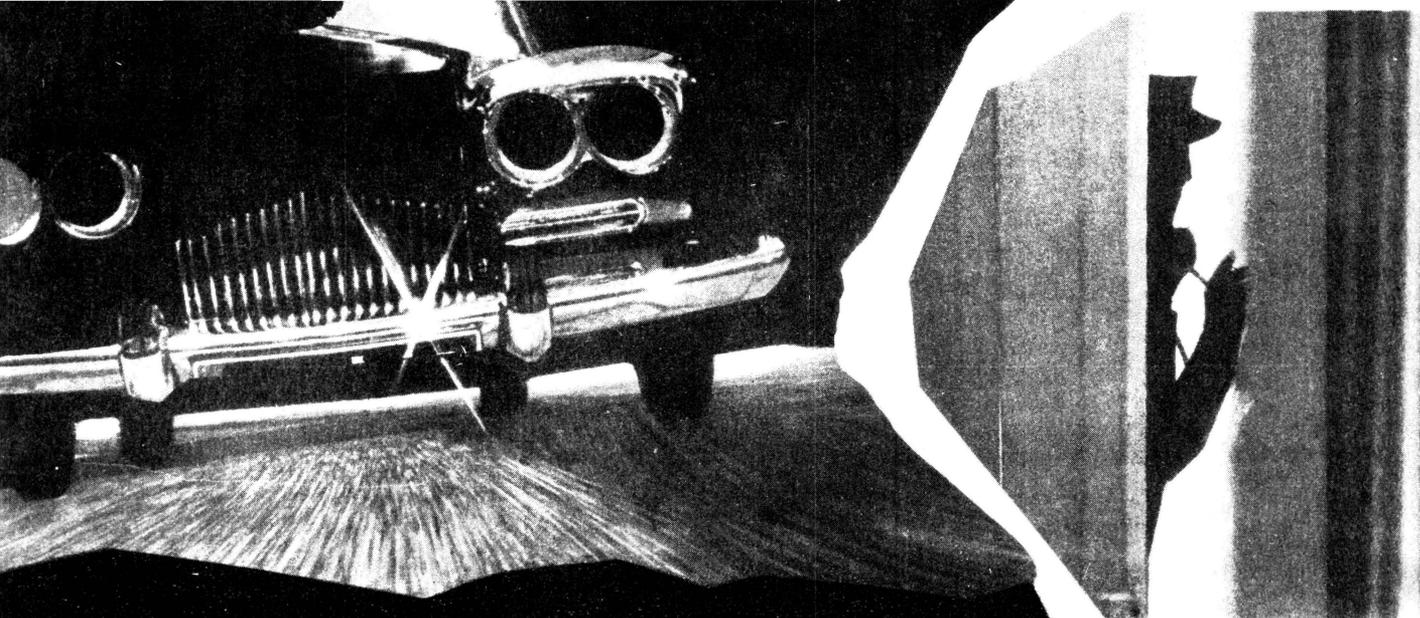
А на палубе, через которую перекачиваются потоки воды, стоит, широко расставив ноги, старый рыбак — мой маячник — в ушанке и говорит спокойно и наставительно: «Вот сейчас и другой загорится. Пересечение линий даст точный фарватер...»

И увидел я, как праздничную гирлянду, десятки рук маяков вдоль всего побережья этого нелегкого моря. Издавна протягиваемые человеком руки с огнем, предупреждающим об опасности, направляющим, помогающим определить себя в пути... В них бескорыстие и верность. Сто процентов надежности. И еще родство с морем. Оно определяет особый, традицией освященный характер этой службы. Тщательность и постоянство.

День отъезда был удивительно светлым. Морозное солнце и не собиралось уходить. Воспаленное, оно застряло на верхушке мачты стоящего вдали судна, но потом стало сползать вниз, сжигая мачту как лучинку. Черная вода с льдинками рябила краснотой, пока солнце не рухнуло все же за белые сопки и замало небо брызгами, а залив стал совсем бесцветным, алюминиевым.

Катер отходил, и все меньше делались на берегу домики, только что зажегшийся маяк и одинокая фигура человека, глядящего в море.

## РЕПОРТАЖ СО СКАЛ БАРЕНЦЕВА МОРЯ



### СЛЕДСТВИЕ ЗАКОНЧИЛОСЬ, СЛЕДСТВИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

**19** января 1965 года журналистам было зачитано официальное коммюнике следствия по делу бен Барки: «Речь идет о преступном предприятии, которое было организовано из-за границы и которому способствовало определенное сообщничество агентов французских специальных служб и полицейских». В коммюнике также сообщалось, что правительство отстранило от должности начальника СДЕКЕ генерала Жакье. Днем раньше был уволен в отставку подполковник Леруа-Фэнвилль. Лопес и полицейские Сушон и Ууато были взяты под стражу. Их виновность, пусть даже они действовали в качестве слепых орудий преступников, не вызвала сомнений.

Скупые строки официального заявления не удовлетворили дотошных журналистов. По их мнению, слишком многие важные моменты оставались неясными, чтобы можно было считать «преступление века», как окрестили дело о похищении бен Барки газеты, полностью раскрытым. Это-то и положило начало расследованию, в которое активно включилось немало французских и иностранных органов прессы, политических и общественных организаций. Словом, заработала такая гигантская машина, перед которой даже знаменитый «Интерпол» мог показаться скромным сыскным бюро. На печатных полосах стали появляться все новые и новые факты, показания добровольных свидетелей, заслуживающие внимания детали, убедительные выводы. И в конце концов из этой пестрой мозаики стала образовываться иная, достаточно аргументированная картина того, что произошло с марокканским лидером...

Полиция, например, тщетно ломала голову над противоречиями в показаниях двух главных свидетелей по делу бен Барки — бывшего негласного сотрудника французской контрразведки — СДЕКЕ Антуана Лопеса по кличке «Дон Педро» и мнимого «издателя», гангстера Жоржа Фигона, покончившего с собой буквально под носом у полицейских агентов. Трудно было поверить утверждению Фигона о том, что марокканский министр внутренних дел действительно пошел на уничтожение своего политического противника Мехди бен Барки, к то-

му же на территории дружественной Франции, и воспользовался для этой цели услугами уголовника Бушсеша и его сообщников. А может быть, прав Лопес, который упорно настаивал, что марокканский лидер был доставлен на виллу в Фонтенен-ле-Виконт лишь для политических переговоров с министром, причем последний даже не помышлял о его устранении. Следователи так и не решились, насколько соответствует истине та или другая из этих версий, ввиду отсутствия твердых улик.

Но такое положение не могло, естественно, оставить журналистов: раз нет прямых, нужно искать косвенные доказательства, решили они. Одна из гипотез французской прессы выглядела следующим образом.

Пока бен Барка находился в эмиграции, политический климат в Марокко (о нем мы уже писали в первой части рассказа) несколько изменился. В апреле 1965 года король Хасан провозглашает амнистию и предлагает Мехди бен Барке, лидеру левого лагеря, вернуться на родину. По сообщениям газет, в июне во Франкфурте-на-Майне состоялась встреча брата короля — принца Мулай Али с бен Баркой. Принц привез ему личное послание короля, добавив, что Хасан II «не может обойтись без своего учителя математики». (В сороковые годы Мехди, преподававший этот предмет во французском лицее в Рабате, был учителем наследного принца, ставшего впоследствии королем Хасаном II.)

Бен Барка в принципе не возражает, однако выдвигает два условия: во-первых, принятие специального закона о всеобщей политической амнистии, а во-вторых, увольнение в отставку министра внутренних дел Уфкира, занимавшего пост начальника полиции в 1963 году.

Итак, на первый взгляд у генерала Уфкира, по этой версии, были основания стремиться устранить такого политического противника, как лидер оппозиции Мехди бен Барка, тем более что его возвращение связывается с положением самого генерала. Однако здесь возникает целый ряд «но».

Если даже предположить, что генерал Уфкир готовил покушение на бен Барку, ему куда проще было поручить его выполнение наемным лицам, самому оставаться в тени. Что же вместо этого делает Уфкир? Как утверждает парижский журнал «Экспресс», министр посылает во Францию начальника тайной полиции майора Длими и дове-

Окончание. Начало в № 5.

# ПОХИЩЕНИЕ на бульваре Сен-Жермен

С. МИЛИН

ренного эмиссара Штуки. А те чуть ли не по объявлению в газете набирают для проведения операции, требующей сугубой секретности, почти десяток посторонних, из которых пятеро — Бушеш, Фигон, Ле Ни, Палисс и Дюбайль — личности с уголовным прошлым, способные в любой момент продать своих хозяев.

Мало того, если верить Фигону, после похищения бен Барки генерал Уфкир якобы спешно летит в Париж только ради того, чтобы лично присутствовать при убийстве. А ведь генерал с его немалым опытом полицейской работы должен отдавать себе отчет в том, что его внезапный приезд не укроется от глаз французской полиции и, безусловно, будет связан с исчезновением видного марокканского деятеля. Между тем, если принять версию Фигона, на третий день после убийства, во вторник 2 ноября, марокканский министр вместе с Длими вновь едет во Францию, на этот раз уже официально, рискуя попасть в весьма незавидное положение даже при малейшей утечке сведений.

А неоднократные телефонные переговоры. Уфкира с Лопесом и гангстерами, находящимися на вилле в Фонтене-ле-Виконт! Хотя и профану ясно, что все разговоры регистрируются на телефонной станции и служат лишними уликами, причем нельзя исключать нечаянное подслушивание.

И последнее. Слово для того, чтобы помочь раскрыть преступление, Уфкир оставляет в Париже посвященного во все детали похищения «студента», а фактически сотрудника марокканской полиции эль-Махи. Того самого эль-Махи, которому он покровительствовал и с семьей которого состоял в родстве. Как и следовало ожидать, «студент», вместе с Лопесом встречавший министра в Орли 30 октября, оказался одним из первых, кто был арестован французской полицией. Нет, вести себя подобным образом мог либо глупец, либо маньяк. Но генерал Уфкир, по мнению тех, кто его знал, не был ни тем, ни другим.

Скептически относившиеся к этой «антимарокканской» версии журналисты пошли еще дальше. Они попытались затронуть на вопрос, кому еще, кроме Уфкира, лидер марокканской оппозиции мешал настолько, что это могло бы оправдать даже его убийство? Многие объективные наблюдатели дали на этот вопрос однозначный ответ: Центральному разведывательному управлению США. «Похищение марокканского левого лидера,—

подчеркивал, например, еженедельник «Жён Африк», — не может быть делом рук ни Франции, ни Марокко, а только Америки».

Обратимся еще раз к фигуре Мехди бен Барки.

Бен Барка отдал немало сил борьбе за независимость Марокко. Он настойчиво выступал за полное освобождение своей родины от империалистического засилья. По мнению прессы, его возвращение неминуемо привело бы к консолидации всех прогрессивных партий и группировок в Марокко и созданию правительства национального единства с демократической программой. А это, в свою очередь, означало бы провал далеко идущих планов Вашингтона усилить американское влияние в стране.

С другой стороны, бен Барка играл видную роль в движении солидарности освободившихся стран. Естественно, что эта деятельность не могла не привлечь внимания американской разведки. В качестве председателя Международного подготовительного комитета бен Барка последнее время был занят организацией Конференции солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки в Гаване, побывал во многих африканских государствах, ездил на Кубу. Но кто был главным врагом конференции в Гаване? Кто был заинтересован в том, чтобы любой ценой сорвать ее проведение или хотя бы поставить серьезные препятствия на пути ее созыва? Опять-таки Центральное разведывательное управление.

Словом, по мнению многих газет, у ЦРУ вполне хватало причин, чтобы постараться физически устранить такую опасную для него фигуру, как Мехди бен Барка. Тем более что подобные акции довольно привычны для ЦРУ. Странники этой версии проводили параллели с убийством Патриса Лумумбы и цейлонского премьер-министра Соломона Бандаранаике, министра иностранных дел Лаоса Кинима Фолсены и премьера Бурунди принца Луи Рвагасоре, с диверсиями в Замбии и трагедией «Принцессы Кашмира» — самолета с делегатами, летевшими на Конференцию солидарности народов стран Азии и Африки в Бандунге в 1955 году. Тогда американские агенты с помощью адской машинки взорвали самолет, надеясь сорвать Бандунгскую конференцию. Теперь накануне конференции на Кубе их жертвой пал марокканский общественный деятель. «Это преступление, — говорилось в заявлении Национального союза марокканских студентов, — преследовало две цели: во-первых, ослабить прогрессивные силы в Марокко, одним из лидеров которых был бен Барка, и, во-вторых, нанести удар по национально-освободительному движению в Азии, Африке и Латинской Америке в целом».

Кстати, журналистам удалось выяснить характерную деталь: по словам друзей, бен Барка в последнее время серьезно опасался покушений на свою жизнь. Причина этого заключалась отнюдь не в обостренной подозрительности, а в той усиленной слежке, которую Мехди заметил вскоре после начала работы возглавляемого им Международного подготовительного комитета Гаванской конференции.

Ну, а то, что похищение произошло на территории Франции, конечно, не случайно. «ЦРУ имело большие, далеко идущие политические цели. Американская разведка, вступая в игру, стремилась уничтожить сильного левого лиде-



ра, чтобы укрепить свое влияние в Марокко, — писала, например, каирская газета «Журналь д'Эжипт», — а заодно осложнить отношения между Францией и Марокко... Именно поэтому похищение произошло в Париже, а не в другом месте».

Действительно, стоило бросить тень сомнения на позицию марокканцев, и похищение неизбежно вызвало бы серьезные трения между этими двумя странами. В действительности так оно и произошло. Преступление на бульваре Сен-Жермен сорвало визит короля Хасана II в Париж, так же как и ответную поездку в Марокко французского министра сельского хозяйства. Такой поворот событий был на руку не только американской дипломатии, но и тем кругам в Америке, которые хотели бы, чтобы скандал подобного рода столкнул две страны, тесно сотрудничавшие друг с другом, — Францию и Марокко. Так вокруг Мехди бен Барки сплелись в один узел многие нити большой политики.

### «НЕТ БОГА, КРОМЕ ЦРУ...»

Европейский район Касабланки, расположенный к югу от Старой Медины, соединил в себе легкость и изящество мавританской архитектуры с утилитаризмом европейских городов. Роскошные виллы-дворцы, во внутренних дворах которых журчат фонтаны, и строгие башни небоскребов, схваченные обручами балконов.

В самом центре этого квартала, напротив фешенебельного отеля «Мархаба», находится популярное среди туристов ночное кабаре «Хилаль» — по-арабски «молодой месяц». Но его владелец Дэвид Лорекю, национальность которого, несмотря на английское имя, столь же туманна, как и его прошлое, не просто коммерсант. По совместительству он еще и резидент ЦРУ в Марокко. Поэтому стоит ли удивляться, что когда весной 1965 года в штабквартире американской разведки в Лэнгли была утверждена операция «Уотер-скин» — «Кожаный мешок», направленная против марокканского лидера, ее осуществление было поручено именно Лорекю.

По свидетельству газеты «Юманите», Центральное разведывательное управление уже несколько лет не выпускало бен Барку из поля зрения, считая его общественной деятельностью вредной для интересов Соединенных Штатов. Когда во дворцовых кругах Рабата появились слухи о возможном возвращении бен Барки на родину, ЦРУ, по сообщениям печати, распространило доклад, в котором расписывались «опаснейшие последствия» подобного шага.

Однако доклад не произвел желаемого эффекта. Тогда-то и была утверждена операция «Кожаный мешок». Конечно, можно было бы обратиться к радикальному средству — трафаретному убийству из-за угла без всяких там мудствований. Тем более что, как уже говорилось, ЦРУ не раз прибегало к такому проверенному методу. Но времена меняются, и подобные акции все чаще превращаются в бумеранг, наносящий чувствительные удары ЦРУ. Потому-то хитроумный план устранения бен Барки был разработан таким образом, чтобы в глазах мировой общественности были скомпрометированы сами марокканцы.

Конечно же, план держался в строжайшем секрете. Однако все тайное, как известно, рано или поздно становится явным. Так получилось и на сей

раз. Показания жены бен Барки Гейсы вместе с результатами расследований, проведенных французским еженедельником «Экспресс», алжирской газетой «Аль-Мухаррир», каирской «Журналь д'Эжипт» и другими органами прессы, позволили нарисовать общую картину того, как была замыслена и как протекала эта настоящая охота за человеком...

Первоначальный вариант строился на том, что жена бен Барки Гейса постоянно живет в Каире. По замыслу Лорекю, во время одного из приездов Мехди в Каир наемные убийцы должны были явиться к нему на квартиру под видом доверенных посланцев марокканского правительства и незаметно оставить там пластиковую бомбу. Предварительно им следовало позаботиться о соответствующих уликах, которые бы подсказали полиции, что убийство организовано из Рабата.

Однако здесь Лорекю столкнулся с непредвиденными трудностями. В ОАР можно было рассчитывать на успех всего плана только в том случае, если за его осуществление возьмутся именно агенты-марокканцы. Нечего было и думать ввести в заблуждение египетскую полицию с помощью, скажем, имевшихся под рукой агентов-ливанцев. Кто-кто, а она сумеет разобраться, откуда в действительности прибыли мнимые «эмиссары». Но подходящих кандидатур под рукой у Лорекю не было.

Место проведения операции пришлось перенести в Женеву. Были внесены некоторые коррективы в ее общий план. Лорекю задался целью толкнуть кого-нибудь из марокканских политических противников бен Барки на установление личного контакта с ним. А уж после этого в зависимости от конкретных обстоятельств, места и времени встречи агенты ЦРУ тем или иным способом покончат с бен Баркой.

Через некоего Вингейта Ллойда, кадрового сотрудника ЦРУ (журналисты установили даже точный адрес этого «тихого американца» в Марокко — Рабат, улица Де Ля Тур Хасан, 40, телефон 262-79), Лорекю удалось «подобрать ключи» к самому министру внутренних дел Уфкиру. Ллойд старался убедить генерала, что тому необходимо попытаться найти общий язык с лидером оппозиции, иначе возвращение последнего на родину может обернуться для генерала серьезными неприятностями.

Лорекю понадеялся, что в Женеве, которая буквально забита дипломатами, экспертами всяческих комитетов ООН, представителями десятков международных организаций, тайными и явными шпионами, тысячами туристов и бизнесменов со всего земного шара, Уфкир сам найдет подходящих людей для того, чтобы связаться с бен Баркой. Агентам же ЦРУ было поручено в мельчайших подробностях изучить жизнь бен Барки, чтобы в нужный момент появиться на сцене и одним ударом завершить операцию «Кожаный мешок». Однако и в Женеве американскую разведку постигла неудача.

Все началось с того, что как-то раз бен Барка приехал в Берн на аудиенцию к послу одного из азиатских государств. Прохаживаясь в ожидании назначенного часа по пустынной Банкштрассе, расположенной в районе посольских особняков, марокканец обратил внимание на странное поведение двух мужчин. Казалось, что они также бесцельно бродили по улице, поглощенные разговором, но,

как по команде, оба поворачивались в обратную сторону, когда это делал он. Мехди специально несколько раз повторил этот нехитрый трюк. Результат был один и тот же.

Выйдя после свидания с послем на улицу, бен Барка внимательно осмотрелся. Подозрительная пара исчезла. Тогда он медленно направился к центру города с его знаменитыми улицами-аркадами. Время от времени Мехди останавливался перед витринами магазинов, разглядывая выставленные товары. Преследователи не показывались. Уже почти поверив, что тревога оказалась ложной, марокканец свернул к знаменитой башне с часами, где всегда толпились туристы. И вдруг неподалеку мелькнула знакомая фигура. Минут через десять — вторая. Внешне бен Барка оставался спокоен. Он с интересом рассматривал огромный циферблат часов, где из дверцы горделиво появлялся ярко раскрашенный петух, которого сменяли неуклюже танцующие медведи. Наконец механический спектакль окончился, и закованный в латы рыцарь принялся отбивать шесть часов вечера. Пора было возвращаться в Женеву. Вполне достаточно и того, что он видел. Сомнений быть не могло: за ним установлена слежка.

Вскоре бен Барка обнаружил, что и в Женеве его нередко сопровождает непрошенный эскорт. Больше того, как сообщил после похищения марокканского деятеля представитель швейцарской полиции, в это же время они в полиции сочли необходимым предупредить бен Барку о том, что этажом ниже в его доме поселились «подозрительные лица». Словом, опасения бен Барки не были беспочвенными. Он снял вторую квартиру, иногда по неделям жил у друзей, сменил свой приметный светло-желтый «боргвард». Из опасения, как бы в машину не подложили бомбу, он перестал оставлять ее на улице и каждый вечер отводил в частный гараж друга-венесуэльца. Бен Барка стал избегать свиданий с малознакомыми людьми, а если и отправлялся на свидания, то не один.

В связи с провалом операции в Женеве из США в Рабат прилетел представитель самого Ричарда Хелмса, в то время начальника так называемого отдела планирования ЦРУ (а впоследствии шефа ЦРУ), к компетенции которого относится планирование политических диверсий и убийств. Резиденту Лорекю не помогли никакие ссылки на «объективные трудности». В Лэнгли приказали во что бы то ни стало ускорить реализацию операции «Кожаный мешок», бросив на нее, если понадобится, все силы. Тогда-то у Лорекю и зародилась идея использовать Париж. В случае успеха это давало дополнительный выигрыш в дипломатическом плане, что, по сути дела, было равнозначно самостоятельной крупной операции.

Получив новые указания, Вингейт Ллойд посоветовал генералу Уфкиру попробовать организовать встречу во Франции, а для этого обратиться за содействием к Антуану Лопесу. Уфкир знал Лопеса еще в его бытность инспектором «Эр Франс» в Танжере.

Лопес взялся свести прилетевших в Париж Длими и Штуки, которых Уфкир уполномочил «заняться этим деликатным делом», с Жоржем Бушсешем, который, отбив семь лет каторги за бандитизм, владел теперь двумя доходными отелями в Марокко и вполне подходил к роли «посредника». Правда, как удалось выяснить корреспонденту каирской «Журналь д'Эжипт», еще со времени ал-

жирской войны он к тому же был платным агентом ЦРУ и, в частности, числился в картотеке резидента в Касабланке Дэвида Лорекю. Но Лопес не считал нужным предупреждать марокканцев о такой безделице. Не сообщил «дон Педро» и о том, что сам он сотрудничает не только со СДЕКЕ, но и с ЦРУ. Позднее во французских газетах появились любопытные подробности одного из допросов Лопеса. «Дон Педро» проговорился о работе на американскую разведку! Он невзначай обронил, что в деле бен Барки действовал по приказу шефов. «Каких шефов?» — поймал его следователь. Лопес замаялся: «Я не имею права ни называть их имен, ни говорить о том, где они служат. Это могло бы иметь серьезные последствия для людей, с которыми я был связан за границей». «Дон Педро» слишком хорошо представлял, какая участь ожидает болтливых агентов ЦРУ. Как удалось установить той же «Журналь д'Эжипт», Лопесу не раз приходилось выполнять различные задания американской разведки вплоть до похищения людей.

О намечаемой встрече с Мехди бен Баркой и Лопес и Бушсеш были предупреждены не только, так сказать, по линии самого генерала, но и — заблаговременно — американцами. Правда, в данных им инструкциях говорилось лишь о «помощи марокканскому министру внутренних дел или уполномоченным им лицам в организации переговоров с лидером оппозиции бен Баркой». Кстати, когда «дон Педро» говорил, что он выбрал полицейского Луи Сушона потому, что они вместе содержали дом свиданий, он и здесь недоговаривал; главным все же явилось прямое указание Лорекю: Сушон... тоже был платным агентом ЦРУ.

На одной из встреч с марокканцами в 55-м номере парижского отеля «Элизе» Бушсеш порекомендовал подключить к операции уголовного Жоржа Фигона, который выдавал себя за «издателя» и мог послужить подходящей приманкой, а также гангстеров Ле Ни, Палисса и Дюбайля для участия на завершающей стадии. Разрабатывая версию об «издателе-финансисте» антиколониального фильма, Фигон несколько раз ездил в Каир и Женеву, чтобы завоевать доверие бен Барки. Со своей стороны, Уфкир передал в помощь своему доверенному лицу Штуки полицейского комиссара эль-Гали эль-Махи, прикрывавшегося «учебой» в Высшей коммерческой школе в Париже.

События развертывались по составленному марокканцами плану. Генерал Уфкир, стремясь договориться с бен Баркой, естественно, не помышлял о его похищении, а тем более об убийстве. Он отдавал себе отчет в том, что подобный шаг может привести к взрыву народного негодования в Марокко, не говоря уже о широком международном резонансе. (Так оно, впрочем, и случилось: после похищения бен Барки во многих городах страны начались массовые демонстрации протеста, а 12 ноября по призыву Марокканского союза труда состоялась всеобщая забастовка; в те дни министр внутренних дел пережил немало неприятных минут, вероятно недоброй памятью поминая тот день и тот час, когда ввязался в эту авантюру. Показательно, что Уфкир отдал приказ арестовать Бушсеша, как только его агенты донесли, что, по слухам, он скрывается где-то в Марокко. Теперь-то генерал понимал, подчеркивали газеты, что владелец виллы в Фонтене-ле-Виконт может пролить свет на многое в судьбе бен Барки.) Пока же ни министр, ни его подчиненные, ни даже Лопес не

подозревали, что их пытаются вовлечь в выполнение плана ЦРУ.

Впрочем, руководивший операцией «Кожаный мешок» американский резидент Лорекю упустил из виду довольно простую вещь: подручные-уголовники, которых через Бушсеша было задумано подсунуть марокканцам, отнюдь не считали себя обязанными свято хранить доверенную им тайну. Тем более, если со временем из нее можно будет извлечь деньги. В узком кругу «коллег» банды Жо Аттиа, к которой принадлежали все эти фигоны и палиссы, заговорщики никак не походили на «джентльменов слова», связанных обетом молчания. Нужно ли после этого удивляться, что французские газеты, в частности «Экспресс» и «Нуviel обсерватёр», у которых имелись собственные источники информации в парижском преступном мире, сумели раздобыть многие сведения о деталях этого преступления...

Итак, Фигон заманил бен Барку в засаду на бульваре Сен-Жермен; Лопес, Сушон и Вуато доставили Мехди на виллу в Фонтене-ле-Виконт, где и оставили под охраной Бушсеша и его шайки. Причем никого из марокканцев там не оказалось, хотя по плану там должен был находиться эль-Махи. В последний момент Штуки, улетевший на всякий случай в Марокко, решил не посылать туда «студента», опасаясь, что тот может сорвать операцию.

Лопес и полицейские были уверены, что дело ограничится обычными политическими переговорами, о чем «дон Педро» в свое время донес своим шефам в СДЕКЕ. Затем он позвонил в Рабат и условной фразой дал понять, что все в порядке.

На следующий день Длими с помощником, первыми приехав на виллу, немедленно отослали Ле Ни, Палисса и Дюбайля, с тем чтобы во время переговоров с бен Баркой не присутствовал никто из посторонних. Впрочем, вся троица была рада поскорее унести ноги. Длими полностью рассчитался с ними за проведенную операцию, а паспорта, по совету Бушсеша, были предусмотрительно заготовлены заранее. Короче говоря, их ничто больше не задерживало, и через несколько часов Ле Ни, Палисс и Дюбайль были на пути к испанской границе. Фигон ни накануне, ни в этот день вообще не показывался в Фонтене-ле-Виконт. Хорошо знавший его журналист Жан Марвье засвидетельствовал, что «в самый вечер похищения, 29 октября, Фигон был в кафе, которое мы обычно посещаем».

Многочисленные источники единодушно утверждают, что (мы цитируем журнал «Экспресс») «...в субботу, 30 октября Лопес ждал Уфкира в аэропорту Орли. Он встретил вначале майора Длими и комиссара эль-Хуссаида. Уфкир прибыл лишь в 17 часов 30 минут из Женевы в сопровождении Штуки». Едва прибыв на виллу, генерал Уфкир отправил в Париж и Штуки и эль-Махи. Кроме бен Барки, министра, Длими и его помощника эль-Хуссаида, на вилле находился лишь Бушсеш.

Неизвестно, чем закончились длившиеся несколько часов переговоры, во время которых Бушсеш и эль-Хуссаид дежурили в саду.

Проводившие расследование журналисты пришли к одному твердому выводу: когда генерал Уфкир покидал виллу, бен Барка был жив и здоров. Причем генерал по телефону приказал находившимся в отеле «Альма» Штуки и эль-Махи немедленно выехать в Фонтене-ле-Виконт и «обес-

печить безопасность бен Барки». Можно предположить, что, с одной стороны — Уфкир не слишком-то полагался на Бушсеша, с другой — возможно, опасался каких-нибудь неожиданных осложнений. Чтобы не давать пищи излишним кривошеям — ведь через два дня ему и Длими предстояло нанести во Францию официальный визит, оставшееся до рейса время генерал решает скоротать у Лопеса. Эль-Хуссаиду дается указание задержаться в Париже на день-два на случай непредвиденных осложнений, и тот отправляется в гостиницу.

Тяжелое предчувствие не обмануло Уфкира. «Фактически, — отмечает в этой связи газета «Араб обсервер», — генерал Уфкир, министр внутренних дел Марокко, попал в западню. США добились своих целей». Причем осложнения начались гораздо раньше, чем можно было предполагать...

Стоило такси, увозившему марокканцев, скрыться из вида, как к вилле подкатил большой лимузин с опущенными занавесками. Трое атлетически сложенных мужчин с непроницаемыми лицами быстро прошли в дом и в сопровождении Бушсеша поднялись в комнату бен Барки. После утомительных переговоров он намеревался немного отдохнуть, ибо по договоренности с марокканцами его должны были доставить в Париж ровно в час ночи. За последние два дня события следовали с такой стремительностью, что Мехди уже перестал чему-либо удивляться. Поэтому при появлении новых лиц, которых марокканец принял за не в меру любопытных французских полицейских, он раздраженно заявил, что сегодня не в состоянии больше вести никаких разговоров или переговоров.

Но пришедшим этого и не требовалось. Бушсеш вежливо сообщил Мехди, что в интересах его личной безопасности французская полиция считает необходимым тайно переправить бен Барку за границу и что он сам будет сопровождать его. Марокканец вынужден был подчиниться.

Изядно попетляв по дорогам, машина останавливается у моста через мутную после дождя речонку. Здесь ее уже ожидает зеленый «шевроле», водитель которого одет в форму сержанта американских ВВС. Но предоставим слово французскому еженедельнику «Нуво кандидат».

Все пересаживаются в автомашину с американским флажком, у которой есть важное преимущество — ей не угрожает никакая проверка. «Шевроле» выезжает на шоссе № 20 и в нескольких километрах от Шатору сворачивает на узкую дорогу, ведущую к военному аэродрому строго засекреченной американской базы «313». Еще издали водитель дает короткий гудок. Двое часовых в белых португях и с кобурами на боку бегом бросаются открывать огромные проволочные ворота. Машина, не останавливаясь, въезжает на территорию аэродрома и мимо приземистых зданий мчится поперек поля к концу бетонной дорожки, где нетерпеливо гудит моторами готовая к взлету «Дакота». Едва только за бен Баркой и сопровождающими захлопывается дверь кабины, как самолет начинает разбег и плавно поднимается в воздух. «Уотер Скин» — «Кожаный мешок» — завязан.

«Этот самолет, — ставила последнюю точку газета «Журнал д'Эжипт», — вылетел с американской воздушной базы недалеко от Парижа и имел на борту пленника, захваченного на территории

Франции, суверенитет которой в этом случае был грубо нарушен».

Когда Штуки и эль-Махи прибыли в Фонтенеле-Виконт для того, чтобы доставить бен Барку в Париж, их встретили запертые двери темного дома, из которого не доносилось ни звука. Марокканцы в растерянности бродят вокруг, не понимая, что произошло. Штуки предлагает выставить стекло и проникнуть в виллу, но опасение привлечь постороннее внимание останавливает их.

Тогда Штуки и эль-Махи решают перехватить министра и майора Длими в Орли. Оба в панике. А вдруг бен Барка сумел подкупить гангстера и тот раньше времени отпустил его? Кто знает, чем закончились переговоры! Может быть, Мехди уже пишет в полиции заявление о попытке похищения, и шефов схватят, стоит им появиться в Орли. Следствие, политический скандал... Об остальном они страшатся даже думать.

Интересно, что когда Уфкир и Длими встретились с подчиненными в аэропорту Орли, примерно те же мысли возникли и у них. Правда, оба были уверены, что в худшем случае, и то маловероятно, им грозит лишь высылка, но рисковать они все равно не хотят. Не допускающим возражений тоном Уфкир приказывает Штуки лететь вместо них, а эль-Махи быть в аэропорту до тех пор, пока самолет не поднимется в воздух. Расчет у них такой. Если бен Барка обратился в полицию, то тогда должны задержать Штуки. Ведь Мехди видел его на вилле, да к тому же знает в лицо еще по Марокко. Если же все пойдет удачно, то эль-Махи должен взять билеты на первый же рейс и заехать с ними к Лопесу, причем из предосторожности на посольской машине. Этот ночной визит «студента» и видел Лопес.

На другой день, 31 октября, Уфкир и Длими благополучно садятся на рейсовую «Каравеллу», следующую в Рабат, а 2 ноября как ни в чем не бывало возвращаются во Францию. На обеде в марокканском посольстве у них происходит встреча с генеральным директором управления государственной безопасности Франции Гримо и директором канцелярии министра внутренних дел Жаком Обером. Причем последнему уже известно о похищении бен Барки, хотя он, как и другие французские власти, еще не верит в серьезность происшедшего.

Прежде чем заключить наш рассказ, вернемся ко второй жертве преступления — «издателю» Жоржу Фигону. Чтобы довести игру до конца, ЦРУ было нужно подстраховать задуманную комбинацию — отвести подозрения от себя и взвалить вину на марокканцев. Бушсеш, единственный из участников похищения, целиком посвященный в хитроумный план, заранее предложил использовать Фигона. Кандидатура была одобрена.

После похищения Фигон застрел в Париже. Нет ни паспорта, ни крупного гонорара за «дело» — он ведь не присутствовал на вилле, когда Длими расплачивался с Ле Ни, Дюбайлем и Палиссом, а аванс давно истрачен, — почти невозможно и сбежать за границу. Поэтому, когда к Фигону явился человек от Бушсеша, «издатель» ухватился за его предложение.

Поручение было несложным. В нужный момент Фигон должен был через знакомых журналистов взбудоражить прессу и общественное мнение сенсационными «разоблачениями». Чтобы они выглядели убедительнее, ему внушили, что на самом деле

все произошло именно так и он лишь помогает восстановить истину.

Однако от усердия — ему так хотелось побыстрее очутиться вне пределов досягаемости французского правосудия — гангстер явно перестарался. Отсюда многочисленные нелепицы в рассказах Фигона. Здесь и ночной звонок в Рабат Уфкиру и яростное сражение бен Барки с четырьмя гангстерами в Фонтенеле-Виконт, хотя на паркетном полу виллы не осталось ни единой царапины, а мебель и не думала «с грохотом разлетаться на куски», и доставка умирающего человека в подвал дачи Лопеса, откуда его труп таинственно исчез. Между прочим, своими интервью Фигон изрядно подпортил положение «дона Педро», что не входило в планы ЦРУ. И лишь страх перед неминуемой карой со стороны американцев заставил последнего держать язык за зубами.

Можно предположить, что целый ряд подсказок поступил непосредственно от американских режиссеров, разработавших сценарий для «издателя». Причем подсказок довольно неудачных: чего, например, стоит наспех состряпанная нелепая история с похищением и подкупом Фигона комиссаром полиции Бувье. Подоплека этой провокации довольно ясна: Бувье весьма дотошно копался в фактах и, похоже, готов был вытащить на свет весьма нежелательные для ЦРУ подробности. Поэтому-то и была предпринята неуклюжая попытка дискредитировать старательного детектива.

Но едва лишь полиция напала на след Фигона, как он стал не только бесполезным, а опасным для американцев. Хотя «издатель» мог только догадываться, чьи поручения он выполняет, все же ему было известно слишком многое. Поэтому его попросту убрали в критический момент, хотя сделали это слишком грубо. Ворвавшиеся в квартиру Фигона полицейские были настолько поражены увиденным, что немедленно вызвали генерального прокурора Франции Робера и префекта Парижа Папона. Действительно, картина, представшая перед ними, хоть кого могла поставить в тупик: «самоубийца» был настолько оригинален, что покончил с собой... выстрелом в затылок.

Не случайно Жан Марвье, прекрасно изучивший Фигона и неоднократно встречавшийся с ним после похищения, так выразил свою точку зрения: «Я не могу поверить, впрочем, как и все те, кто был знаком с ним, что Фигон покончил жизнь самоубийством, едва лишь попался полицейским. Столкнувшись с полицией, он либо стал бы стрелять — чему я не очень верю, либо сдался. Перспектива словесных сражений на допросах, перспектива стать центральной фигурой на процессе удержала бы его от самоубийства. Это он любил больше всего на свете. Многие могут подтвердить, что это так. Что касается тюрьмы, Фигон говорил о ней без страха... Самое большое, чем ему грозило заключение, — это нажить катар желудка в легкой форме».

Видимо, это знало и ЦРУ. Об этом достаточно красноречиво говорит пуля, оборвавшая жизнь гангстера-«издателя», который обладал слишком богатой фантазией.

Пока у нас нет документальных свидетельств, ставящих последнюю точку в раскрытии тайны похищения на бульваре Сен-Жермен. Пока мы можем лишь остановиться на выводе каирской газеты «Журналь д'Египт»: «ЦРУ готовило этот заговор против Мехди бен Барки и привело его в исполнение».



ТИШЕ ЕДЕШЬ...

Какая невеста откажется от того, чтобы прибыть на собственную свадьбу в паланкине? В Лондоне такой способ передвижения к тому же довольно удобен: от дома до муниципалитета на таком транспорте можно добраться гораздо быстрее, чем на быстроходной машине, которая то и дело застревает в уличных пробах.



### ГАЛКИ ТРЕБУЮТ ПОДХОДА

Под высоким потолком зала ожидания центрального железнодорожного вокзала западногерманского города Бремен прочно обосновались галки. Они свили там уютные гнезда, обзавелись семьями, выращивали птенцов — в общем вели нормальную галочью жизнь. Ну, а где нормальная галочья жизнь, там и безудержный галдеж. Какие только решительные меры не предпринимали brave железнодорожники! Но галки на все эти маневры не реагировали. Выход из положения все же был найден: один из служащих вокзала установил в зале магнитофон, на пленке которого были записаны крики, испускаемые галками в минуту опасности. Магнитофон включили, раздались крики — и галок как ветром сдуло.

### КИТЫ В ЗАГОНЕ

Один английский биохимик выступил с проектом разведения китов. Природа, по его мнению, сама позаботилась создать великолепные загоны, описав котлом рифов небольшие атоллы. В таких загонах китам будет где порезвиться. В то же время там легче создать подходящие условия, которые обеспечивали бы неуклонный рост китового поголовья.

Хотя проект на первый взгляд кажется фантастичным, сам автор считает, что он заслуживает пристального внимания: ведь с каждым годом китов становится все меньше.

### ПОСРАМЛЕНИЕ СВИНОКРАДА

У Альфио Коннарелла, свиновода с Сицилии, украли семь свинок. Через несколько дней он обнаружил их на ферме соседа. Однако хозяин фермы категорически отрицал, что в его стаде находятся чужие свиньи. А приглашенный для разбора дела полицейский весьма скептически отнесся к словам истца: ведь все свиньи в стаде были похожи друг на дружку. Не тратя лишних слов, Альфио отошел от стада на некоторое расстояние и назвал одно за другим семь имен, после чего семь свинок отделились от стада и легли у ног своего хозяина.

— Мой принцип, — объяснил Альфио сконфуженному вору, — поддерживать со свиньями дружеские отношения. Однако к свиньям иного рода это не относится.

### ПОСЛЕДНИЕ ИЗ МОГИКАН?

«Вчера в филиппинский порт Малита ворвался пиратский корабль! Матросы сломали сопротивление полицейских и за каких-нибудь два часа разграбили дома и магазины портовой части города...»

Старая хроника? Ничуть не бывало: сообщение о пиратах появилось на страницах солидной лондонской «Таймс» в одном из январских номеров 1968 года.



### РАДИКАЛЬНОЕ СРЕДСТВО

В магазинах Парижа появилось в продаже новое средство против полноты. На упаковке надписи: «Это средство универсально во всех отношениях». И еще: «Запаситесь терпением, не вскрывайте коробку в магазине!»

Доверчивые покупатели запасаются терпением, вскрывают коробки дома и видят там столовый набор из дюралевой ложки, вилки с обломанными зубьями и совершенно тупого ножа. К набору приложена карточка с надписью: «Приятного аппетита!»



### ОБЛАКА В ПОГРЕБЕ

После сильной грозы «Служба погоды» в Милане получила следующее письмо: «Может быть, вам интересно будет узнать, что всю прошлую ночь я занимался тем, что выкачивал из погреба вашу «легкую облачность».

## ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

„Вокруг света“, 1903 год

### ОДНА ИЗ ОПАСНОСТЕЙ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА

Не раз уже было говорено, что электричество может быть причиной пожаров совершенно так же, как газ, хотя долгое время оно считалось совершенно безопасным в этом отношении. Но так как электрический ток при известных обстоятельствах вызывает горение проводников, то надо думать, что электрические провода могут производить задушение живых людей, в особенности, если они спят в соседстве с такими проводами.

Подобный случай произошел не так давно в маленьком городке — Лонг-Эйре в Соединенных Штатах. В одно прекрасное утро множество лиц, живущих на Нил-стрите, были найдены

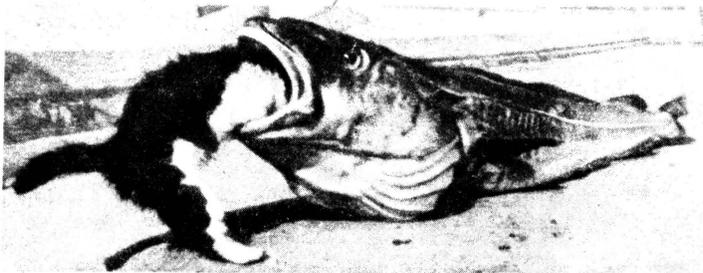
в своих постелях в полубессознательном состоянии: они начинали задыхаться. Занемогших привели в чувство и сделали, конечно, обследование, чтобы узнать, как произошел этот случай, едва не окончившийся катастрофой. Сначала, так как это казалось наиболее вероятным, обвинили провода газовой компании, проложенные под землей названной улицы. Однако самый тщательный осмотр не обнаружил ни малейшей утечки газа. Приходилось искать другие причины. И благодаря розыскам открыли электрические провода, расположенные также под тротуарами, вдоль домов, где произошли случаи начинающегося задушения. Некоторые провода, как говорят, накалились, их температура слишком возвысилась во время прохождения тока. Следствием этого было то, что изолирующий материал, облекавший медные проволоки, сгорел; самый асфальт тротуара размягчился, и во время этого горения образовались ядовитые газы — окись углерода и другие. Газы эти просочились сквозь почву и проникли в жилые помещения, отравляя людей, которые в них спали.



### ЛИРИКА МОЖЕТ ПОДОЖДАТЬ

**В** Бразилии существует поверье: кто коснется пальцем юруру — огромной, с курицу величиной, лягушки, обитающей в болотах внутренней части страны, тот неминуемо потеряет любовь своей жены.

Это суеверие надежно охраняло лягушек. Но на беду, шкура юруру оказалась слишком дорогой: тридцать три цента — эту цену назначили за каждую лягушку фирмы мод США, освоившие производство дамских сумочек из экзотической кожи. Теперь многие охотники Бразилии из кожи лезут, чтобы получить выгодные заказы. За такие деньги, полагают они, можно и подождать с женьбой.



**В**еликое дело инстинкт! Порой он даже срывает бесстрашию. Будь на месте этого огромного тунца рыба еще страшнее, будь она даже жи-

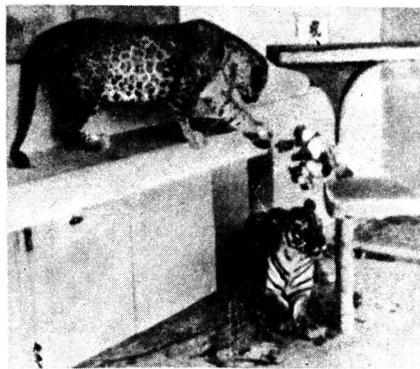
### ЭТО КАК НАЗЫВАЕТСЯ?..

**Э**того зверя, что забрался на тумбочку, зовут Дэйзи. Это его имя. Но зверю, как известно, имя иметь не обязательно, зато уж название — тигр ты или кошка — необходимо. Но как раз названия-то у Дэйзи и нет. Отец Дэйзи — лев, мать — самка леопарда, ну, а сама она что-то вроде леопльвицы.

Но д-р Танака, директор зоопарка в японском городе Осака, не собирается останавливаться на этом удачном эксперименте: он хочет посадить в клетку к Дэйзи тигра. Если и этот эксперимент пройдет удачно, то перед д-ром Танака снова встанет проблема как он назовет нового зверя: тигролеоп? Леолеотигр?..

### ВСЕ ВЫШЕ И ВЫШЕ

**Е**вропейская статистика по эволюции роста мужчин за восемьдесят лет (с 1880 по 1960 год) утверждает, что за это время средний рост молодого испанца увеличился на 2,4 сантиметра, француз — на 4,6; норвежца — на 8,1. Однако больше всего «вытянулись» голландцы: их средний рост на 10,8 сантиметра выше, чем в 1880 году.



### ВПЕРЕД, ПОД ТРУБНЫЕ ЗВУКИ!

**С**портивные успехи цейлонской футбольной команды «Коломбо Рейджерс» иные недоброжелатели объясняют тем, что у нее замечательный болельщик. Нет, это не тот фанатик, что своим энтузиазмом невольно заражает соседей, и не маститый специалист по статистике, своим авторитетом давящий противника. Знаменитый болельщик «Коломбо Рейджерс» — слон, принадлежащий одному из игроков команды. Слон победно трубит, когда любимая команда атакует, и подает сигнал тревоги, если противник прорывается к воротам. Игроки жалеют только об одном — слона нельзя брать с собой за границу на международные встречи.

### БЛИЗОРУКОЕ ЛЮБОПЫТСТВО

**Н**едавно дирекция Гамбургского зоопарка была вынуждена выплатить посетителям изрядную сумму в качестве компенсации за вещи, украденные у них обезьянами. Львиную долю этой компенсации «съели» очки: к ним обезьяны проявляют наибольший интерес. Чаще всего они крадут их в тот момент, когда посетитель наклоняется к прутьям клетки, на которой повешено объявление: «Осторожно! Вы рискуете лишиться очков».

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

### САМОЕ СТАРОЕ ВИНО

**В** аптеке французского города Безансон хранится бутылка вина с 1672 года, и ее долго считали содержащей самое старое вино в свете. Но, как сообщает иностранная пресса, один лондонский купец имеет бутылку штейнвейна, хранящуюся с 1540 года. Вино для питья не годится, как признает сам владелец, но все его этикетки не тронуты, и имеется документ о его происхождении. Оно происходит из погребов баварского короля, содержимых в образцовом порядке, как какая-нибудь библи-

отека. Ни одна бутылка не выходит из этих погребов, чтобы номер ее не был записан в реестр. Покойный король Людовик, посетив однажды эти погребки, приказал освободить их от всех бутылок с вином посредственным, которое не могло бы достойным образом фигурировать на придворных банкетах, и, таким образом, упомянутая бутылка штейнвейна 1540 года переселилась в Англию. Однако другой лондонский коммерсант уверяет, что владеет вином еще более старым. Он утверждает, что его бутылка ведет начало ни много ни мало — с 1340 года. Но документов он не может представить, и пока старшинство остается за штейнвейном.

### О РАЗВИТИИ ФОТОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

**У**совершенствование моментальной фотографии, позволяющей в дробные части секунды делать четкие и ясные снимки с движущихся тел, привело к тому, что ею пользуются также для наблюдения образа жизни мелкой и

крупной дичи. Первый, снявший на фотографическую пластинку множество хищных птиц и другой дичи, был англичанин Черри Кертон. При помощи остроумных приспособлений животных частью заставляли самих открывать затворку камеры, которая после того, как получалось изображение, автоматически захлопывалась. Примеру Кертона последовал немец Карл Шиллингс, который ухитрился даже во время своих охот в Экваториальной Восточной Африке делать ночью при свете молнии снимки с дичи, приходившей на водопой или отправлявшейся на поиски за добычей.



ДЭН ДЖЕКОБСОН — Король алмазных полей . . . . .	2
А. БИՆЬКОВСКИЙ — Ледовые трассы . . . . .	12
Л. КРИВЕНКО — Тишина . . . . .	15
ЛОТТА ГЕРНБЕК — Долгая дорога к вазимба Мадагаскар, плато... . . . .	16 20
А. МАЛАХОВ — Автограф палеозоя «Наутилус» капитана Пиккара . . . . .	23 24
А. ИОРДАНСКИЙ — «Такую находку можно изучать полжизни» . . . . .	26
Е. ЧЕРНЫХ — Кто он, как жил и как погиб... . . . .	27
А. ФРЕЙДБЕРГ — Мы не найдем золотых россыпей . . . . .	28
ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВ — Ручей на Япете . . . . .	32
В. БОЛЬШАКОВ, М. БЕЛЕНЬКИЙ — ККК — сто один год против человека . . . . .	41
М. ТУПОЛЕВ — Гармония целесообразности . . . . .	45
В. АРСЕНЬЕВ — Ичан-кала — город за глиняной стеной . . . . .	48
ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ — Себастьян . . . . .	54
В. ПОНИЗОВСКИЙ — Капля крови . . . . .	57
Л. ВАДИМОВ — Маски «Цама» . . . . .	59
УИЛЬЯМ НЕГЛИ — С луком на льва . . . . .	64
БАРРИ КРАМП — С крючком на крокодила . . . . .	64
ШРИДЖИТХИ СИДДХАНТАЛАНКАР — С буйволом на тигра . . . . .	68
Б. ПИСЬМЕННЫЙ — Хранители огня . . . . .	70
С. МИЛИН — Похищение на бульваре Сен-Жермен . . . . .	72
Пестрый мир . . . . .	78
Листая старые страницы . . . . .	78
Прыжок . . . . .	80

На первой странице обложки: ЛУКСОР. «Плакальщицы». Настенная живопись из гробницы Рамозе (конец XV в. до н. э.).

Это всего лишь деталь полустертой фресковой росписи, длинной лентой опоясывающей стены холодного склепа усыпальницы сановника. Согласно жесткому канону искусства древнего Египта навечно застыли распластанные фигуры носильщиков-рабов, шеренги воинов... Традиционно геометричен рисунок — предметы, фигуры людей и животных составляют остановившийся навсегда, нерушимый узор.

И вдруг движение. Естественное и живое. Ритмичный взмах тонких рук египтянок в полупрозрачных туниках. Сверкают белками миндалины узких глаз. Мерно покачиваются головы в тяжелых плетеных шлемах черных волос...

Эта фреска — удивительный порыв к жизни и откровение, поистине неожиданное в монументально-статичном искусстве древней страны.

Вот уже три тысячи четыреста лет молят плакальщицы всемогущего бога Осириса дать бессмертье усопшему Рамозе и бросить живительный дождь на землю Египта.

Прошли тысячи лет. Пролились тысячи дождей. И наступило бессмертие. Но не сановника Рамозе, а высокого искусства неизвестного нам мастера.

Главный редактор В. С. САПАРИН

Члены редакционной коллегии: В. И. АККУРАТОВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, А. А. НОДИЯ (заместитель главного редактора), К. Г. ПАУСТОВСКИЙ, П. Н. РЕШЕТОВ, Ю. Б. САВЕНКОВ (ответственный секретарь), А. И. СОЛОВЬЕВ, В. С. ЧЕРНЕЦОВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ.

Оформление А. Гусева и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются. Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Суцевская, 21. Телефон для справок 51-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 4-09; иностранный — 2-85; литературы — 3-58, 3-93; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 5/IV 1968 г. Подп. к печ. 16/V 1968 г. А04525. Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Печ. л. 5 (учл. 8,4). Уч.-изд. л. 12. Тираж 2 700 000 экз. Заказ 603. Цена 60 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Суцевская, 21.

## ПРЫЖОК

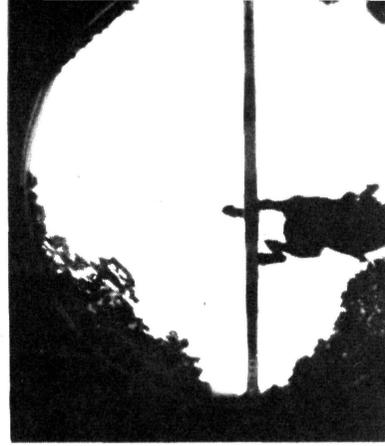
Лошадь не любит дилетантов в верховой езде. Зато если в седле опытный всадник, то движения коня и человека становятся настолько слитными, едиными, один так хорошо понимает другого, что со стороны кажется, будто всадник врос в седло, хотя на самом деле он часто даже не прикасается к нему.

Но вот препятствие. Перед тем как встать на задние ноги, лошадь «слушает» всадника: не боится ли он, уверен ли он в ней. Боится — и лошадь прыгает в сторону, делает «закидку», как говорят тренеры. А если все в порядке, тогда она собирается в комок. Всадник, чувствуя, как напряглись ее мышцы, привстает на стремянах и наклоняется вперед.

Прыжок — и лошадь распластается в воздухе. Вы летите, препятствие под вами, а хочется подняться еще выше, увлекая за собой коня; но помните о равновесии. Сейчас лошади никак нельзя мешать. И нельзя спешить.

Передние ноги лошади уже коснулись земли, надо продержаться еще немного, иначе лошадь сойдет планку задними ногами, осев под тяжестью седока. Но вот она снова собралась в комок, теперь можно слегка ослабить стремяна. На один миг. Впереди следующее препятствие.

Кадры, что перед вами, по отзывам специалистов, уникальны: они были сняты из-под планки препятствия с помощью объектива «рыбий глаз» [угол охвата этого объектива 180 градусов] одним из французских фотомастеров. Тренеры используют эти снимки как материал для подготовки французских наездников к Олимпийским играм.



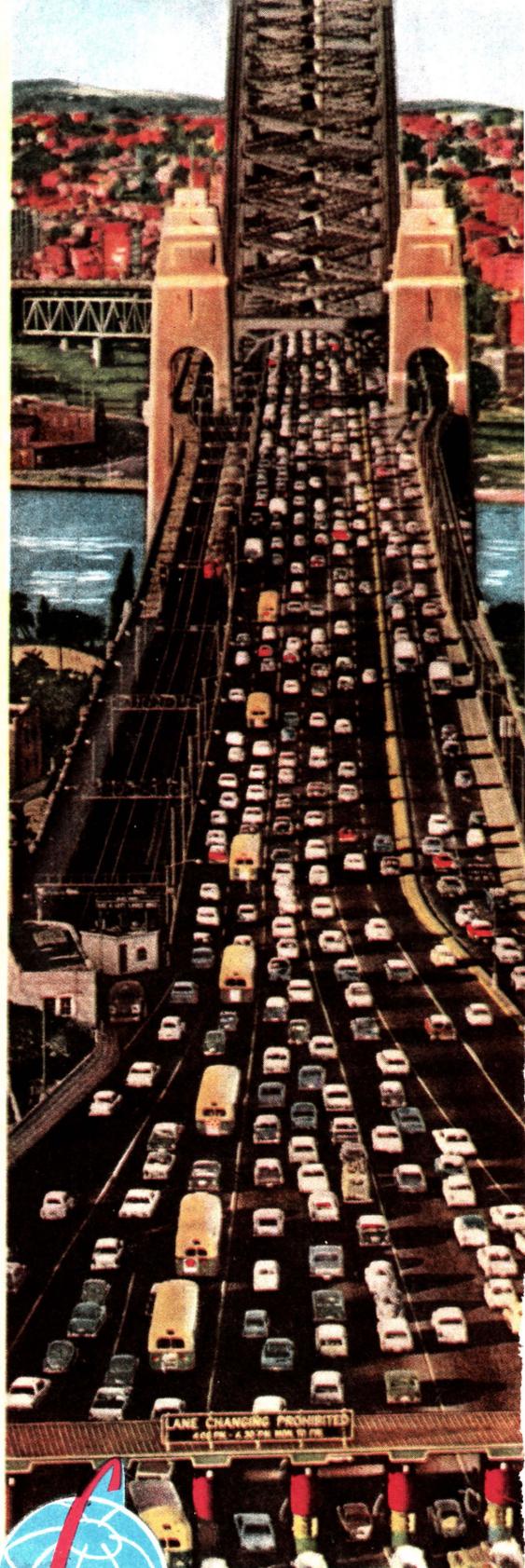
Цена 60 коп.  
Индекс 70 142



*Юлиш*



# АВСТРАЛИЯ



LANE CHANGING PROHIBITED  
4:00 PM - 4:30 PM MON TO FRI

**Спутник**  
БЮРО  
МЕЖДУНАРОДНОГО  
МОЛОДЕЖНОГО  
ТУРИЗМА  
СССР